

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ЖУРНАЛЪ

802-11
214

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Евдеемъ Булгаринымъ.

ЧАСТЬ СТО ТРИНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1827.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № IX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ЖАЛОБЫ МУЖА.

Письмо къ Издателю Журнала.

Избираю Журналъ вашъ, чѣмъ сдѣлашь чрезъ него гласными сокровеннѣйшія шайны моего сердца, и вслухъ произнесшь жалобы, копорыя многіе изъ подобныхъ мнѣ бормочуть себѣ сквозь зубы.

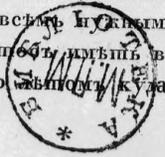
Меня зовушь Горинъ; я имѣю добрую жену, двухъ сыновей, шрехъ дочерей и около шрехъ тысячъ рублей ежегоднаго дохода.

Когда я женился, по все мое отеческое наслѣдство пошло на пригошвленія къ свадьбѣ. Мнѣ хопѣлось досхавишь полное удовольствіе молодой женѣ своей: я купилъ новый домъ, меблировалъ его по здѣшнему, весьма щегольски; снабдилъ кухню и погребъ всякъ нужнымъ, и завелъ себѣ лошадей, чѣмъ имѣшь возможность съѣздити съ женою въ гости куда нибудь прогуляться,

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктшербургъ, Апрѣля 21 дня 1827 года.

*Цензоръ Надворный Советникъ и Кавалеръ
Иродіонъ Вятринскій.*

или избавить ее зимою отъ неприятнаго иъшеходства по снѣгу.

Наконецъ у насъ пошли дѣши. Женѣ моей нѣкогда было выѣзжать часто изъ дому. Я зналъ, что когда имѣешь дѣшей, то надобно жить въ расчепомѣ. Лошадь и экипажъ были проданы; но чрезъ то не сберегъ я ничего. Сосѣдъ мой Раднѣй доспавалъ прудами своими едва до двухъ тысячъ рублей въ годъ, и при всемъ томъ находилъ возможность сберегать ежегодно и ондавалъ въ ростъ по пяти сотъ рублей.

„Я не знаю, какъ онъ это дѣлаешь!“ сказала жена моя. — „Ешь ли у себя охота дѣлать шакъ же, какъ онъ?“ спросилъ я.

Въ слѣдующее за шѣмъ Воскресенье мы поѣхали Раднѣихъ, и поговоря о томъ и о другомъ, завели рѣчь о хозяйствѣ.

„Мы стараемся ограничивать себя сколько возможно“ — отвѣчала Г-жа Радина. „Нынѣ времена плохія. Все дорого. Сиполь у насъ умеренный, и хошя не изъ лакомыхъ блюдъ, но изъ здоровыхъ, и мы отъ него сымы. Кофе по ушрамъ не пьемъ мы уже съ давняго времени; его замѣняемъ у насъ молоко. Кофе дорожаетъ годъ отъ году; молоко всегда въ одной цѣнѣ и при томъ гораздо здоровѣе. Обѣдъ нашъ состоитъ изъ зелени и мяса; ужинъ изъ куска

жаркаго и чашки бульону. Все мы при томъ здоровы и веселы, и шакимъ образомъ находимъ возможность изворачиваться небольшимъ своимъ доходомъ. *Никакой лакомый кусокъ не можетъ быть столько вкусенъ, сколько горька забота о томъ, откуда вьять денегъ.*

Возвратясь домой, жена моя сказала: „оно хорошо; сберечь можемъ и мы кое-что, но пипаться нищенски, однимъ сухимъ хлѣбомъ, не значить жить. Развѣ мы для шого на свѣшъ, чтобъ во всемъ себѣ отказывашь? Мы будемъ мѣшать нашъ кофе съ цикорнымъ, тогда онъ будетъ немного дороже молока г-жи Радной, и все-таки останешся кофе. Отъ обѣда своего мы шакже можемъ убавить блюдо, и чрезъ то сбережемъ не меньше, какъ и они.“

Сказано, сдѣлано. Жена моя ввела въ хозяйство своею разными ограниченія. Такимъ образомъ прожили мы года съ два, и все шакъ не ошложили ничего на спорону. Между шѣмъ число дѣшей нашихъ увеличилось. Для дѣшей нужны плашья: поршники не выходили почти изъ дому; понадобились няньки, лишняя прислуга и... Богъ знаетъ, что еще.

У сосѣда Радина было шакже пятеро дѣшей, и при всемъ томъ, въ концѣ каждая

го года, онъ опдавалъ по прежнему сбереженные въ шеченіе онаго 500 рублей въ проценты.

„Я не знаю, какъ онъ это дѣлаешь!“ сказала жена моя.

„Есть ли у тебя охота дѣлать, какъ онъ?“ — спросилъ я.

Мы опять пошли къ нимъ. Разговоръ скоро склонился къ хозяйству.

„Ахъ! Боже мой!“ сказала г-жа Радина: „при большемъ числѣ дѣшей идетъ лучше, нежели я думала. Правда, что много дѣла, а мало времени, но мы ужь шакъ и расплагаемся. У насъ все дѣлается пунктуально по часамъ. Въ пять мы вспаемъ, въ семь идемъ къ завтраку, въ двѣнадцать обѣдаемъ, въ семь ужинаемъ, а въ девять часовъ ложимся спать. Лѣтомъ и зимою все равно. Почти нельзя повѣрить, любезная сосѣдка, какъ много можно сдѣлать въ день, когда всякое занятіе имѣетъ свою положенную минуту. Къ тому же у меня заведенъ строгій порядокъ въ домѣ. У насъ все имѣетъ свое назначенное мѣсто. Онъ шого ничшо не заперивается, ничшо не закладывается. Мнѣ не надо, какъ многимъ другимъ, какойнибудь четверши или даже и получаса, для опысканія заложенныхъ ключей, или иной вещи. Онъ шого у меня

не только доспаешь времени, но еще и оспаешь свободное. Онъ скуки я шью дѣшьямъ платью и не имѣю нужды ни въ нянькѣ, ни въ поршнихъ.“

Мы возвратились домой. „Не забудь о ключахъ!“ сказалъ я женѣ своей. Она поняла меня. Нѣсколько мѣсяцевъ и у насъ шло все пунктуально по часамъ; все имѣло свое время и свое мѣсто. Но мало по малу надобно опять было искашь ключей. Дѣши подростали, это увеличивало заботы. Нельзя было успѣшь усмошрѣшь за ними, нельзя обойшсь безъ няньки, и при всемъ шомъ у жены моей были полны руки дѣла. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Я все не сберегъ ничего, а жена моя выбилась изъ силъ онъ работы.

Г. Радинъ жилъ по прежнему, и всякій годъ ошкладывалъ по 500 сбереженныхъ рублей на спорону.

„Не понимаю, какъ онъ это дѣлаешь!“ сказала жена моя. „Всѣ его дѣши шакъ хорошо одѣшы, доходъ его не увеличился, а онъ все чтонибудь сберегаетъ.“

Мы опять посѣщили сосѣда, и удивлялись, какъ онъ, при шакомъ семействѣ и при маломъ доходѣ, можетъ существовать.

„Почему жѣ не шакъ?“ — ошвѣчалъ онъ. „Что на одной споронѣ шерещь, шо

въ другой выигрываешь. Покуда у насъ не было дѣшей или было мало, я все таки иногда заглядывалъ къ пріятелямъ, и любилъ и ихъ попошчивать у себя буылкою хорошаго вина. Моя жена также посѣщала своихъ знакомыхъ и приглашала иногда къ себѣ на чай. Тенерь сидимъ мы дома; ибо *для родителей иль лучшаго и пріятѣйшаго общества, какъ семья добрыхъ дѣтей.* А когда хороша погода, то идемъ всѣ вмѣстѣ гуляшь и раздѣляемъ наши удовольствія, и шакая прогулка не стоишь и десятой доли того, что прежнія званія общества. Такимъ образомъ посѣщенія и угощенія прекратились, а съ тѣмъ вмѣстѣ жень моей нужно меньше плашьевъ, леншь и другихъ вздоровъ. Госпиная комната сдѣлалась для насъ не нужна, мы отдали ее въ наймы, и на эти деньги покупаемъ для дѣшей ежегодно новыя плашья. Къ тому же намъ не нужно теперь шолько мебели, не нужно шолько мести и чистишь, а ошь этого берегаешся болѣе, нежели думаешь.“

Мы возвратились домой. Это не трудно, думали мы; можно и у насъ попробовать. Мы спали меньше ходишь въ гости, больше сидишь дома, и посѣщенія къ намъ сдѣлались рѣже и рѣже. Ошь этого выиграли мы много дорогаго времени, много доро-

гихъ денегъ, и радовались, находя истинное удовольствіе въ кругу дѣшей своихъ. Но дѣши росли; мальчикамъ понадобились книги, плаша за учебу; дѣвушка должно было учить музыкъ, панцовашъ. Прошло около двухъ лѣтъ, и я все не сберегъ ничего.

Напрошивъ того сосѣдъ Радинъ ошклавывалъ, какъ обыкновенно, всякій годъ сбереженные имъ 500 рублей, и отдавалъ въ проценты. И при всемъ томъ сыновья его ходили въ школу; дочери, какъ увѣряли насъ, панцовали изряднехонько, и играли также на фортепьяно.

„Не понимаю, какъ онь это дѣлаешь!“ сказала жена моя. „Развѣ онь умѣешь колдовать.“

„Посмотримъ“ — отвѣчала я, и мы пошли къ нему.

„Нѣтъ!“ говорила намъ Радина: „мы дѣлаемъ это безъ колдовства. Но мы располагаемся, смонри по обстоятельствуамъ. Дочери мои помогающъ мнѣ въ хозяйствѣ; у всякой помѣсячно кухня и погребъ на рукахъ; между тѣмъ другія шьютъ и вышивающъ. Работы раздѣлены между ними надлежащимъ образомъ; ошь того все идетъ своимъ порядкомъ: одна другой не мѣшаешь, одна другой не дожидается. А какъ ихъ работницъ много, то каждой достается не

много дѣлать. Старшій сынъ нашъ беретъ уроки у шанцмейстера и учителя музыки. Чшобъ не забыть выученнаго, ему нужно повпорять дома прилежно; но кто дѣлаешь это самъ по себѣ охотно? Чшобъ побудишь его къ тому, я задѣла его за самолюбіе. Мы сдѣлали его домашнимъ учителемъ. Онъ учитъ сестеръ своихъ шанцовать и играеть на фортепьяно, а братьевъ Лашинскому языку, Ариѳметикѣ и прочему. Чему онъ сегодня въ школѣ выучивается, какъ ученикъ, шо завпра дома преподаешь, какъ учитель. А чшобъ бышь дома хорошимъ учителемъ, спарается онъ бышь внимательнѣе въ училищѣ, и пошому учится лучше и прилежнѣе, нежели другіе. Мы не можемъ нарадоваться его успѣхами и помогаемъ ему, гдѣ и сколько можемъ. *Это ввели мы съ самага начала; всякій радовался шому и дѣлалъ охотно, пошому чшо это было ново. Теперь это не привлекаеть уже своею новосцію, но обратилось въ привычку, а привычка есть вторая натура.*“

Мы возвратились домой. Разсуждали о шомъ, чшо слышали; но не могли ввести шого же у себя, пошому чшо время было упущено. Мы привыкли къ другому порядку, а привычка вторая натура.

Правда, чшо и мои дѣши учились прилежно, но и дѣши Радина также. Я опиравилъ сына своего доканчиваешь ученіе въ Университетъ. Радинъ опдалъ старшаго изъ своихъ, кошорый конечно имѣлъ свѣдѣній не меньше, какъ и мой, въ науку къ ремесленнику.

„Помилуйте, г. Радинъ, для чего вы это сдѣлали?“ спросилъ я у него.

„Почему жъ не такъ?“ отвѣчалъ онъ. „Мое шакое правило, чшо сынъ мой долженъ напередъ выучиться какомунибудь ремеслу, чшобъ бышь въ сосноянніи честнымъ образомъ пропитаешь себя шрудами рукъ своихъ, если шруды головы не будутъ доспавлять ему сколько нужно, или постигнешъ его какое несчастіе. Какъ скоро выучился онъ ремеслу, шо пошлю его въ Университетъ. Когда окончишь шамъ ученіе, долженъ увидѣшь свѣшь: пустьъ ѣдешь въ Германію, Францію и Англію. Для путешествія нужны деньги: онъ можетъ доспавать ихъ ремесломъ своимъ, а на шо, чшо сбережешь, осмашриваешь, какъ ученый, все досшойное любопытшества. Возвращаясь лишь двадцати слишкомъ домой, онъ не будетъ уже мнѣ въ шягосеть, и займешъ шѣмъ, чшо сочтешъ выгоднѣйшимъ. Привыкши къ суровой жизни, онъ спанешъ ножки пропя-

гашь по одежкѣ, и сдѣляется добрымъ, честнымъ, смышленнымъ, любимымъ и уважаемымъ гражданиномъ, супругомъ и ошцемъ семейства.“

Мысль эта мнѣ понравилась. Я сказала о помъ женѣ своей. Она всплеснула руками. „Нѣтъ, любезный другъ!“ сказала она: „сынъ нашъ долженъ учиться, пошомъ служишь, и получишь хорошее мѣсто, кошорое можешь пропитать его честнымъ образомъ. Тогда ему не мудрено будешь взять жену съ досташкомъ. А кто ошдася дочь свою за ремесленника?“ — Я сказала о помъ своему сыну. Онъ ошвѣчалъ: „вы шушите, бабюшка! Если учишься, шо надобно учишься *одному* чему нибудь, и учишься *хорошо*. Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймашь.“

Я оставилъ мысль свою. Между тѣмъ содержаніе сына въ Университетѣ стоило мнѣ денегъ, и довольно большихъ по моему сосшоянію. Дочери мои стоили мнѣ еще болѣе. Пора было думать о ихъ замужествѣ, и пошому надобно было одѣвать ихъ лучше, водить въ общешва, на балы и концершы, куда ихъ приглашали. Ихъ всѣ любили и хвалили. Мы экономничали, гдѣ только можно было экономничать; но дѣвушкамъ нужны были, шо новыя шляпки,

шо новыя лешпы, шо новыя башмаки. Въ однихъ и шѣхъ же платьяхъ нельзя имъ было всюду показывашься. Правда и шо, что большую часть шѣхъ платьевъ кроили и шили онѣ сами; но нипокъ и иголокъ, лешъ и кружевъ, крепу и кисей не могли же онѣ сами дѣлать. Я расшывала и пересчшывала, сберегала и ошказывала себѣ во всемъ, кромѣ необходимаго, и при всемъ помъ всякій годъ долженъ былъ издерживать до 1000 рублей болѣе, нежели сколько получалъ доходу.

Г. Радинъ изъ года въ годъ, и шилъ, какъ и прежде, сберегала по 500 рублей и ошдавалъ ихъ въ проценты. И при всемъ помъ дочери его были опрятно и со вкусомъ одѣшы, и въ угодникахъ у нихъ не было недосашка, какъ и у моихъ.

„О!“ сказалъ мнѣ г. Радинъ. „Дѣвушка, если только она не ошврашительна, всегда найдешь себѣ обожателей. Объ этомъ нѣчего безшокоинься; ибо это весьма ешественно. Мои дочери не имѣють ошличнаго образования, не часто посѣщаютъ Теашрѣ, не читають Романовъ; концершы играють сами себѣ дома, ходяшь въ гости къ своимъ подругамъ, и принимають ихъ у себя; но чтобъ имъ посѣщать публичныя балы и знашныя общешва — никогда.

Дѣвушка не должна приучаться къ такой жизни, о которой она не знаетъ еще, будь ли въ состояніи вести ее всегда. Умные хозяйствовашь и добрый нравъ есть лучшая рекомендація для дѣвушки; познанія и дѣятельность, лучшая рекомендація для мальчика. Самая важнѣйшая изъ ошибокъ нынѣшняго воспитанія есть та, что дѣвушекъ готовятъ больше для короткаго времени, въ которое онѣ слыгутъ невѣстами, нежели для долгаго времени брачной жизни. У насъ много прекраснѣйшихъ невѣстъ, но мало, очень мало добрыхъ супруговъ. Между дѣвушкой до свадьбы и женщиной послѣ свадьбы такая же разница, какъ между львомъ и зимою, между небомъ и землею.“

Онъ правъ! думалъ я, и сказала о томъ женѣ своей. „Онъ правъ!“ отвѣчала она: „но мы также не меньше правы! — Ему хорошо говорить: онъ сколотилъ себѣ порядочную кучку денегъ; его дочери не останутся безъ мужей. У насъ попрошивъ нѣтъ такого состоянія, и для него дочери наши должны спарашься правиться на приданымъ своимъ, но личными достоинствами. Его дочерей опытуешь и дома. Мы своихъ должны показывать публично, въ обществѣхъ и концерсахъ, на балахъ и вечеринкахъ,

иначе бѣдные дѣвки останутся безъ мужей: на поварь, который не выспавляющъ на показъ, мало охотниковъ.“

И замолчалъ. Ничего было дѣлать; испорченнаго прежде нельзя поправить теперь.

Всѣ при дочери Радина вышли замужъ въ одномъ и томъ же году, за честныхъ и уважаемыхъ людей. Мои дочери все еще сидѣли дома или въ ихъ собраніяхъ. Угодниковъ было у нихъ довольно, но именно потому не было жениховъ. Дѣвушка, о которой молодые люди часно говорятъ, которой много угождаютъ, не есть уже совершенно свѣжій цвѣтокъ, и всякій умный и благородный человекъ, ищущій себѣ нѣжную супругу, скорѣе спашетъ ее искашь въ пишинѣ домашней жизни, нежели на шумномъ паркешѣ панцовальной залы. Многіе образованные молодые люди, которые при женитьбѣ не смотряшъ на приданое, не берутъ попому только дѣвушекъ, приученныхъ щеславными мамерами къ разсыніямъ разнаго рода и дорого спующимъ удовольствіямъ, что не хотяшъ или не могутъ позволить имъ продолжашь такого рода жизнь. Всякій, если и беретъ жену безъ состоянія, хочетъ по крайней мѣрѣ,

чтобы она сохранила ему собственное его. И онъ имѣешь полное на то право.

И шакъ, какъ сказано, дочери мои спощюють мнѣ о сую пору большихъ денегъ; сынъ мой спощюють мнѣ шакже не мало. Въ то время, какъ первыя играють роль въ блистательныхъ обществвахъ, сижу я съ машерью дома и ѣмъ каршофель. И при всемъ шомъ дохода моего недоспанешъ на прожшокъ. Каждый годъ прибавлялъ я ошь 800 до 1000 рублей, и пошому за три года передъ симъ, принужденъ былъ продать свой домъ и жить на кварширь.

Сосѣдъ мой Радигъ, выдавъ дочерей замужъ, переменилъ совершенно образъ жизни. Онъ купилъ себѣ небольшой загородный домъ, завелъ себѣ лошадь и экипажъ, и не опкладываетъ болѣе по 500 рублей въ годъ.

„Къ чему это шеперь?“ сказала онъ мнѣ на мой вопросъ. „Бережливостію своею я скопилъ себѣ хорошей капиталъ, съ котораго получаю проценты, досташочные для моего содержанія. Жена моя и я привыкли къ простой, суровой жизни, но мы спановимся спары. Мнѣ 56 лѣтъ, женѣ моей 43 года. Покуда мы были молоды, находили всякую пищу вкусною. Теперь зубы наши шупьютъ. Мы должны искусшвомъ замѣнять то, въ чемъ природа намъ опка-

зываетъ. Мы ѣдимъ лучше и ѣдимъ чаще прогуливаясь, посѣщаемъ дѣшей своихъ и дѣлѣемъ своихъ внучашъ. Ахъ! другъ мой! эта жизнь вознаграждаетъ мнѣ все шруды и заботы прежнихъ лѣтъ. Это настоящій рай, и я молю шолько Всевышняго, да позволить мнѣ долго наслаждаться ею.“

Такъ говорилъ онъ, и въ глазахъ его блиспали слезы. И у меня навернулись слезы, но не слезы радости. Ты понимаешъ меня, почтенный Издатель! Не скажу ни слова болѣе. Спаросшь моя несчастлива и впереди не вижу никакого ушщенія. Для штого рѣшилъ я сообщить шевѣ свою исторію. Она можешъ принести пользу. Имѣ Горинъ, вымышлено, но шѣмъ не менѣе справедливо описаніе судьбы моей. Знаю, что шакова же судьба и многихъ людей. Они шощюють шу же жалобную пѣсню, какъ и я; шолько всякій на свой манеръ.

Твой усерднѣйшій чшашатель

Горинъ.

ЗАПИСКИ ОБЪ АНГЛІИ.

1.

Б А Н К И Р Ы.

On peut s'enrichir dans quelque art ou quelque commerce que ce soit, par l'ostentation d'une certaine probité.

La Bruyère.

Нѣтъ въ свѣтѣ города, въ которомъ бы распочали деньги болѣе, нежели въ Лондонѣ; и нужды и прихоти множашся тамъ до безконечности, и купцы перебивають другъ у друга покупателейъ всѣми приманками вышавки своихъ шоваровъ и всѣми шарлашанскими способами. Къ тому же есть одна очень странная причина распочительности: недоспашокъ денегъ; эшо, безъ сомнѣнія, покажется парадоксомъ, а за всѣмъ тѣмъ суцая правда. Въ сей столицѣ ходящъ въ обращеніи бумажныя деньги, почему и привыкають ирашишь ихъ очень легко. Самые упошребительные банкношы въ одинъ и въ пять фуншовъ шерлинговъ, называемые rounds, пропадають изъ кармановъ вашихъ съ удивительною скоростію.

По сему-то всякій убѣдишь, что есть изъ чего сославить эпизодъ въ путешествованіи въ Англію, когда заговоришь о банкирахъ, играющихъ столь важную роль въ странѣ, гдѣ коммерція входитъ въ составъ дипломашики.

Едва кто изъ иностранцевъ пріѣзжаетъ въ Лондонъ, не запасясь кредитивомъ на какой нибудь банкирскій домъ; если хочешь быть хорошо принятымъ, то къ эшому необходимому запасу надобно прибавить еще рекомендабельное письмо. Во Франціи не существуетъ разницы между тѣмъ и другимъ: кредитивъ тамъ служишь обыкновенно доспашочною рекомендаціею банкиру, къ которому онъ адресованъ; а рекомендабельное письмо часшо замѣняетъ кредитивъ. Иное дѣло въ Англіи. Съ однимъ кредитивомъ не пригласятъ васъ даже съестъ; съ просимымъ рекомендабельнымъ письмомъ вы не получите ниже пол-кроны отъ банкира. Эшо страна величайшей почности. Тамъ не сдѣлають ни больше, ни меньше того, что должно.

На дняхъ молодой Французъ, купеческій сынъ, пріѣхалъ въ Лондонъ, и былъ адресованъ ко мнѣ; хотъ онъ имѣлъ съ собою доспашочный запасъ рекомендабельныхъ писемъ, но я счелъ долгомъ ввести его въ раз-

ные дома, и между прочимъ къ одному изъ важнѣйшихъ банкировъ Ломбардской улицы.

Было девять часовъ поутру, когда мы пошли къ Спранду, самой торговой улицѣ въ Лондонѣ. Еще лавки несовсѣмъ были оппершы. Товарищъ мой замѣшилъ мнѣ это, удивляясь при томъ лѣнкости людей, кошорые также хорошо знаютъ цѣну времени, какъ и денегъ. „Здѣсь все разочнено, мой любезный,“ сказала я ему. „Хоть продажа никогда не начинаешся ранѣе девяти часовъ, но лѣнкость въ этомъ случаѣ есть слѣспіе опышности; всякій родъ повара раскупаешся въ свои часы: чулочникъ оппираетъ у себя двери за два часа до брилліаншника, своего сосѣда. Пара чулокъ можешъ понадобиться бѣдняку очень рано поутру, а богачъ не поидешъ, недоспавъ, покупашъ брилліанты; за то въ семь часовъ вечера, чулочникъ уже запираешъ свою лавку, а брилліаншникъ оспаешся во всемъ блескѣ своемъ и за полночь.“ Между нѣмъ продолжали мы пущь.

Спрандъ и смежное съ нимъ Сипи, самыя лучшія части Лондона. Длинный рядъ большахъ улицъ, начинающійся опъ Charing-Cross и кончащійся у Royal Exchange (биржи), предспавляющъ самое блистательное и разнообразное зрѣлище. Съ лавками перемша-

ны прекраснѣйшія зданія; палаты Лорда стоящъ влощъ съ купеческимъ магазиномъ, и часто хозлева того и другаго принадлежатъ одной фамиліи. Въ Англіи, знаннѣйшія особы ограничивающъ иногда свое честолюбіе пѣмъ, чпо оспавляющъ великое имя въ коммерціи. Нерѣдко Англійскіе вельможи, для пріобрѣтенія большей довѣренности опъ народа, записывающся въ ремесленные цехи. Въ Лондонѣ ещъ Графы-паопники, Баронешы-сапожники, Маркизы-цирюльники. Это почешъ, воздаваемая коммерціи и промышленности.

Наконецъ мы пришли въ Lombard-street. Это маленькая улица, въ недалнемъ разспояніи опъ биржи; въ ней нашлось бы чѣмъ заплашищъ за цѣльй Лондонъ, если бы его пушили въ продажу; пущъ живущъ богашнѣйшіе Лондонскіе банкиры. Имя г-на Адамсона выспавдено было, по обычаю, на мѣдной доскѣ, прибишой къ двери. Жилище его имѣло очень скромную наружность и нимало не походило на жилища Парижскихъ банкировъ, кошорыхъ дома съ обширными дворами, съ длинными кашшановыми аллеями и высокими галереями, прослыли бы въ Лондонъ за дворцы. Англичане мало заботящся о бесполезной пышности.

Я сдѣлалъ четыре сильныхъ удара у ворошь, чѣмъ подашь высокое понятіе объ особахъ нашихъ; намъ опшеръ слуга въ корпкомъ камзолѣ. Я замѣнила молодому Французу, чѣмъ по обѣимъ сторонамъ ворошь висѣли кисти ошъ звонковъ. У одной была подпись: countinghouse-bell, а у другой: house-bell. По эшимъ звонкамъ распознаюшь, до кого имѣешь дѣло пришедшій: въ коншоръ, или въ домъ.

Ничего не можешь бышь проще и прелестнѣе внушенности дома г-на Адамсона; въ снѣжъ посланъ былъ половикъ изъ лощеной холщины, кошорый покрывалъ лѣшницу по всей длинѣ ея. На право и на лѣво большія комнаты, наполнены коншорщиками, кошорые пишущъ все стоя за высокими коншорками à la Tronchin. Только и слышенъ скрипъ бѣгающихъ по бумагъ перьевъ. Милліоны передвигались въ эшой машперской банкира, а не было слышно звука ни одной кроны. Все только банковые блелешы переходили изъ одного бумажника въ другой, въ честь подписей, дѣланныхъ купцами чешырехъ часшей свѣша.

Лондонскіе банкиры живутъ, почти все, за городомъ; прѣзжающъ же въ городъ только для надзора за своими дѣлами, присутствія на биржѣ, подписи счетовъ и

прочненія писемъ; съ биржи отправляются они почтчасъ въ свой country-house. Г-на Адамсона еще не было, когда мы пришли, почему и дожидались мы въ залѣ. Вскорѣ кабриолетъ оспановился у ворошь, и вошелъ къ намъ хозяинъ дома.

Сначала онъ спросилъ у насъ довольно сухо, чѣмъ привело насъ къ нему. Молодой Л* подалъ ему свое рекомендацельное письмо, я сказала о немъ по же нѣсколько словъ и тогда г. Адамсонъ привѣтствовалъ насъ съ улыбкой, говоря: „лѣша мои и подагра дѣлающъ меня плохимъ дѣла вась шоварищемъ; но одинъ изъ моихъ племянниковъ, молодой человекъ, очень расшоронный, заступитъ при вась мое мѣсто, покажешъ все, чѣмъ угодно, въ нашемъ краю, и можешъ вамъ проводить пріятно время, кошорое вы здѣсь пробудете.“

Онъ попросилъ насъ войши въ его кабинетъ. Въ эшой комнатѣ, довольно обширной, не было богатыхъ украшеній; въ ней глаза не ослѣплялись ни золотомъ, ни бронзою, ни хрушалеми, но прелестнѣйшею дѣла нихъ приманкою была изящная простота, возвышаемая сподлько же вкусомъ, какъ и опрашностію. Два кресла, обичные чернымъ сафьяномъ, нѣсколько спудьевъ и кровать Американскаго дерева, съ занавѣсами

Индійскаго полотна, соспавляли часть мебели. Далѣ служило украшеніемъ кабинету огромное бюро, покрытое письмами и бумагами, сжатыми въ спальныхъ щипцахъ; маленькіе спѣнные часы изъ чернаго мрамора, стоящіе на каминѣ, котораго края украшены были коралловыми вѣшнями и двумя Японскими вазами; нишь, наполненная бабочками и колибри; мраморный бюстъ Принцессы Шарлоты; портреты Пинша, Нельсона, Фокса, которые помѣщались между большими географическими картами, наклеенными на холстъ и вылакированными Арровсмитомъ (Arrowsmith); наконецъ бюстъ старой женщины, стоящей на подножій краснаго дерева.

Г. Адамсонъ, человекъ лѣтъ шестидесяти, весьма богатый и весьма уважаемый. Его лысая голова имѣетъ что-то благородное, когда не покрыва она сѣрою шляпою съ длинными полями. Онъ расположился по-хозяйски: при насъ же старый камердинеръ подалъ ему шуфли краснаго сатѣна, небольшой черный шелковый колпакъ и халашъ бѣлаго пике. Приказавъ принести себѣ завтракъ, онъ спалъ, въ ожиданіи, занимаясь дѣлами съ своими конпорщиками. Кассиръ подалъ ему множество векселей для учета; онъ поспѣхъ разобралъ ихъ по

разрядамъ съ удивительною легкостію и сложилъ въ двѣ кучи, изъ которыхъ одна отправилась въ кассу, а другая обратно къ ненадежному векседавцу. Одинъ конпорщикъ далъ ему подписать ассигновки, другой вручилъ письма; послѣдніи читалъ Г. Адамсонъ съ большимъ вниманіемъ и дѣлалъ карандашемъ замѣтки на полѣ каждаго письма. Онъ представилъ намъ одного изъ конпорщиковъ, сына Лорда Ал*, котораго отдалъ къ нему въ ученіе опцемъ.

Старый камердинеръ пришелъ опять, неся небольшой сполкѣ съ полнымъ чайнымъ приборомъ и разными закусками. Г. Адамсонъ предложилъ намъ раздѣлить его завтракъ, и мы согласились, въ помѣ намѣреніи, чтобъ имѣть время поспѣрѣть еще на человекъ, котораго между своими поварами считаеяся образцемъ Лондонскаго купечества.

Молодой Французъ изъяснилъ предъ нимъ свое удивленіе, что онъ работаетъ съ шакою дѣяшельностію, тогда, какъ могъ бы доставить себѣ весь удовольствіи пикхой, беззаботной жизни. „Работа, сударь,“ отвѣчалъ банкиръ, положи колпакъ къ себѣ на колѣни: „сдѣлалась для меня необходимостію съ пѣхъ поръ, какъ перестала быть моею обязанностію. Я очень люблю деревню, но

менѣ бы находилъ въ ней удовольствія, если бь не былъ принужденъ каждое утро оставлять ее, что бы провести нѣсколько часовъ въ Лондонѣ. Я осудилъ себя на долгое время къ самой усадчивой работѣ, чтобы дославивъ себя независимость, которой наконецъ достигъ и опъ которой уклоняюсь теперь единственно по привычкѣ. Товарищъ мой пустился было въ расказы о нѣкоторыхъ знанйшшихъ Парижскихъ банкирахъ; но г. Адамсонъ зналъ ихъ лучше, нежели онъ и, какъ мнѣ показалось, уважалъ очень немногихъ. И самые богатые, по видимому, не стояли выше другихъ въ его мнѣніи, что весьма удивительно въ Лондонѣ, гдѣ первѣйшая дань уваженія платится золоту. „Ваше финансовое положеніе, господи Французъ,“ сказалъ онъ: „нагнало къ вамъ съ нѣкотораго времени множество фокусниковъ (casse-cous), которые прискакали по почтѣ, чтобы грабить васъ и набогачаться. Я всегда думалъ, что невозможно приобрести въ короткое время милліоновъ, не бывъ мошенникомъ или глупцемъ; а эти два шила не слишкомъ похвальны въ коммерціи. Банкирство, какимъ я занимался во всю мою жизнь и какое въ употребленіи у нѣкоторыхъ банкировъ нашего края, есть средство разбогатѣть не

иначе, какъ въ печеніе весьма продолжительнаго времени. Всѣ выгоды въ немъ предвидяся заранѣе благоразуміемъ и рачитываюмся безошибочно. Безразсудный, который вздумаетъ придашь себя ходу, чтобы скорѣе достигнуть цѣли, подвергается опасности споткнуться на дорогѣ: въ случаѣ удачи весь свѣтъ закричишь о его счастьи, но возьмешь назадъ свои вклады. Коммерція пребудетъ большого благоразумія и продолжительнаго перпѣнія. Предпріятія, дѣлаемые на удачу и могущія быть разорительными, не дають и тогда высокаго понятія о нравственности того, кто ихъ зашѣялъ, когда они даже увѣнчаются успѣхомъ. „Вошь, прибавилъ онъ, покачивая лысою своею головою, испорія нѣкоторыхъ изъ вашихъ богатыхъ финансеровъ, которые, по неслыханному счастью, нашли шайну сдѣлашь значительнѣе свою подпись, нежели свою голову. Совсѣмъ не шакъ,“ продолжалъ онъ, возвыся голосъ: „достигали богатства Барнеши, Самсоны, Ллоиды, Рамсоны, и сколько другихъ.“

Говоря это, г. Адамсонъ прилебывалъ съ наслажденіемъ чай свой. Нашъ завтракъ нѣсколько зашянулся; мнѣ показалось, что Англійскій банкиръ большой охотникъ до шакихъ завтраковъ; припомъ не мѣшаюшъ

они ему занимаешься и дѣломъ. Молодой Д* былъ въ восторгѣ отъ его простоты, чистосердечія и ясности мыслей. Въ мѣста въ Европѣ, въ ихъ настоящемъ положеніи, помѣщались въ головѣ его съ удивительнымъ порядкомъ. Въ каждомъ изъ важнѣйшихъ городовъ учреждена была г. Адамсономъ развѣдывательная контора, поставляющая его въ возможность судить о мѣрѣ довѣренности къ разнымъ лицамъ, избѣгать невѣрныхъ спекуляцій и опасныхъ займовъ.

Дѣла его слѣдовали съ такою поспѣшностію одно за другимъ, что мы боялись, не мѣшаемъ ли ему, и раскланялись. На прощаньи г. Адамсонъ спросилъ у молодого челоуѣка, хочешь ли онъ взять у него вдругъ всю сумму, на которую имѣешь кредитивъ, или, какъ обыкновенно дѣлають, будешь брать по частямъ, по мѣрѣ своихъ надобностей? Товарищъ мой согласился на послѣднее, и расходчикъ принесъ ему пошчасъ нѣсколько шакъ называемыхъ draughts, родъ печашныхъ марокъ, которыми замѣняея вся сумма и за которыя плащашь по предъявленіи; это очень уношребительно въ Англіи, и принадлежишь къ лучшему пону. Съ шакими марками показываешь всякому, что имѣешь банкира. Эшимъ возбуждаея довѣренность, не смотря на то,

что купцы часто попадали чрезъ шо въ просакъ. Знашные люди въ Лондонѣ иначе и не плащашь, какъ посредствомъ своихъ банкировъ, въ кассу которыхъ будно бы положили все свои деньги.

Мы просились съ г. Адамсономъ. Онъ просилъ насъ посѣщать его и прѣхашь къ нему къ обѣду въ Hackney, прекрасную деревеньку въ окрестностяхъ Лондона. „Тогда,“ сказала онъ: „А онброшу дѣла въ спору, и спряшавъ банкира, покажу вамъ въ себѣ только добраго собесѣдника.“

2.

Продажа женъ въ Лондонѣ.

Qui que tu sois, elle est ou fut ta mère.

Legouvé, *Mérite des femmes.*

Лондонскіе Суды наказываютъ большою пеней челоуѣка, который не оказываешь жалости къ скошамъ, но нѣшь у нихъ закона, ограждающаго уничтоженіе лучшей половины челоуѣческаго рода! Напрошивъ, форма разводовъ, совершаемыхъ продажею женъ между чернымъ народомъ, основываея, какъ кажеяся, на обычаяхъ, перешедшихъ отъ древнихъ Брепоновъ еще прежде

Датскихъ династій. Мужъ, недовольный своею женою, сомнѣвающейся въ ея вѣрности, или имѣющей доказательство на безпорядки ея, хочешь развестись: онъ сказывается о томъ женѣ своей, и они идутъ другъ съ другомъ въ публичное мѣсто, въ рыночный день. Мужъ ведетъ жену на веревкѣ, задѣшой за ея шею; онъ привязываетъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ продаютъ скотину, и продаетъ ее всенародно, въ присутствіи свидѣтелей. Обыкновенно Присавъ назначаетъ цѣну, очень же часто и самъ супругъ. По условію въ цѣнѣ, рѣдко превышающей нѣсколько шиллинговъ, покупщикъ отвязываетъ женщину и ведетъ ее также за веревку, которую отвязываетъ отъ ея шеи не прежде, какъ прошедши полрынка. Эшотъ родъ продажи, очень употребительный въ Англіи, называется шамъ у простаго народа *horn-marquet*, *торгъ рогами*. Покупщикъ, всегда вдовый или холостой, обыкновенно бываетъ любитель проданнаго шовара. Купленная жена дѣлается законною его супругою. И дѣти, родящаяся отъ сего союза, считаются также законными; законъ противъ прелюбодѣянія и многоженства не простирается на такіе разрывы супружества, ни на вновь заключенные союзы. Случается однако иногда, что

купившій жену вступаешь съ нею въ бракъ церковнымъ обрядомъ, чтобы ошшранишь отъ дѣшей своихъ все припизаніа. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, одинъ Англійскій Лордъ подалъ шому примѣръ. Похитивъ и пошомъ купивъ жену своего лакея, онъ обвѣчался съ нею въ церкви.

Въ 1817 году 12 Апрѣля, проходилъ я чрезъ рынокъ Smithfield', на которомъ продается скотина. Народу было множество; я увидѣлъ человека, который усиливался накинуть веревку на шею молодой и прекрасной женщины. Несчастливая пропивилась и защищалась всеми силами. Какъ они очень шумѣли и дѣлали буйство, то Присавъ захватилъ ихъ и отвелъ къ Судѣ. На вопросъ о причинѣ такого самоуравства, мужъ отвѣчалъ, что жена его нарушила супружескую вѣрность. Жена призналась чистосердечно, что невинность ея не совсемъ безъ упрека. Судья долженъ былъ только перзашься такимъ варварскимъ позорищемъ и спенашъ, что законъ былъ нѣмъ для предупрежденія подобныхъ безчестствъ. Онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ: велѣлъ мужу представить поручительство, что будешь жить мирно, а пошомъ сдѣлалъ обоимъ самымъ строгія увѣщанія, и ошпустилъ ихъ.

Подобная продажа совершилась 9 Декабря 1816 года, в Донкастеръ, на площади Buttacross, среди многочисленной толпы народа; мужъ продалъ жену Живописцу за пять съ половиною шиллинговъ.

Въ Веллингтонъ, 30 Января 1817 года продалъ нѣкто жену свою за полшора шиллинга, при чемъ попочивалъ купившаго кваршою пива, чшобъ раслишь за его здоровье.

Ещё несчастную, немѣвную и двадцати лѣтъ, приначили на веревкѣ жестокой мужъ на площадь Dartmouth 4 Апрѣля 1817 года, съ неслыханнымъ звѣрствомъ, и продалъ за двѣ гинеи. Плачевное положение эшой женщины, бывшей замужемъ еще не болѣе полшора года, возбудило живѣйшее участие между зрителями; но она ямѣла поущишеніе въ своемъ несчастіи, чшо ее купиль прежній ея любовникъ.

Почшаліонъ Самуиль Валлисъ привель однажды свою жену на рынокъ Коншорберійскій и, накинувъ ей оброшь на шею, привязалъ къ столбу, служащему для шакого упошребленія сконинъ: шупшь онъ предложилъ ее на продажу народу. Явился другой почшаліонъ, и купиль эшу женщину за чешыре бушылки пива и одинъ шиллингъ, при многочисленномъ спеченіи народа. Про-

давній былъ женашъ не болѣе полугода, и женѣ его было шолько девашнацашъ лѣтъ отъ роду.

Солданъ Тушь, находившійся въ опшуску въ Ношшингамъ, подозрѣвая жену въ невѣрности, рѣшился ошдѣлаться отъ нее продажею. Спараясь пріобрѣсти выгоду отъ своего шовара, онъ выставиль жену на рынокъ, и сдѣлалъ аукціонъ. Оцѣнка была сдѣлана въ при пенса, а за шесть получилъ ее одинъ любиншель, которому передали ее съ оброшью на шеѣ при громкихъ рукоплесканихъ зрителей.

Не шолько продажа мужьями женѣ въ упошребленіи, но и продажа мужей женами не безъ примѣра; и хошя Судьи очень не одобряють шого, но шочно шакже не смѣють уничшожать шакой продажи, какъ и женской.

Очень необыкновенное дѣло представлено было на судъ Дрогедскаго Мера. Одна женщина, по имени Маргарина Колинсъ, пожаловалась на своего мужа, чшо онъ ее оставиль и живешъ съ другою женщиною. Мужъ въ зашщиту себѣ говорилъ, чшо жена его очень зла, чшо въ сердцахъ она предложила его на продажу за два пенса шой, во власши кошорой шеперь онъ находящися; чшо наконецъ продала его за шри полуцен-

са, и по уплатѣ сей суммы, онъ былъ уведень покупщицею; что много разъ жена его, продавица, въ припадкахъ своей злости, шакъ его кусала, что все еще остающа на немъ знаки, хотя уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ ей не принадлежишь (и онъ показалъ эти знаки). Покупщица, пошребованная къ свидѣтельству, подтвердила всѣ показанія и объявила, что она съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе довольна своимъ приобрѣтеніемъ, и что она не полагаешъ, чтообъ былъ законъ, могущій развесити ихъ, ибо право женщины продавашь мужа, кошорымъ она недовольна, другой женщиной, кошорая того хочешъ, должно равняшья подобному праву мужчины, кошорое всѣми признано, — особливо же, буде ешъ взаимное согласіе, какъ было въ настоящемъ случаѣ.

Женщина, подававшая жалобу, была шакъ раздражена здравымъ сужденіемъ покупщицы, что забывъ уваженіе къ Меру, уцѣпилась въ лица двухъ своихъ противниковъ, и вѣрно расшерзала бы ихъ зубами и ногтями, если бъ не розняли.

Какъ согласишь съ религіею Хрисіанскою, и особенно съ Католическою, кошорая долгое время господшвовала въ Англии, переходъ шакого обычая изъ вѣковъ вар-

варскихъ въ наше время? Рѣшишь это я не возьму на себя. Ограничусь замѣчаніемъ, что шакой скаредный обычай сохранился понынѣ, и каждый день бывающъ новые примыры онаго; что хотя въ нѣкоторыхъ Графствахъ Правительшество, извѣщенное заблаговременно о подобныхъ продажахъ, спаралось шому воспреняшшвовашъ, но чернь всегда прогоняла присылаемыхъ для шого приславовъ, и удержала за собою то, что считаешъ какъ бы своимъ правомъ.

3.

Заклады и конскія ристанія.

Quand pourrai-je, au travers d'une noble poussière
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière?

Охота бишься объ закладъ ешъ черша въ характерѣ Англичанъ, давно уже замѣченная. Спранно, что нація, кошорая берешся судишь обо всемъ, и кошорая, надобно признашья, произвела большое число хорошихъ мыслителей, шакъ склонна прекращашъ всѣ споры призывомъ случая на помощь діалектикъ!

Какова бы ни была причина, самое дѣйствіе продолжается поспоянно. Чернь прозакладывашъ шиллинги объ успѣхъ ку-

лачнаго боя двухъ носильщиковъ. Празднолюбцы, бродящіе по приспаямъ и забавляющіеся, какъ не рѣдко бываешь въ Парижѣ, зрѣлищемъ упавшей въ воду собаки или челоуѣка, бьются объ закладъ, ушонушь ли они, или спасуся.

Биржевые спекуляторы, которые дѣлающіеся полишниками, присмошрясь, шакъ сказашь, къ вліянію дипломатическихъ уловокъ на монешные курсы, бьются объ закладъ о мирѣ или о войнѣ.

Чтобъ удовлетворять любимой своей прихоти, надлежало Англичанамъ ухищряться на выдумкахъ шакихъ происшествій, которыхъ сомнишальная удача могла бы случиши равномѣрно приманкою для жадности обѣихъ паршій. Если конскія ризанія не на эшомъ основаны, шо по крайней мѣрѣ охота бишьясь объ закладъ нашла въ эшомъ заведеніи главнѣйшую себѣ пинцу.

Какъ первообразныя идеи, на которыхъ основываешся мода, скоро измѣняющіяся вѣми ошпѣнками, къ какимъ шолько способны, шо ошсюда и вышло, что держа прежде заклады о бѣгѣ лошадей, вздумали потомъ, для шой же цѣли, заставляшъ бѣгать людей, собакъ и другихъ живошныхъ. Позабавясь соперничаньемъ эшихъ въ скорости, зашавили другихъ соперничать въ си-

лѣ, чтобъ шакже имѣшь случай держашъ закладъ объ успѣхъ борьбы. Ошсюда происходитъ бой на кулакахъ между боксѣрами, бой на носахъ и когшяхъ между пѣшухами.

Принцы, Перы, ошторговавшіе купцы, недоросли, записные хвашы и, вообще, весь классъ празднолюбцевъ — шаковы сушь поборники закладовъ въ Англіи. Нѣкоторые удалыцы изъ сихъ различныхъ званій сосшавили себѣ шакую славу, которая можешь со временемъ воспрешащствовашъ имъ продолжашъ ихъ любимое занятіе. Никшо не осмѣлишя держашъ прошиву нихъ заклада, когда замѣшашь, что судьба безпрерывно имъ покровишельствуеть.

Капишанъ Барклай (Barclay), прежде нежелі сдѣлался однимъ изъ счастливѣйшихъ закладчиковъ, былъ самымъ ошважнѣйшимъ. Не шолько умѣлъ онъ предвидѣшь удачу, но припомъ былъ чрезвычайно изобрѣшашеленъ на сосшавленіе новыхъ побуждений къ закладамъ. Въ немъ - шо родилась спрнанія идея, пушпнишь въ сосшязаніе скоросшь лошади съ медлительностью улишки. Онъ держалъ закладъ, что одинъ изъ его вздоковъ проскачешъ на лошади восемьдесятъ миль въ меньшее время, нежели улишка проползешъ шолько же вершковъ на мосшкахъ, посыпанныхъ сахаромъ.

Недавно еще, вся Англія обратила вниманіе на закладъ, кошорого онъ былъ изобрѣшатель и дѣйствующее лице: онъ объявлялся пройши пѣшкомъ 1000 миль въ такое же число часовъ, идучи каждый часъ не болѣе одной мили.

Исполненіе этого заклада продолжалось болѣе мѣсяца; почему всѣ любители имѣли время приставъ къ паршіямъ за или *противъ* Капишана Барклая.

Ничего нѣтъ легче, какъ пройши милоу въ часъ; но если разсудишь, что пѣшеходъ не можешь имѣть достаточнаго опдыха, идучи днемъ и ночью непремѣнно по миль въ каждый часъ, то не удивительно, когда узнаешь, что въ двѣ послѣднія недѣли ноги его чрезвычайно распухли, потомъ сдѣлалась сильная лихорадка, а когда онъ кончилъ свое пушешествіе, выигравъ закладъ, то жестокая болѣзнь принудила его слечь въ постель на нѣсколько мѣсяцевъ.

Изъ всѣхъ поводовъ къ закладамъ, какіе употреблялись у Англичанъ, конскія ристанія были у нихъ наиболѣе въ чести. Они-то разоряють и обогащаютъ ежегодно большое число закладчиковъ, и закладчиковъ самыхъ знаменитыхъ.

Кромѣ выгоды, происходящей отъ обращенія капишаловъ, они доставляютъ и ту, что улучшаются породы лошадей.

Книга, очень употребительная, которая каждый годъ перепечатывается, заключаешь въ себѣ исторію и генеалогію славнѣйшихъ лошадей во всѣхъ прехъ Королевстввахъ. Тутъ найдешь имя, росшь, цвѣшь и особые признаки каждой, имена ея предковъ и описаніе всего ея потомства, всѣхъ ристаній, на копорыхъ она оплчалась, извѣреніе проспрансшь, какія она перескакивала, суммы денегъ, выигранныя при закладахъ о ней, и проч.

Та же книга даетъ подробный и вѣрный опченъ о всѣхъ революціяхъ, происшедшихъ въ той или въ другой породѣ.

Чтобъ сказашъ все о лошадяхъ, надобно описашъ, какимъ образомъ производятся ристанія.

Эпсомъ, любимѣйшее мѣсто для конской скачки, лежишь близъ большой дороги изъ Лондона въ Поршешумъ; это обширная равнина, нѣсколько выпуклая по срединѣ. Взглядъ на нее предшавился намъ, когда мы прѣехали, восхишительнымъ. Навѣрное, никогда не увидишь во Франціи такого собранія прекрасныхъ экипажей и прекрасныхъ лошадей. Женщины и мужчины, одѣтые въ

лучшіе упренніе наряды, собрались здѣсь, числомъ до пятидесяти тысячъ.

Было уже близко двѣнадцати часовъ; опоздавъ нѣсколько минушь, мы бы уже не заспали скачки.

Мы вошли на возвышеніе, съ кошораго могли обозрѣвать все вокругъ насъ, какъ въ панорамѣ.

Около насъ все въ движеніи, веселость самая шумная! Всадники цѣлыми группами — и одинъ передъ другимъ, какъ бы нарочно, щеголяли прыжками коней своихъ; конюшые шѣсались около того мѣста, гдѣ были мы, и казалось принимали живѣйшее участіе въ начинающемся зрѣлищѣ. Я замѣнилъ своему поварищу, что это славнѣйшіе закладчики, прѣхавшіе пошѣишься своею охотою.

Почти при каждомъ находися жокей или конохъ, ошъ кошорыхъ, по долговременной ихъ привычкѣ къ респаніямъ и къ управленію лошадьми, принимались господами совѣты на счетъ удачи или неудачи заклада.

Лишь только первый бѣгъ начался, какъ вся равнина взволновалась движеніемъ живѣйшаго восторга: мужчины махали шляпами, дамы плашками; раздались крики радости, гулъ любопытства! Всадники, ко-

шорые держали заклады, спѣшили *обогнуть возвышеніе*, чтобы слѣдовать взоромъ за успѣхами лошадей, пущенныхъ на респанице. Ленпы, цвѣшныя матеріи и другіе уборы, соснавявшіе нуалепъ дамъ, придавали всѣмъ экипажамъ сходство съ безчисленными вазами цвѣшовъ, легко колеблемыхъ вѣшпромъ.

Товарищъ мой удивился искусству, съ какимъ управляють лошадьми на скачкахъ. Не упомляя съ перваго порыва, спараюся удерживать бѣгъ ихъ, и тогда уже даюшь полную свободу ихъ рвенію, когда оспаешся не болѣе половины пуши, какой надлежишь имъ пробѣжать. Все проспранство бѣга соснавяляло около двухъ миль; уже на послѣдней половинѣ второй мили жокеи смали приводишь въ дѣйствіе все шайны своего искусства, чтобы извлечь всевозможнѣйшій успѣхъ изъ силы бѣгуновъ, на кошорыхъ они сидѣли. Не понимаю, какъ человекъ и животное могутъ дышашъ въ ихъ спремленіи? Дѣйствительно, вѣшеръ можно назвашъ *клячею* относительно скоростни, въ сравненіи съ Англійскими лошадьми. Что жъ бы сказала я, если бѣ должно было сравнишь ихъ съ лошадьми другихъ странъ?

Онѣ отличаются не только спремительностію бѣга, но и послушаніемъ: осанавливаются пошчасъ, какъ скоро вздумается всаднику удержашъ ихъ. Лишь только цѣль достигнута, онѣ даюшъ себя запирашъ безъ малѣйшаго сопротивленія (?).

Нужна ловкосшь и необыкновенное искусство здѣшнихъ жокеевъ, чшобъ избѣгашъ несчастныхъ случаевъ среди такого соборища народа и такой пыснопы! Рисшались не огорожено, почему весь народъ подпихся на немъ и уже тогда даешъ дорогу, когда увидишь лошадей близко. Никакая полиція не въ состояніи была бы измѣнишь сей привычки: Англійскій народъ любишь свободу до своевольства.

Лошадь, принадлежащая Герцогу Йоркскому, выиграла для своего хозяина тысячь двадцашъ фуншовъ шерлинговъ; въ пошъ же или въ послѣдующіе дни, Принць выигралъ на другихъ закладахъ почти столько же. Когда прекрашилось рисшаніе, то заключили празднество, какъ почти всегда бываетъ, сраженіемъ *боксеровъ*.

Тутъ были не отличившіе бойцы; зшихъ берегущъ всегда на важнѣйшіе случаи; люди, которые пріобрѣли большую знаменитосшь, не согласились бы употребить себя *приправой* какого нибудь празднества.

Когда назначается бой между ашлешами дѣйствительно могучими, то усшриваешся для нихъ особое мѣсто; и народъ собирается шакими же безчисленными шолпами, и заклады держашся на шакія же огромныя суммы, какъ на скачкахъ Эпсوما и Ньюмаркета.

На дорогѣ было шакъ пыльно, когда мы пошли *обратно*, что я принужденъ былъ согласишься съешъ въ первый stage (дилжансъ), какой намъ попался; но какъ я еще больше люблю воздухъ, нежели боюсь пыли, то и помѣстился *outside* (снаружи), и товарища посадилъ подлѣ себя. Мнѣ каженся, пѣшеходамъ было нѣсколько опасно. Такое множество экипажей кашилось по дорогѣ и съ такою скоросшію, что не мудрено было попасться подъ колесо, прежде, чѣмъ услышишь: *поди!*

Товарищъ мой не постигалъ, какимъ образомъ всѣ эти экинажи могушъ ѣхашъ, не спалкиваясь; случалось, что видишь рядомъ три на очень узкой дорогѣ, и никогда не задѣваюшъ одинъ объ другой. Но Англійскіе кучера шакъ искусны, что, по общеннымъ ихъ словамъ, помнишь почти до шолщины волоска размѣръ своихъ осей.

Примѣчательна въ многочисленныхъ экипажахъ, покрывавшихъ дорогу, большая не-

сообщественность. Членъ Королевской фамилии въехалъ парой, какойнибудь Французскій Дюкъ четверней, а оперный танцовщикъ, развалившись въ щегольскомъ ладо, скакалъ на превосходнѣйшей шестернѣ.

Пыль на большой дорогѣ вскорѣ изгладилась всѣмъ неравенства: экипажи, лошади, кавалеры и дамы, все покрылось однообразнымъ сѣроватымъ слоємъ, подъ копорымъ скрылись различія званій; и когда, приближаясь къ Лондону, проѣзжали мы въ копорыя деревеньки, люди, выславившіеся въ окна, чшобъ насъ видѣшь, смотрѣли съ такимъ же любопытствомъ на бѣдняковъ, наполнявшихъ дилижансы, какъ и на вельможей или на скомороховъ, оплывавшихся своею пышностью.

Каждое Графство въ Англіи имѣетъ свои конскія скачки; но Эссомскія, Ньюмаркетскія, Аскопскія, Экгамскія, Дюнкасперскія, Горкскія и въ копорыхъ другихъ мѣсть, считающіяся славнѣйшими, какъ по достоинству лошадей, такъ и по большому спеченію модниковъ, влекомыхъ любопытствомъ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ТРАГЕДІЙ ШЕКСПИРОВЫХЪ (*).

ЕДИНСТВО ДѢЙСТВІЯ.

Единство дѣйствія, необходимое для единства впечатлѣнія, не могло уйти изъ виду у Шекспира. Спрашивается: какъ держалъ его среди шолкаго числа происшествій, въ копорыхъ шолько движенія и сдѣленія обшоятельствъ — въ этомъ প্রশанномъ полѣ, объемяющемъ шолько разныхъ мѣсть, шолько годовъ, всѣ званія общесства и развитіе шолькихъ положеній? Однако же Шекспиръ успѣлъ въ этомъ: въ *Макбетъ*, *Гамлетъ*, *Ричардъ III*, *Ромео и Юли*, дѣйствіе хошя и обширно, но всегда едино, быспро и полно, ошъ того, чшо Поэшь послигъ основное его условіе, прѣбующее, чшобы занимательность сосредоточивалась тамъ, гдѣ сосредоточивается самое дѣйствіе. Лице, дающее ходъ Драмѣ,

(*) Изъ *Жизни Шекспира*, помѣщенной Г-мъ Гизо при его переводѣ твореній Бришанскаго Поэша.

есть по самое, которое возбуждаетъ въ зрителя нравственное волненіе. Въ Расиновой *Андромахъ* осуждали двоякость дѣйствія, или по крайней мѣрѣ, что соучастіе дѣлился между разными лицами, и сей упрекъ не безъ основанія: не то, чтобы въ части дѣйствія не сплѣсывались одной цѣли; но, какъ выше сказано, участіе дѣлился между разными лицами, а по тому и средоточіе дѣйствія неопредѣленно. Если бы Шекспиръ сплѣсывалъ подобный предметъ, впрочемъ не весьма согласный съ его гениемъ, то вѣрно бы онъ сосредоточилъ въ лицѣ Андромахи какъ дѣйствіе, такъ и занимательность. Любовь материнская носилась бы надъ всею Трагедіей, обнаруживая швердосць духа вмѣстѣ съ опасеніями, силу свою вмѣстѣ съ горестями; онъ бы не посомнился вывести на сцену опрока, подобно какъ Расинъ, сдѣлавшись опиважице въ послѣдствіи, вывелъ опрока въ *Говолин*. Въ движенія души зрителевой влеклись бы къ одной почкѣ; мы бы увидѣли Андромаху дѣятельную: увидѣли бы, какъ она, для спасенія Астіанакса, употребляетъ другія средства, кромѣ *слезъ его матери*, и всегда привлекаетъ къ себѣ и сыну своему по вниманіе, которое у Расина весьма часто развлекается

средствами дѣйствія, какія онъ принужденъ былъ почерпнуть въ бѣдственной судьбѣ Герміоны. По системѣ, принятой въ XVII столѣтіи Французскими драматическими Спихошворцами, Герміона должнаствовала быть средоточіемъ дѣйствія; такъ и есть на самомъ дѣлѣ. На Театрѣ, болѣе и болѣе подчиненномъ власти женщины и Двора, любовь какъ будто бы должна была замѣшиться рокъ, господствовавшей у древнихъ: власть слѣпая, неборимая какъ и рокъ, ведущая такимъ же образомъ свои жертвы къ цѣли, указанной съ первыхъ шаговъ, любовь сплѣсывалась неподвижною почкою, вокругъ которой все должно было обращаться. Въ *Андромахъ*, любовь дѣлается изъ Герміоны лице простое, обладаемое спросью, относящее къ ней все, что происходитъ предъ ея глазами, шцающееся покорить себя происшествію, въ угоду ей и для ея удовольшенія; одна Герміона даетъ направленіе и ходъ Драмѣ; Андромаха является только для того, чтобы выдерживать положеніе безсильное и скорбное. Такое соображеніе можешь доставить случай къ удивительнымъ развитіямъ спрадательныхъ склонностей сердца, но не составляетъ дѣйствія прагматическаго; а въ развитіяхъ, кои не ведутъ прямо къ дѣйствію, занимательность мо-

жестъ развлекъся, и не безъ труда попомъ войши въ единственное направленіе, въ коемъ она можеть бытъ выдержана.

Когда, напрошивъ того, средоточіе дѣйствія и средоточіе занимательности смѣшаны, когда вниманіе зрителя прильплено къ лицу, дѣятельному и неизмѣнному, коего характеръ, всегда одинаковый, исполнить судьбу свою, всегда измѣнчивую; тогда обстоятельствъ, сполнившійся вкругъ такого лица, поражаютъ насъ только въ отношеніи къ нему; получаемое нами впечатлѣніе, отъ него самого заемаешь краску. Ричардъ III переходить отъ одного замысла къ другому; каждый новый успѣхъ его увеличиваетъ ужасъ, внушенный намъ съ самаго начала адскимъ его коварствомъ; жадность, пробуждаемая въ насъ поспешенно каждою изъ его жертвъ, шеряется въ чувствованіяхъ ненависти къ гонимелю. Ни одинъ изъ сихъ частныхъ случаевъ не обращаетъ въ свою пользу нашихъ ощущеній: они непрерывно относятся, и все сильнѣе и сильнѣе, къ виновнику всѣхъ сихъ злодѣяній. Такимъ образомъ Ричардъ, средоточіе дѣйствія, есть вмѣстѣ и средоточіе занимательности; ибо драматическая занимательность не есть просто безпокойная жадность, чувствуемая нами къ бѣдствіямъ,

или наклонность, внушаемая намъ добродѣтелью: но ненависть, жадна мщенія, нужда правосудія небснаго надъ главою злодѣя, для спасенія невиннаго. Всѣ сильныя ощущенія, способныя возвысить душу человѣка, могутъ увлечь насъ за собою и вселить въ насъ соучастіе, можно сказать, приспращенное; имъ нѣтъ нужды обѣщать намъ счастье, ниже привлекать насъ нѣжностію: мы можемъ также вознесшисъ до того высокаго презрѣнія жизни, которое творить героевъ, до благороднаго негодованія прошивъ бичей человѣчества.

Все можеть входить въ дѣйствіе, приведенное такимъ образомъ къ одному средоточію, опколѣ исходятъ и къ коему относятся всѣ происшествія Драмы, всѣ впечатлѣнія зрителя. Все, что шрогаешь душу человѣка, все, что превожитъ жизнь его, можеть содѣйствовать драматической занимательности, коль скоро событія самыя разнообразныя, будучи направлены къ одной почкѣ и нося на себѣ одну общую печаль, будучъ появляясь только какъ спутники главнаго событія, увеличивая собою блескъ его и силу. Ничто не покажется низкимъ, мелкимъ или незначимымъ, если главное положеніе спановишся отъ того живѣе, или

главное ощущение сильнѣе. Горестъ подчасъ усиливается зрѣлищемъ веселія; среди опасностей, шушка можешь воспламенишь опвагу. Чуждо впечатлѣнію шолько то, что его уничтожаешь; но все то, что съ нимъ смѣшивается, пишашъ его и усиливашъ. Лепешанъе малодѣшяго Аршура съ Губершомъ раздраешъ душу, когда вообразишь, какое ужасное звѣрство Губершъ гошовишя надъ нимъ исполнишь. Умилишельное зрѣлище предсвашашъ собою Леди Макдуфъ, когда съ нѣжностію мапери забвашешъ дѣшскимъ умомъ своего сына, между шѣмъ, какъ уже рвущя у дверей убійцы, пришешіе зарѣзашъ и сего сына, и другихъ, и ее самое. Кшо бы спашъ, безъ сихъ обстоятельствъ, брашъ участіе въ эшой сценѣ маперинскаго ребячества? Но, безъ эшой сцены, сдѣлался ли бы Макбешъ столь ненавистнымъ, какъ онъ долженъ бышъ за сіе новое злодѣйство? Въ *Гамлетъ*, не шолько сцена могильщикомъ, по размышленіямъ, какія она внушашешъ, связывашешъ съ общемою мыслью пьесы, но, мы знаемъ, что они копающъ могилу Офеліи въ присутствіи Гамлеша: къ Офеліи будешь опносилъ, когда ему о шомъ скажущъ, въ впечатлѣнія, порожденныя въ душѣ его видомъ сихъ опшвашельныхъ, жалкихъ ко-

спей, и равнодушіе, съ какимъ люди смоприашъ на брешные останки шого, что нѣкогда было прекрасно или могущественно, почтешно или любимо. Ни одна подробность сихъ печальныхъ пригошваленій не теряешъ для ощущенія, которое они возбуждающъ: безчувствешная грубость людей, обрешшихъ себя на шакое ремесло, ихъ пѣсни и шушки — все поражашъ насъ; и формы и средства комическія такимъ образомъ безъ усилія входящъ въ Трагедію, которой впечатлѣнія шѣмъ сильнѣе бывающъ, когда видишь, что они гошовы пасшъ на человекъ; уже пошгигнушаго невѣдомо судьбою, и веселящягося въ виду бѣдшвія, о комъ еще не знаешъ.

Безъ сихъ комическихъ вставокъ, безъ сего содѣйствія людей низшаго званія, сколько драматическихъ эфектовъ, сильно способствующихъ эфекту главному, оппались бы невозможными! Приноровимъ по нынѣшнему вкусу шушки Макбешова приврашника — и никшо не въ сосшояніи будешъ безъ шренеша вообразишь объ отккрытіи, которое послѣдуешъ вскорѣ за симъ приливомъ шумовской веселости, о зрѣлищѣ убійства, еще шаящягося подъ сими оппашками шрешешешнаго упоенія. Положимъ, что Гамлешъ первый былъ бы поспавденъ

въ сношеніе съ жизнью своего ошца; тогда сколько приговоровъ, сколько поясненій было бы необходимо, чшобы довести насъ до того состоянія ума, въ какомъ долженъ бытъ Принцъ, человекъ высокаго рода, дабы повѣришь явленію призрака! Но призракъ является сперва солдатамъ, людямъ просодушнымъ, болѣе близкимъ къ испугу, чѣмъ къ удивленію ошъ того; они рассказываютъ о немъ другъ другу ночью, споя наспражъ. „То было здѣсь, въ шу минушу, „когда звѣзда, чшо блесшишь вонъ шамъ, „освѣщала эту же самую почку на небѣ; „колоколь, какъ и шеперь, пробилъ часъ... „Тсъ! вонъ онъ опять идетъ!“ Ужась произведенъ, и мы вѣримъ призраку прежде, чѣмъ Гамлетъ о немъ услышалъ.

Эшо еще не все. Судѣйствіе низшихъ званій доспавляетъ Шекспиру новое средство дѣйствовать на сердца зрителей, средство, невозможное во всякой другой системѣ. Поэтъ, которій можешь брать свои дѣйствующія лица изъ всѣхъ состояній обществъ и представлять ихъ во всѣхъ положеніяхъ, можешь также все вводить въ дѣйствіе, ш. е. непрерывно бытъ драматическимъ. Въ *Юліи Цезарь*, дѣйствіе открывается живою каршиною движеній и чувствованій народныхъ; какое изложеніе,

какой разговоръ могъ бы шоль хорошо познать насъ съ шѣмъ родомъ оболъщенія, коимъ Дикшапоръ дѣйствуетъ на Римлянъ, съ опасностью, каковой подвергается свобода Республики, съ заблужденіемъ и опасностями республиканцевъ, кои льстящяся возшановишь ее смершю Цезаря? Когда Макбетъ хочешь сбвишь съ рукъ Банко, шо ему нѣшь нужды извѣщать насъ о своемъ намѣреніи въ лицѣ наперсника, ниже шребовашъ ошчеша въ исполненіи сего замысла, дабы довести о шомъ до нашего свѣдѣнія: онъ просто призываетъ убійцъ, говоритъ съ ними; мы сами свидѣтели ухищреній, посредшвомъ коихъ ширанъ упошребляетъ въ свою пользу спрасши и несчастія челошческія; мы видимъ потомъ, какъ убійцы выжидаютъ свою жертву, наносящъ ей ударъ, и, еще окровавленные, приходящъ шребовать награды. Тогда Банко можешь намъ явишься: существованіе злодѣйства произвело свое дѣйствіе — и мы уже не опшвергаемъ никакихъ ужасовъ, за нимъ слѣдующихъ.

Дѣйствительно, если хопимъ вывести на сцену человекъ въ полной силѣ его природы, шо не будешь излишнимъ, когда мы призовемъ на помощь человекъ *всего*, покажемъ его во всѣхъ видахъ, во всѣхъ положе-

нiяхъ, возможныхъ въ его жизни. Представленiе будетъ ошъ того не только полнѣе и живѣе, но и вѣроподобнѣе. Не значить ли обманывашъ умъ на счетъ какого либо происшествiя, когда представляшъ ему одну часть сего происшествiя въ ясномъ видѣ и въ краскахъ существенности, а другую погребши, уничтоживъ въ разговорѣ или расказѣ? Слѣдствiемъ сего бываетъ ложное впечатлѣнiе, которое не разъ вредило дѣйствiю превосходнѣйшихъ творенiй. *Говолия*, образцовое произведенiе Французскаго Театра, все еще внушаетъ намъ какое-то невыгодное предубѣжденiе на счетъ *Юдая* и въ пользу *Говолии*, которую не столько еще ненавиждшъ, чшобъ радовался ея гибели, не столько боялся, чшобъ одобршшъ хипросшь, какою увлекающъ ее въ сѣбш. Совсѣмъ шѣмъ, *Говолия* не только извела своихъ внуковъ, чшобы вмѣсто ихъ царшвовашъ: но *Говолия*, чужеземка, поддерживаемая на пронъ чуждыми войсками; она возсашетъ прошивъ Бога, чшимаго ея народомъ, оскорбляетъ, гнвшшъ Его возворенiемъ и пышностiю вѣры чуждой, тогда какъ вѣра народная, безъ почестей, безъ силы, исповѣдуемая въ страхъ *малымъ чшисломъ ревностныхъ ея чтителей*, ежедневного гошова пашъ ошъ ненависти *Маэана*,

неспернимаго самовластiя Царицы и алчности пресмыкающихся во прахъ ея царедворцевъ. Здѣсь точно видимъ пришѣсненiе и несчастiе... И все сiе заключено въ рѣчахъ *Юдая*, *Авинира*, *Маэана* и самой *Говолии*. Но только въ рѣчахъ; а въ дѣйствiи мы видимъ, напрошивъ, чшо *Юдай* составляетъ заговоръ шѣми способами, какiе осашляетъ еще ему непрiятельница его; видимъ осашливое величiе *Говолии*, видимъ хипросшь, которая торжествомъ своимъ надъ силою обязана презорливой жалости, каковую умѣла она внушшъ своею пришворною слабостiю. Заговоръ происходилъ передъ нашими глазами, о пришѣсненiяхъ мы знаемъ только по слуху. Если бы въ дѣйствiи мы видѣли бѣды, кои влечетъ за собою пришѣсненiе; если бъ видѣли *Юдая*, пробужденнаго, подвигнушаго воплями несчастныхъ, ошданныхъ на жершву чужеземцамъ; если бъ негодованiе народа къ власти чуждой, *точашей кровь сырыхъ и бездомныхъ*, негодованiе, порожденное любовью къ вѣрѣ и опечесшву, — оправдало въ глазахъ нашихъ поступки *Юдая*; тогда дѣйствiе, такимъ образомъ дополненное, не оставило бы въ душѣ нашей никакихъ сомнѣнiй, и *Говолия*, можетъ бышъ, явила бы намъ идеаль драматическую

ческой Поззиц, по крайней мѣрѣ такой, ка-
кимъ мы доселѣ его постигали.

Греки легко достигли сего идеала: ихъ
жизнь и ощущенія, малосложныя, могли бытъ
изображены нѣсколькими широкими и про-
стыми чертами; но народамъ новѣйшимъ яв-
лялся онъ уже не въ тѣхъ общихъ, числныхъ
формахъ, къ коимъ можно бѣ было примѣ-
нить правила, начертанныя по образцамъ
древнимъ. Франція, принявъ ихъ, должна бы-
ла сказать, шакъ сказать, въ одномъ углу
человѣческаго существованія. Поэты ея
употребляли всѣ усилія ума, дабы воздѣлать
столь тѣсное пространство; бездны сердца
человѣческаго были измѣряны во всю глу-
бину, но не во всю величину свою. Очаро-
ванія драматическаго искали въ настоящемъ
его источникѣ, но не исчерпали изъ него
всѣхъ дѣйствій, какія можно было въ немъ
извлечь. Шекспиръ представлялъ намъ
способы и обильнѣе, и обширнѣе. Весьма бы
ошиблись, если бы предполагали, что
онъ выискалъ и выказалъ на свѣтъ всѣ
ихъ богатства. Когда Поэтъ объемлетъ
судьбу человѣческую во всѣхъ ея видахъ, а
природу человѣческую въ всѣхъ сословіяхъ
человѣка на сей землѣ, тогда онъ вступ-
ляетъ во владѣнїе неисчислимымъ богат-
ствомъ. Особенное свойство сей системы

есть то, что она, по своей обширности,
избѣгаетъ обладанія геніевъ частныхъ. Мо-
жно находишь ея правила въ творенїяхъ
Шекспира; но онъ не зналъ ихъ вполне и
не всегда уважалъ. Онъ долженъ служить
примѣромъ, но не образцемъ. Нѣкоторые
Писатели, даже съ отличнѣмъ даромъ, пы-
тались сочинять Драмы во вкусъ Шекспи-
ровыхъ, не замѣчая, что имъ недоставало
одного: писавъ ихъ шакъ, какъ онъ, — для
нашего времени, подобно какъ Шекспиръ
писалъ для своего. Это такое предпрїятіе,
коего трудностей, можетъ бытъ, никшо
еще зрѣло не обдумалъ. Мы видѣли, сколь-
ко искусства, сколько усилій употреблялъ
Шекспиръ, дабы преодолѣть тѣ трудности,
которыя неразлучны съ сею системою. Въ
наше время, ихъ еще болѣе, и онъ еще пол-
нѣе раскрывающа предъ кришикой, кошо-
рая нынѣ подстерегаетъ самыя ошважныя
попытки генія. У насъ Поэтъ, если бѣ ос-
мѣлялся пойти по слѣдамъ Шекспира, имѣлъ
бы дѣло не только съ зрителями, у коихъ
вкусъ спрое, а воображеніе лѣннѣе и раз-
свѣяннѣе: онъ долженъ былъ бы приводить
въ движеніе лица, запущанныя въ отноше-
нїяхъ и выгодахъ гораздо многосложнѣйшихъ,
обладаемыя чувствованїями гораздо разно-
образнѣйшими, вдающїяся въ навыки ума не

споль простые, и въ спраси не споль рѣшипельныя. Ни ученіе, ни размышленіе, ни тревоги совѣсти, ни нерѣшимость мысли — часно не затрудняють героевъ Шекспировыхъ; сомнѣніе мало ихъ озабочиваетъ, а буйныя ихъ спраси скоро спавятъ ихъ въру на споронъ желаній, или дѣла ихъ выше самой въры. Одинъ Гамлетъ являетъ собою сіе смущеніе зрѣлице ума, образованнаго просвѣщеніемъ общесва, въ борьбѣ съ положеніемъ, которое прошивно его законамъ: нужно явленіе сверхъ-естественное, чшобъ заспавить его на что-либо рѣшишься, — нечаянный случай, чшобъ за спавить его исполнить свое намѣреніе. — Будучи ежечасно спавими въ положеніи, симъ подобныя, дѣйствующія лица Трагедіи, написанной въ нынѣшнемъ, романшическомъ духѣ, являли бы намъ такую же нерѣшимость. Мысли шѣснятся и спалкиваются нынѣ въ умѣ чловѣка, обязанности — въ его совѣсти, препоны и узы — въ его жизни. Въмѣсто шѣхъ элексприческихъ умовъ, быстро сообщающихъ другимъ зароненную въ нихъ искру, вмѣсто шѣхъ людей пылкихъ и просныхъ, коихъ замыслы, подобно Макбетовымъ, *лигомъ переходятъ въ руки*, свѣтъ предспавляетъ шеперь Поэшу умы, подобныя Гамлетову, умы, глубокіе въ на-

блюденіи шой внуспренной борьбы, которую наша классическая система почерпнула въ порядкѣ общесвенномъ, уже гораздо больше подвигнувшимся впередъ, нежели во времена, когда жилъ Шекспиръ. Толкое число ошущеній, личностей, выгодъ и поняшій, кошорыя суть необходимыя послѣдствія нынѣшней образованности, могли бы сдѣлаться, даже при самомъ просномъ ихъ выраженіи, — затруднительнымъ и неудобнымъ для ношенія скарбомъ въ быстромъ ходѣ и смѣлыхъ оборотахъ системы романшической.

Со всѣмъ шѣмъ, надбно всему угодить: самый успѣхъ шого шребуешь. Надбно, чшобъ разумъ былъ доволенъ, шогда, какъ воображеніе будешь заняшо. Надбно, чшобъ успѣхи вкуса, просвѣченія, свѣпскости и, словомъ, чловѣка, служили не къ шому, чшобъ уменьшашъ или нарушашъ наши наслажденія; но чшобы сдѣлашъ оныя достойнѣ насъ самихъ, способіе сошвѣшешвовашъ новымъ нуждамъ, кошорыя мы для себя изборѣли. Если мы пойдемъ безъ правилъ и безъ искусства пушемъ романшическимъ, шю надѣлаемъ мелодраму, кои могутъ мимоходомъ распрогашъ шолпу, но одну шолпу, и шю на нѣсколько дней, равно какъ, влачась безъ дара, безъ *оригинальности* по слѣдамъ классическимъ, мы угодимъ шолько

тому холодному племени *Словесниковъ*, которое въ дѣлѣ природы ничего не знаетъ выше правилъ стихосложенія и важнѣе прехъ единствъ. Не въ поэмъ должно состоять твореніе Поэта, призваннаго къ владычеству умами и обреченнаго славѣ: онъ дѣйствуетъ на поприщѣ обширнѣйшемъ и умѣетъ вѣщать умамъ возвышеннымъ, равно какъ общимъ и простымъ способностямъ всѣхъ людей. Должно, въ поэмъ дѣлать сомнѣнія, чтобы толпа спекалась слушать драматическія сочиненія, которыя хопише вы сдѣлашь зрѣлищемъ народнымъ; но не надѣясь спашъ Поэтомъ народнымъ, если не соберете на сіе позорища всѣ степени умовъ, коихъ совокупное чиноположеніе возноситъ народъ на высоту достоинства. Геній обязанъ сдѣлать за развишемъ природы человеческой. Сила его состоитъ въ поэмъ, чтобы онъ въ самомъ себѣ находилъ, чѣмъ удовлетворить всегда и всему обществу. Такова задача, предлагаемая нынѣ на разрѣшеніе Поэзіи: она должна существовать для всѣхъ, удовлетворяетъ вмѣстѣ и нуждамъ толпы народной, и нуждамъ умовъ возвышенныхъ.

Безъ сомнѣнія, сіи спрогія условія, кои могутъ быть постигнушы и выполнены только дарованіемъ отличнымъ, удержи-

ваютъ нынѣ ходъ Драматическаго Искусства; въ самой даже Англіи, гдѣ, подъ покровомъ Шекспира, оно могло бы дерзать на все, — едва смѣетъ оно робкими шагами слѣдовать за симъ Поэтомъ. И со всѣмъ тѣмъ, Англія, Франція, вся Европа пребудетъ опъ Театра наслажденій и ощущеній, коихъ не можешь болѣе сообщать безжизненное представленіе міра, уже несуществующаго. Система классическая зародилась въ жизни своего времени; время сіе прошло: образъ его осмался блистательнѣе въ своихъ твореніяхъ, но сей образъ не должно списывать за-ново. Рядомъ съ памятниками вѣковъ минувшихъ, возникаютъ нынѣ памятники вѣковъ новѣйшихъ. Какой будетъ видъ ихъ? не знаю; но земля, на которой могутъ быть положены ихъ основанія, начинаешь уже выказываться. Эпохъ слой земли не есть Корпелевъ и Расиновъ, ниже Шекспировъ: эпо нашъ! но система Шекспирова одна, по моему мнѣнію, можешь сообщить намъ чертежи, по коимъ геній долженъ воздвигать сіи зданія. Одна сія система объемлетъ пу всеобщность отношеній, чувствованій и состояній, которая составляетъ нынѣ для насъ позорище дѣлъ житейскихъ. Будучи придашь дѣлѣ очевидцами величайшихъ общественныхъ переворотовъ, мы не спѣшимъ добровольно дви-

женій нашего ума въ узкомъ пространствѣ какого нибудь событія семейнаго, или въ шревогахъ спраши усобной и личной. Природа и жребій чловѣка явились намъ въ черпахъ самыхъ выразишельныхъ и самыхъ просныхъ, во всей ихъ обширности и во всей ихъ подвижности. Намъ пужны карцины, гдѣ бы оспражалось сіе зрѣлище, гдѣ бы чловѣкъ являлся намъ весь и привлекалъ насъ къ себѣ. Нравственнее расположеніе умовъ, возлагающее сію необходимость на Поэзію, не изменился; напротивъ того, мы увидимъ, что оно со дня на день будешь проявляясь и раскрывається болѣе и болѣе. Выгоды, обязанности, движеніе, общія всѣмъ званіямъ гражданъ, будешь ежедневно скрѣпляясь сію цѣпь обычныхъ отношеній, съ кошою связывающихся всѣ общенародныя чувствованія. Никогда Искусство Драмапическое не могло черпанъ свои предметны въ порядкѣ понятій, споль народныхъ и вмѣстѣ споль возвышенныхъ. Никогда связь самыхъ просныхъ выгодъ чловѣка съ правилами, оныхъ зависящихъ высшихъ судьбы его, не представлялись споль живо уму каждаго изъ насъ, и важность событія можешь теперь раскрыться въ самыхъ мелкихъ своихъ подробности, какъ и въ самыхъ важныхъ послѣдствіяхъ. При

шакоемъ соспояннн общества, должна успа- новиться новая драмапическая система. Она должна бышь обширна и свободна, но не безъ правилъ и законовъ. Она должна учредиться, какъ и гражданскій бышь, не на безпорядкѣ и забвеннн всѣхъ узъ, но на правилахъ, можешь бышь, еще спрожайшихъ и шруднѣйшихъ къ соблюденію, нежелн шъ, кои шребуются для ушверженія порядка общественаго противъ самовольства и безначалія.

Съ Франц. — Сомовъ.

III.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П И С Ъ М А Н А К А В К А З Ъ,
О Л И Т Е Р А Т У Р Ъ, Н А У К А Х Ъ И И С К У С Т В А Х Ъ.

П и с ь м о т р е т і е.

(Оюпаніе.)

Немное мнѣ оспаешся сказашь тебѣ о собшвенно-липерашурныхъ нашихъ произведенійхъ за прошлый годъ. Въ числѣ ихъ, весьма охотно назову тебѣ *Жизнь игрока*, описанную или самимъ, книжку, въ кошою какой-шо богобоязненный чловѣкъ описываетъ всѣ зашби и удочки шѣхъ фокусни-

ковъ, кои переманивають деньги довърчивыхъ проспаковъ по зеленому сукну изъ ихъ кармановъ въ свои собствѣнные. Французы очень удачно назвали сей классъ людей: *chevaliers d'industrie* (*витязи промышленности*); ибо у нихъ *въ рукахъ* есть самый надежный промыселъ, хотя они и немогутъ, при малѣйшей искрѣ совѣсти, похвалиться, какъ шарый рыбакъ въ Идилли *Гибдича*, что ихъ промыселъ

„Есть промыселъ и чистый и честный.“

Чистый еще можно сказать въ одномъ смыслѣ, п. е. когда они численно подпасовываютъ и передергиваютъ каршы и дочиспа обираютъ неоспорожныхъ новичковъ; но названъ его *честнымъ* — вѣрно ни у кого языкъ не поворошится. Какъ бы жедательно, чтобы съ распространениемъ истиннаго просвѣщенія, мало по малу уменьшался и наконецъ вовсе испредился эпошъ цехъ *промышленниковъ*! — Г. Издатель Московскаго Телеграфа вызвалъ на себя цѣлую книжку Антикриптики, подъ заглавиемъ: *Анти-Телеграфъ*, или *отраженіе несправедливыхъ нападеній Г. Полеваго*, сочиненную Г. Писаревымъ, молодымъ Писателемъ, коего водвили и другія драматическія сочиненія часто играются на Московскомъ Театрѣ и хвалятся Московскою публикою. Замѣчу

мимоходомъ, что если всѣ Гг. Сочинители, оскорбляясь несправедливыми нападками Г. Полеваго, станутъ ему возражать каждый особою книжкою, то скоро наши собиратели библиошекъ должны будутъ прибавить нѣсколько шкаповъ для современной Русской полемики. Въ Москвѣ напечатана еще книжка, подъ заглавиемъ: *Дѣтскій Театръ*, содержащій въ себѣ при пролога на *именинныя случаи*; театръ истинно *дѣтскій*, и по содержанію и по слогу; жаль, что не диня его сочинило!

Перейдемъ къ переводамъ. Въ прошломъ году вышли 3, 4 и 5 часши *Антенскаго Пустышника*, перев. Г. де-Шаплетомъ, и 1-я часшь *Пустышника Сенъ-Жерменскаго предмѣстя*, соч. Колье, перев. А. О. — Оба перевода имѣютъ каждый свое достоинство; а Пустышникъ Антенскій оплаченъ еще и красотою изданія; одно только его заглавіе немногю османавливаетъ. И въ самомъ дѣлѣ, что значить *Антенскій Пустышникъ*? По-Французски ясно сказано: *L'Hérmite de la Chaussée d'Antin*; а *Chaussée d'Antin* въ Парижѣ есть цѣлая частъ города (*). Миѣ кажется, въ семь случаевъ переводчикъ другаго Пустышника поспунилъ

(*) Въ Парижѣ есть и *улица Антенская* (rue d'Antin).

осторожнѣе, переведши полное заглавіе подлинника; ибо положимъ, что кто нибудь издавалъ бы у насъ *Пустынника Петербургской стороны* или *Московской части*, тогда шопъ, кто бы вздумалъ перевести это сочиненіе на Французскій языкъ, неужели бы написалъ въ заглавіи: L'hérmitte de Pétersbourg, или L'hérmitte de Moscou? — Здѣсь же, въ Пешербургѣ, переведены два Романа Вальшера Скопша: *Аббатъ* и *Иванго*; оба перевода хороши, особенно послѣдній. Въ первомъ, не знаю для чего, Переводчикъ вздумалъ распространить заглавіе: *Аббатъ или нѣкоторыя черты жизни Маріи Стюартъ, Королевы Шотландской*; въ подлинникъ оно просто: The Abbot, ибо Вальшеръ Скопшъ не думалъ писать историческаго Жизнеописанія несчастной Королевы Маріи, а просто Романъ, въ которомъ позволялъ себѣ измѣнять по собственнѣйшей волѣ событія историческія, или даже выдумывать происшествія небылыя. Впрочемъ, симъ заглавіемъ можешь быть переводчикъ хотѣлъ заинтересовать читающую публику, ибо у насъ Вальшеръ Скопшъ незнающимъ языковъ иноспранныхъ почти незнакомъ; а Московскіе Гг. Переводчики Романовъ не очень усиленно спарались ознакомиться съ нимъ нашихъ Русскихъ читателей. Участь сего зна-

менишаго Писателя въ рукахъ сихъ Гг. Переводчиковъ, доспойна сожалѣнія: они не только переводили его по Лексикону съ Французскаго, ш. е. какъ попало, не вникая ни въ духъ его сочиненій, ни въ слогъ даже Французскихъ переводовъ; но сверхъ того, въ Москвѣ, подъ его именемъ выдавались чужіе Романы, и споль же похожіе на Романы Вальшера Скопша, сколько черный цвѣтъ на бѣлый. Таковы-то, разгуливающіе въ Москвѣ подъ ложно-присвоеннымъ именемъ Романовъ Вальшера Скопша, какіе-то *Густавъ Вальдгеймъ* и *Блгелъ*; ни въ Англійскомъ собраніи Романовъ Баронета, ни во Французскихъ изданіяхъ перевода его сочиненій, и въ поминѣ не бывало сихъ двухъ выродковъ. Спрашиваю: когда у насъ прекратятся сіи переводческія или (что еще правдоподобнѣе) книгопродавческія замашки — обманывашь бѣдныхъ читателей же - именными заглавіями? — Въ Орлѣ переведено и напечатано, *издивеніемъ* И. Сышина, сочиненіе Г-жи Ренневиль о Герцогинѣ Ангулемской, съ такимъ заглавіемъ: *Дочь Людовика XVI, или непостолиство земнаго величія*. Изданіе сіе (полагая въ счетъ и переводъ), кажется, зашьяно съ шѣмъ, чтобы доставить нуждающимся порядочный запасъ обершочной бумаги. Жаль: подлинникъ сей книги

и по занимательному содержанию, и по хорошему Французскому слогу, заслуживаешь лучшей участи. — Такая же участь, по видимому, назначалась в Москвѣ, новымъ Повѣстямъ Г. Бульи: *Contes offerts aux enfans de France (Повѣсти, посвященныя дѣтямъ Франціи — сказано в переводѣ)*. Или Переводчикъ не зналъ, что значить выраженіе: *Les Enfans de France*, и принялъ оное въ буквальный смыслъ, и. е. за малолѣтнихъ Французовъ великаго званія и сословія, или не зналъ, что оно (разумѣя въ настоящемъ его смыслѣ) у насъ не переводится такъ, какъ *Monsieur* (въ смыслѣ: братъ Короля) и *Madame* (дочь или сестра Короля): но все оны не зналъ чего-шо. Да только ли одного этого? Оны даже не зналъ, что *les grands parens*, значить не *великіе родственники*, а дѣдушка и бабушка, что *le Prince Royal*, не просто *Принцъ царской крови*, а именно *Наслѣдный Принцъ*, и много тому подобнаго. Словомъ: переводъ, бумага, печать и приложения къ сей книгѣ картины дають ей неоспоримое мѣсто подлѣ той, о которой я говорилъ передъ симъ. — *Письма къ Эмилиіи о Миеологіи, соч. Демутье, переводъ Вл. Дмитриева и Вас. Дуброва, ч. 1-я* Гг. Переводчики не поспурились выкинуть, въ чемъ состоятъ

все достоинство этой книги, и потому не выдержали его въ своемъ переводѣ. Достоинство сіе, какъ весьма извѣстно, состоитъ въ слогѣ; легкая проза и пріятные, замысловатые стихи, нравились и теперь являясь многимъ любителямъ усовершенныхъ изящностей, особливо прекрасному полу. Это весьма посредственно выгравированный и весьма хорошо раскрашенный эстампъ: смойте съ него краски — и вся его предельность потеряна. Такъ и сдѣлали Гг. Переводчики: они смыли краски съ оригинала Демутье, и вышло, что краски сіи, подъ ихъ водяною кистью, слились во что-шо неопредѣленное, безцвѣтное; а несовершенства подлинника, шавшіяся подъ яркими красками и искусными општычками, оказались въ всей ихъ наготѣ, и еще хуже оны неискusstнаго размыванія. Но кончимъ уподобленіе: переводъ сей сдѣлать не впадетъ; въ стихахъ явны и швыи того остроумія, которыми општычаются стихи Демутье; а въ прозѣ есть такіе тяжкіе грѣхи противъ смысла, слога и языка, что страхъ и подумать!

Касательно теоріи Словесности и вообще Изыщныхъ Искусствъ, въ прошломъ году вышли слѣдующія книги: *Опытъ Науки Изыщнаго, начертанный Г. Галичемъ*. Со-

чиненіе сіе весьма заслуживаетъ вниманія; жопя я вообще того мнѣнія, что доискашь-ся и докажешь, почему хорошее хорошо, еще болѣе невозможно нежели докажешь происхожденіе свѣта и найши вѣчное движеніе. Покрайней мѣрѣ Г. Галич не доказываетъ существованія, причинъ и дѣйствій Изящнаго съ циркулемъ и масштабомъ Машемашика, или съ рѣзцемъ Анастомиса, но основываетъ свои положенія на врожденномъ, темномъ чувствѣ, по кошорому человекъ опличаетъ красивое отъ безобразнаго, на необходимости идеи Изящнаго, и на явленіяхъ, ощутишельныхъ для чувства и для идеи. Раздѣливъ свой Опытъ на двѣ часши: на чистую и прикладную, въ первой онъ размашриваетъ Изящное въ его сущности или идеѣ, въ силахъ, коими оно содержишь или приводишь въ движеніе, въ его явленіяхъ или отношеніяхъ къ чувственному міру; во второй, излагаетъ теорію Изящныхъ Искусствъ, не въ видѣ частныхъ правилъ каждаго, но въ общихъ чертахъ, коими они оплчаются одно отъ другаго. Въ сей второй часши, Сочинишель, перейдя отъ Искусствъ *образовательныхъ* (Ванія, Живописи и пр.), *тоническихъ* (Музыки) и *сценическихъ* (Театра, ш. е. въ смыслѣ самаго представленія) къ *Поэзій*, говоришь: „Художества сообра-

„зуются въ своихъ формахъ со спешенями „духовнаго существа человеческого, и еже- „ли сія внутренняя жизнь его раздѣлена „между созерцаніями, чувствованіями и дѣ- „ніями, по Поэзій или а) изображаетъ ви- „дѣнія, раскрывающіяся предъ умственными „его очами, повѣствуя объ нихъ, какъ о „совершившихся событіяхъ — въ *Эпопей*, „или б) изливается въ поэтическихъ ощу- „щеніяхъ своего сердца — въ *Лирикѣ*, или „наконецъ с) заставляеть насъ бытъ сви- „дѣтелями производимаго дѣянія — въ *Дра- „мѣ*. Почему Эпопей, Лирика и Драма суть „необходимыя *самостоятельныя* формы Поэ- „зій, соопвѣществующія Пласпикъ, Музы- „къ и Сценикъ.“ Весьма замысловатое и удачное примѣненіе жизни внутренней къ внешней жизни человека, припоминающее намъ, что дѣйствія и наслажденія умственныхъ нашихъ способностей аналогически связаны съ дѣйствіями и наслажденіями природы чувственной. Въ частности, можно бы многое оспоривать у Сочинишеля; напр., почему онъ почищаетъ Оперу *Олимпийскимъ празднествомъ свѣхъ Искусствъ театральныхъ*, тогда, какъ собственно Опера есть выродокъ сочиненій драматическихъ? почему онъ думаетъ, что *экзаметръ* долженъ быть *исключительнымъ стихомъ Эпопей*?

Это мнѣніе болѣе основано на образцахъ, нежели на законахъ непреложныхъ. Главное дѣло сослѣдовать въ поэмѣ, чтобы Поэзія соблюдала существенныя условія Эпоса, а не въ поэмѣ, короткимъ или длиннымъ стихомъ, дактилемъ или ямбомъ, съ рифмами или спондеями на концѣ стиха, рассказы-ваешь о своемъ героѣ. Почему оны думаешь, что обыкновенное стихосложеніе Поэзіи романтическихъ странъ, тогда, какъ сей родъ Поэзіи пользуется полною свободою и не подчиняется никакимъ основнымъ законамъ стихосложенія? Но эти почему повлекли бы меня слишкомъ далеко, а о книгѣ Г. Галича уже слишкомъ пространно говорено было въ двухъ Журналахъ. Совѣтую тебѣ прочесть ее, и прочесть внимательно: въ ней многое пребудетъ размышленія и соображенія. Тѣхъ же условій при чтеніи потребуетъ оны тебѣ переводъ сочиненія Тика, подъ заглавіемъ: *Объ Искусствѣ и Художникахъ*. Хотя въ переводѣ и встрѣчаешь много смѣло выдуманныхъ словъ и смѣло переведенныхъ выраженій, но самое сочиненіе имѣетъ великое достоинство по философской точкѣ зрѣнія, съ которой Авторъ смотрѣлъ на Изысканіе и на существенныя прообразованія его — Художества. Кроме того, въ ней много лю-

бопытнаго и новаго о самыхъ Художникахъ, и если ты не читалъ еще сей книги въ подлинникъ, то не пожалей о времени, которое употребишь на прочтеніе перевода. — Не могу тебѣ того же сказать о *Военномъ Красноречіи* Г. Профессора Толмачева, первыхъ пошому, что это заглавіе не соотвѣтствуетъ плану и объему самой книги, которую бы приличнѣе назвалъ полнымъ курсомъ Риторики; а во-вторыхъ пошому, что въ шестнадцатой части ея, особливо въ Логикѣ, многія опредѣленія или сбивчивы, или неполны, или и вовсе не соотвѣтствуютъ предмету. На это можно бы привести доказательства; но книга сія была уже къ-то разсмотрѣна, и разборъ ея напечатанъ въ С. Ошечества. — *Опытъ Библиотеки для военныхъ людей*, изд. В. Соцомъ, содержащій въ себѣ систематическое указаніе источниковъ, въ которыхъ военный человекъ долженъ почерпать нужныя для него свѣдѣнія по всемъ отраслямъ Военныхъ Наукъ. Первое изданіе сей полезной книги уже все раскуплено; вслѣдъ за нимъ появилось и второе, которому искренно желаю такого же успѣха. — Г. Калайдовичъ напечаталъ *Краткое изложеніе правилъ для составленія ручнаго Словаря Русскаго, съ приложеніемъ пробныхъ лис-*

товъ Словаря. Г. Н. Гр., помѣстившій въ Сѣвери. Пчелѣ прошлаго года разборъ сей книжки (*), говоритъ, что всякій Русскій Словарь долженъ бытъ словопроизводный, что симъ облегчаша опредѣленія и пр. Я на сей счетъ другаго мнѣнія, и согласенъ съ Г. Калайдовичемъ, что Ручной Словарь долженъ бытъ расположенъ по азбучному порядку; ибо здѣсь главное дѣло не въ опредѣленіяхъ, а въ удобствѣ приисканія, что и должно бытъ цѣлю всякаго ручнаго Словаря. Прибавляя же къ ручному Словарю *азбучный реестръ всѣхъ словъ*, значило бы, вмѣсто одного Словаря, издавать два, и объемъ такой книги вышелъ бы изъ разряда ручныхъ (**). Въ пробныхъ листахъ Г. Калайдовича замѣтила я опредѣленія, вовсе излишнія для Словаря ручнаго; таковы напр. опредѣленія сердца, души и ш. и. Я согласенъ, что нѣкоторыя, не весьма извѣсныя

(*) Въ No 75 и 76.

(**) Въ Разборѣ сказано, что при словѣ *душа*, въ уменьшительномъ *душка*, въ пробныхъ листахъ Словаря не упомянуто, что *душкою* называется внутренняя подставка въ скрипкѣ. Но сія подставка называется такъ только въ выговорѣ, въ правописаніи же должно быть: *дужка*, уменьш. слова *дуга*, что доказываешься и самымъ ея видомъ.

вещи и понятія, должны бытъ опредѣлены; но если опредѣлять каждое слово, вспрѣчающееся въ языкѣ, то ручной Словарь Русскаго языка едва ли можно будетъ вмѣстить и въ нѣсколько большихъ томовъ; и что жъ останешся послѣ того для Словаря не-ручнаго? Ты скажешь, фразеологія; но фразеологія не при каждомъ словѣ нужна, напротивъ, при весьма многихъ она или бесполезна, или и вовсе не имѣетъ мѣста. Не можно ли предполагать по такимъ соображеніямъ, что въ семь объемъ Словаря ручнаго будетъ содержаться почти три четверти Словаря подробнаго?

По часни Наукъ нравственно-политическихъ, въ Москвѣ вышли двѣ замѣчательныя книги: а) *Вступательная лекція о возможности Философіи*, соч. Г. Профессора Давыдова, въ которой почтенный Сочинитель представилъ цѣль и пользу Философіи, пошомъ содержаніе, форму, опредѣленіе, часни оной и связь ея съ прочими Науками. б) *О Монархическомъ Правленіи*, соч. Г. Ювскаго, содержащій въ себѣ доказательства о благосостояніи народовъ и спранъ подъ правленіемъ Монархическимъ, основанныя на самыхъ событіяхъ, и опроверженіе ложныхъ умствованій, процовѣданныхъ въ минувшемъ вѣкѣ.

Изъ книгъ историческихъ, принимая сіе наименованіе въ обширномъ значеніи, ш. е. разумѣя подъ симъ Исторію общую и частную, записки о событіяхъ временныхъ, извѣстія о древностяхъ и пр. и пр., явилось въ прошломъ году также нѣсколько весьма заслуживающихъ любопытство. Назову тебѣ всѣ, когорыя вспомню, и сколько можно въ систематическомъ порядкѣ. Во-первыхъ, вышло претіе изданіе *Руководства къ познанію всеобщей Политической Исторіи*, Г. Кайданова; ты уже знаешь это отличное сочиненіе по двумъ первымъ изданіямъ, слѣдовательно, говоришь тебѣ о немъ снова — было бы излишнимъ. Замѣчу только, что сіе 3-е изданіе во многомъ исправлено и пополнено, и сверхъ того отличается ошъ прежнихъ болѣею тщательностію со стороны типографической. *Исторія Иродотова*, пер. И. И. Мартыновымъ; объ этой книгѣ ты также не потребуешь ошъ меня ошчена: Исторія Иродотова, равно какъ обширное предпріятіе и похвальный трудъ почтеннаго Перводчика, тебѣ извѣстны. Знаю также, что ты, по любви своей къ историческимъ книгамъ, прочишалъ *Всеобщую Исторію древнихъ просвѣщенныхъ народовъ*, Г. Ершова; выишь Сочинишель издалъ продолженіе оной,

въ 2-хъ томахъ. Увѣренъ, что ты со временемъ прочишь и эти два тома, не для того, чтобы снова учиться по нимъ Исторіи, но изъ любопытства, чтобы видѣшь, какъ Сочинишель, не вовсе знакомый съ швореніями славнѣйшихъ Историковъ иностранныхъ, собшвенною, шакъ сказашъ, ошупью угадывалъ многое, ими сказанное. *Труды и Записки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ*, содержашъ въ себѣ много любопытныхъ разысканій и догадокъ, и показываютъ ревностную дѣятельность Членовъ сего полезнаго Общества. Но любопытнѣйшее явленіе изъ книгъ историческихъ въ 1826 году — ешь безпрекословно *Исторія Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года, подъ предводительствомъ Суворова*, изданная Е. Б. Фуксомъ. Суворовъ, *Чудо-богатырь*, исполнивъ Военнаго Искусства, являешся въ сочиненіи Г-на Фукса въ полномъ своемъ свѣтѣ, какъ великій Полководецъ, какъ опытный и прозорливый Политикъ, и какъ умный, любезный частный человекъ, кошораго Спаршанскіе объды лакомили и пишали не чувшвенность, а умъ и душу его собешдниковъ. *Письма морскаго офицера* (покойнаго Н. В. Коробки) служашъ допол-

неніемъ къ извѣстнымъ Запискамъ морскаго офицера, Г. Броневскаго, и содержать въ себѣ многія любопытныя подробности о кампаніи Россійскаго флота въ Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ Адмирала Сенявина. Кромѣ того, въ сихъ письмахъ такъ много разнообразія, какъ по : замѣчаний о спранахъ и народахъ, о современникахъ, по чему либо прославившихся, описаній разныхъ мѣстъ и произведеній Искусствъ, анекдотовъ и пр. и пр., что все сіе даетъ полное право этой книгѣ, написанной яснымъ и хорошимъ слогомъ, занять мѣсто подлѣ Записокъ Броневскаго. *Оправданіе Грековъ*, соч. Г. Марцеллою и изданное имъ въ пользу сиротъ и вдовъ Грековъ, падшихъ за Вѣру и отечество, заключаешь въ себѣ историческое и достовѣрное изложеніе всѣхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ Греками отъ Турокъ. Все сіе представлено въ разговорахъ Грека съ Туркомъ. Книжка сія болѣе всего заслуживаетъ вниманія благошворительною цѣлю, для козрой она издана. — Во время бывшаго въ прошлое лѣто въ Москвѣ спеченія Русскихъ и иностранцевъ, по случаю Коронаціи, Г. Свининъ весьма ксшашъ издалъ на Русскомъ, и попомъ на Французскомъ языкѣ, весьма хорошую и любопытную книжку, подлѣ заглавіемъ : *Ука-*

затель главнѣйшихъ достопамятностей, сохраняющихся въ мастерской и оружейной Палатѣ. Имѣя сію книжку, пріѣзжимъ, особливо иностранцамъ, было чѣмъ руководствоваться при обозрѣніи сей Палаты. Форматъ книжки, особливо Французскаго ея перевода, самый карманный.

По другимъ ошраслямъ знаній человѣческихъ, упомяну шебъ о *Запискахъ, издаваемыхъ Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ*, козрыхъ въ прошломъ году вышли 8, 9 и 10 части. Записки сіи заключаютъ въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о мореплаваніи, Наукахъ, иногда даже и о Словесности, свѣдѣнія о примѣчательныхъ путешествіяхъ, ошкрывшяхъ, полезныя таблицы по части морскихъ Наукъ и пр. и пр. Жаль, что сіе занимательное и полезное изданіе не довольно у насъ цѣнится! Говоря о морскихъ Наукахъ, нельзя позабыть объ одной вспомогательной для нихъ ошрасли знаній математическихъ — объ Астрономіи. По сему предмету, Г. Перевощиковъ издалъ въ Москвѣ весьма хорошую книгу: *Руководство къ Астрономіи.* — Наконецъ, по части *Полигеміи*, въ Москвѣ напечатано *Собраніе статей, относящихся къ Наукамъ, Искусствамъ и Словесности, заимствованныхъ изъ разныхъ*

иностранных периодических изданий 1823, 1824 и 1825 годовъ. Если бы эша компиляция была получше переведена, шо составила бы собою весьма хорошій памятникъ современныхъ открытій, учреждений, жизнеописаній и ш. п. — Не знаю, къ какому Наукамъ или Искусствамъ опнесши два слѣдующіе прапсапа, напечатанные въ Москвѣ: *Искусство не платить долговъ, или допленіе къ искусству занимать, сочиненное человекомъ порядочнымъ, и Собрание карточныхъ раскладокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ грандъ-пасіансовъ, усердно посвящаемое вѣльмъ дѣловымъ людямъ?* Шока ты не вразумишь меня на сей счетъ, или не придумаешь для нихъ какого либо новаго разряда, я помѣщу ихъ, впредь до разрѣшенія, между *изящными искусствами*, принимая на сей разъ слово *изящный* въ букввальномъ его смыслѣ, ш. е. изящный изъ общаго порядка вещей.

Письмо мое нечувствительно загнулось на многія страницы. Не испугайся его длины: эшо будетъ послѣднее въ нынѣшнемъ году. Vale.

IV.
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ
и ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обозрѣніе происшествій 1826 года.

(Продолженіе.)

Соединенные Штаты Сѣверной Америки торжествовали въ семь году пятидесятилѣтіе своего существованія, утвержденнаго 4 Юля 1776 года. Рѣчь, которую Президентъ Адамсъ открылъ 19-й Конгрессъ, и опчешы Спашсъ-Секретарей представили блистательную, основанную на событійхъ каршину великихъ успѣховъ, сдѣланныхъ въ теченіе сего времени въ отношеніи къ народонаселенію, торговлѣ и ремесламъ, народному богатству и Государственнымъ средствамъ. Съ 1822 года, учреждено было 1040 новыхъ почтапшовъ, а новыхъ большихъ дорогъ устроено на 1,500,000 Англійскихъ миль. Военный Департаментъ, военныя Академіи, укрѣпленія и морская сила соразмѣрно были усовершенствованы. Государственный долгъ 1 Января 1826 года просширался шолько еще до 81 милліона

доллеровъ. И хотя употреблены были большія суммы на погашеніе сего долга, на выдачу пенсіоновъ веперанамъ, изъ коихъ многіе еще находящіяся въ живыхъ, на спроеніе крѣпостей, на увеличеніе морской силы, на покупку земли отъ Индійцевъ и на внутреннее усовершенствованіе, однако же Государственный доходъ въ 24 милліона долларовъ, гораздо превосходилъ расходъ; 4 милліоновъ доспащочно было на уплату процентовъ съ Государственнаго долга, и около 7 на всѣ прочія Государственныя потребности. Положено было, опсправить Посланниковъ на Панамскій Конгрессъ, чтобы участвовашъ въ сужденіяхъ онаго, если они только будутъ совмѣстны съ несправдливешомъ, рѣшишельно принятымъ Сѣверною Америкою. Съ Колумбією заключенъ былъ шорговой договоръ на весьма справедливыхъ условіяхъ; о семь же предметѣ начаты переговоры и съ прочими новыми областями Америки, повсюду на основаніи взаимности и предоставленіи другъ другу величайшихъ выгодъ, что составляетъ главное правило Американской шорговой политики. Въ рѣчи Президентна упомянупо было также о шребованіяхъ, имѣющихся на Франціи, Нидерландахъ, Дани и Неаполѣ; прочія уже удовлетворены. Опсправленіе Де-

путатовъ на Панамскій Конгрессъ подало поводъ къ сильнымъ преніямъ. Двѣ партіи въ обихъ Палатахъ Конгресса долго и упорно боролись между собою; главою оппозиціи былъ Вице-Президентъ Келовиъ. Наконецъ, большинешвомъ 24 голосовъ прошивъ 19, Сенатъ положилъ опсправить шуда двухъ Представителей, и Палата Депутатовъ согласилась на сіе рѣшеніе незначительнымъ большинешвомъ голосовъ. 3 Апрѣля Сенатъ издалъ доспамятное послановленіе, чтобы никто въ шрешій разъ не былъ избираемъ въ Президентъ. Девяшнадашій Конгрессъ закрытъ былъ 22 Мая, послѣ сильныхъ преній и вопреки спараніямъ оппозиціи, шщенно искавшей продлить засѣданіе. Вишнія отношенія обратили на себя полное вниманіе Правительсшва, преимущественно сношенія его съ Англією, которая спаралась и на Американскихъ водахъ утвердить державный свой презубецъ, шѣмъ больше, что объ первостепенныя морскія Державы съ безпокойсшвомъ смощрѣли на усиливающееся ваіаніе своей соперницы въ новыхъ Американскихъ Государсшвахъ. Соединенные Шшаты получили перевѣсъ на сѣверномъ полуостровѣ Новаго Сѣвша, въ Мексикѣ и Гвашималѣ, Англія на южномъ, преимущественно въ Бразиліи. Къ сему присо-

единилось еще множество спорных пунктов, которые легко могли бы причинить разрывъ; и по сей причинъ, новому Американскому Посланнику въ Лондонъ поручено было привести въ порядокъ дѣла, касающіяся преимущественно до опредѣленія сѣверо-западныхъ и сѣверовосточныхъ границъ, кораблеплаванія по рѣкѣ Св. Лавренція, права торговли въ Англійскихъ колоніяхъ, коего лишена была Америка, и торгова невольниками. Северо-Американскіе Шшаны протестовали противу объявленія, что рѣка Ла-Плата блокирована Бразильскими кораблями, потому, что блокада сдѣлана была только на словахъ и недоспашочно подкрѣплена морскою силою. Соединенная экспедиція Колумби и Мексики противу Кубы не была одобрена прочими областями, съ коими по сему предмету совѣщались, и ошъ того не состоялась. Крики (Индійское племя) согласились уступить всю землю въ Георгіи, и перейши на отведенную для нихъ землю къ востоку ошъ Миссисипи. Великій недоспашокъ въ денежномъ обращеніи долженствововалъ имѣть вліяніе и на Сѣверную Америку, штъмъ болѣе, что главный ея торговый городъ Нью-Йоркъ, въ которомъ въ концъ года считалось ошъ 152,000 до 153,000 жителей, находится въ шѣнѣйшихъ тор-

говыхъ связяхъ съ Ливерпульемъ; однако же сіе бѣдствіе счастливо миновалось. По удивительному спеченію обстоятельствъ, 4 Юля, въ день пятидесятилѣтія обнародованія независимости, главнѣйшіе виновники оной, Джонъ Адамсъ и Томасъ Джефферсонъ, преемники Вашингтона въ Президентствѣ, скончались, первый на 91, послѣдній на 84 году ошъ рожденія. — Въ новой рѣчи, произнесенной при открытіи двадцатаго Конгреса, Президентъ обычаешъ сообщитъ договоры съ иноземными народами, представляешъ сношенія съ Панамскимъ Конгресомъ, совѣтуешъ заняться исправленіемъ большихъ дорогъ и довершитъ учрежденіе земскаго войска и военной администраціи. — Ошъ Бразиліи вышребованы важныя ограниченія блокадной системы на рѣкѣ Ла-Платѣ.

Еще въ концъ прошедшаго года, вся область *Мексиканская* была освобождена ошъ Испанцевъ, сдачею на капитуляцію, 21 Декабря, крѣпости Санъ-Жуанъ-де-Уллоа, Американскаго Гибралтара, который командуетъ городомъ Вераacruzъ. Тамъ найдено было 300 орудій. Послъ сего Вераacruzъ снова занялъ прежнюю степень свою, какъ главное мѣсто торговли съ Европою, которая во время осады перенесена была въ Алваредо, и по причинъ великой торговой дѣя-

пешности своей, быстро поднялась до прежней степени значительности. 1 Января открылся был Конгресс, и речь, произнесенная Президентом по сему случаю, содержала в себя блистательную картину важных успехов, оказанных уже юною Державою, и успокоительное уверение насчет образа мыслей прочих Государств в отношении к оной. Мексика находится в дружелюбнейших сношениях с Англиею и разными Американскими областями; Франция и многія другія Державы изъявили желание вступить в торговля связи с сею страной. Г. Маршанъ признанъ былъ Французскимъ Консуломъ в Мексикѣ, Г. Мурфи Мексиканскимъ во Франціи, и въ день Св. Карла, Мексиканскій и Колумбійскій флагъ въ первый разъ развился въ гаваняхъ Французскихъ. Нидерланды послали въ Мексику Консула, Пруссія торговаго агента. Сверхъ того разнеслись успокоительныя извѣстія о расположеніи сѣверныхъ Державъ къ сей Республикѣ, да и оиъ самого Папы, который можетъ быть спросился оспаденія Новаго Свѣта оиъ Папскаго престола, получена была благосклонная грамота. Денежныя обязательства Республики были выполнены въ точности. Государственный доходъ превышалъ уже расходъ

992,408 піаспрами; кредитъ возрастаетъ, торговля и ремесла приходятъ въ лучшее состояніе, рудники начинаютъ давать важную прибыль; Правительству съ успѣхомъ печется объ общественомъ воспитаніи и просвѣщеніи народа, и уже предприняло исполнскія работы, обещающія необъятныя выгоды, какъ напр. прорытіе Тегуаншепекскаго канала и устроение большой дороги по направленію къ Вашингтону, которая должна вспрѣтиться съ Сѣверо-Американскою. На всѣ сіи мѣры оказывалъ сильное вліяніе Посланникъ Соединенныхъ Штатовъ. Не смотря на некоторую ревность къ великому уваженію, приобретенному Боливаромъ, пробудившуюся въ новой Республикѣ, заключенъ былъ дружественный и союзный договоръ съ Колумбією, и Конгрессъ перенесенъ было изъ Панамы въ городъ Такубаю, лежащій близъ Мексики. Уже юная Республика, въ соединеніи съ Колумбією, замышляла о завоеваніи острова Кубы; но Испанскій Дворъ, употребивъ послѣднее усиліе, снабдилъ его сухопутными войсками и флотомъ, который однако же почти весь сдѣлался добычею бурь. Частъ Палаты Депушатовъ не соглашалась на сію предложенную Сенатомъ экспедицію; сверхъ того, кромѣ другихъ Державъ, Англія и Соединенные Штаты не одобряли оной, а Бо-

диварь, которому надлежало принять на себя главное начальство надъ оною, еще все занявъ былъ въ Боливіи и Перу: посему она и не была приведена въ дѣйство. Между шьмъ Мексиканскій флотъ, который подъ начальствомъ знаменитаго Сѣверо-Американскаго морскаго героя, Коммандора Поршера, уже снановился значительнымъ, повелѣвалъ на водахъ Кубскихъ и даже приобрълъ тамъ безопасное якорное мѣсто. Вліяніе Соединенныхъ Штатовъ сильно соперничествовало со вліяніемъ Англіи, и рашификація торговаго договора съ Великобританіею нашла великія затрудненія. Въ Мексикѣ предполагають увеличить армию 6 конными полками.

Центрально-Американская или Гватимальская Республика, менѣе всѣхъ прочихъ поспрадала отъ революціонной войны. Сѣверо-Американскіе Штаты оказывали преимущественное вліяніе въ дѣлахъ оной. 2 Марша собрался шамонній Конгрессъ, и закрытъ былъ въ концѣ Іюня при благопріятнѣйшихъ надеждахъ. Съ Соединенными Штатами заключенъ былъ торговый договоръ, и Полковникъ Кваршель отправился Нидерландскимъ Коммисаромъ въ Гвашималу. Посланникъ Сѣверныхъ Штатовъ принялъ былъ съ отличною почестію, и предложен-

ный имъ планъ о проведеніи канала для соединенія обоихъ Океановъ былъ одобренъ Конгрессомъ.

Колумбійская Республика, значительно умножившая свою морскую силу, построила въ Сѣверной Америкѣ чепырехъ кораблей о 64 и одного о 24 пушкахъ, въ началѣ года также готовилась снарядить экспедицію противу Кубы, которая должна была состоять изъ 10,000 человекъ высаженныхъ войскъ, 4 линійныхъ кораблей, 3 фрегатовъ, 6 корветъ и 12 меньшихъ военныхъ судовъ, и отправиться изъ Каршагены; однако Правительство оставило сіе намѣреніе, нашедъ внутри Государства довольно предешовъ, заслуживавшихъ его вниманіе. Конгрессъ открытъ былъ въ осуществленіи Президента Боливара, продолжающемся уже 4 года, Вице-Президентомъ Генераломъ Саншандеромъ, и именно въ Боготѣ, а не въ Оканьѣ, какъ то прежде полагали. Онъ говорилъ, что Испанія все еще не внемлетъ представленіямъ безпристрастныхъ и опытныхъ Правительствъ, касательно признанія новыхъ Американскихъ областей; что можно надѣяться отъ Франціи скорого признанія Колумбін; что съ Англіею и другими Американскими областями она находится въ самыхъ дружескихъ связяхъ, что

сь Папою, напрошивъ того, она еще не согласилась; сверхъ того обратилъ онъ вниманіе на затруднительное положеніе финансовъ и необходимость принятія мѣръ для прекращенія онаго. Содержаніе военной силы, причинившее главный расходъ, все еще стоило 12 милліоновъ, и Республикѣ нужно было сдѣлать заемъ въ 30 милліоновъ пиастровъ. Главные доходы Республики, имѣющей нынѣ 3 милліона жителей, происходятъ изъ таможенъ, акциза, табачной монополіи, солончаковъ и чекана монеты. — Каршагена и Пуэрто-Кабелло объявлены были свободными гаванями. Боливаръ въ отсутствіи, своемъ снова избранъ былъ въ Президентны, большинствомъ 583 голосовъ противу 23, а Генераль Саншандеръ Вице-Президентомъ. Противъ сего послѣдняго возсталъ сильный противникъ, пребывавшій не уничтоженія и не раздѣленія Республики на части, какъ то ошибочно утверждалъ, а только перемѣны образа правленія. Извѣстный со времени войны съ Испанією, смѣлый Генераль Паезъ, пользующійся обширною привязанностію конницы, и преимущественно Мулашовъ, и обвиненный въ самоуправствѣ и притѣсненіяхъ, объявилъ желаніе Венесуэльскихъ Шпатовъ образовать Республику, которая бы состояла изъ

опидьальныхъ Союзныхъ Облассей, подобныхъ Северо-Американскимъ, и отправился въ Караккасъ, гдѣ и былъ принятъ съ воспоргомъ, ибо Венесуэльцы оказывали ревность къ Кундинармаканцамъ (жителямъ бывшей Новой Гренады) и недовольны были перенесеніемъ Правленія въ Боготу. При въздѣ своемъ, Паезъ издалъ успокоительную прокламацію, въ которой объявилъ, что будетъ ожидать рѣшенія Боливара. Генераль Бермудезъ возсталъ на Паеза, и написалъ нѣсколько прокламацій противъ него, однако же дѣло не дошло до кровопролитія. Мало по малу, изъ 12 Департаментовъ Республики, Венесуела, Апуре, Зулія, Аснай, Эсквада съ перешейкомъ и Магдалина объявили готовность свою принять союзную систему, предложенную Паезомъ; къ нимъ еще присоединилась богатая южная обласшь Гваяквилъ, и всѣ совокупно требовали рѣшенія Боливарова. Боливаръ объявилъ на сіе, что Колумбійскій Союзъ не распоргнишь пребываніемъ перемѣны въ Правленіи, и что Паезу поручено было временно управлять въ Венесуэль, при чемъ онъ сказалъ, что будетъ во всемъ слѣдовать правиламъ главнаго начальника; что впрочемъ все сіе дѣло должно быть рѣшено Національнымъ Собраніемъ. Однако же въ семь объявленіи вы-

хваляемо было правленіе Бولیвіи. Надѣюща на скорое и совершенное рѣшеніе сего спорнаго вопроса, ибо 19 Октябрия, Генераль Паецъ имѣлъ въ Ла-Гваирѣ дружеское свиданіе съ Генераломъ Мендесомъ, посланнымъ шуда изъ Богошы. Вѣроятно, что Колумбія получишь союзный образъ правленія, который вообще въ Новомъ Свѣтѣ оказался лучшимъ и безопаснѣйшимъ. 19 Мая, Колумбійскій Конгрессъ рѣшилъ утвердишь Государственный долгъ, и старался привести въ порядокъ разспрошенные свои финансы. Рудники начали доставляшь великую прибыль, и нынѣ въ числѣ новой монеты будешь чеканишья и плащинная. Колумбійская морская сила состояла изъ 4 линійныхъ кораблей о 74—62 пушкахъ, 2 фрегатовъ о 46—36 пушкахъ, нѣсколькихъ корвель, бриговъ и мелкихъ военныхъ судовъ. Испанская эскадра показалаь на высошѣ Каршагены, однако же вскорѣ обратились въ сторону. Послѣ непрерывной чепырехъ или пятильшней засухи, наконецъ выпала въ семь году освѣжительный дождь въ большой части Южной Америки и Западной Индіи, имѣвшій благопріятнѣйшія послѣдствія для земледѣлія; съ другой стороны главный городъ, Богоша, сильно пострадалъ

опѣ землеприсенія, нѣрѣдко случающагося въ Южной Америкѣ.

(*Окончаніе впрѣдъ.*)

V.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Э Р И Н Ъ.

Egin! the tear and the smile in thine eyes.

(*Ирландская мелодія Мура.*)

Эринъ! твои слезы, улыбка въ очахъ,
Спалясь, какъ радуга на небесахъ!

Сквозь волнь бѣдъ свѣтлая,
Сквозь радость шемнѣя,
Твои солнцы, блѣднѣя
Восходяшь въ слезахъ.

Эринъ! слезъ безмольныхъ ты вѣкъ не опрешь,
Эринъ! ты улыбки дошоль не найдешь,

Какъ радугой свѣтлой,
Своей лучъ разноцвѣтной,
Въ знакъ мира завѣшной
Въ одинъ не сольешь!

Ознобишнѣ.

2.

К Ъ Н.

Спрадалецъ произвольной муки,
Не сводишь ты съ нее очей,
Какъ Танпалъ жадно ловишь звуки

Ея младенческихъ рѣчей;
 Но щещны въ швои перзапья:
 Языкъ любви ей незнакомъ;
 Ей непонясны ни спраданья,
 Ни блѣдность на лицѣ швоемъ.
 Когда, въ волненьи спрасни буйной,
 Ты съ жаромъ руку жмешь у ней,
 Ее пугаешь взглядъ безумной
 Внезапный блескъ швоихъ очей.
 Холодная къ швоей печали,
 Ея душа шиха, ясна,
 Какъ волнь въ недвижимомъ кристалѣ
 Съ небесь глядящая луна.

Оз.

3.

О Д А А Н А К Р Е О Н А .

(*Дотѣ мои дотѣ ушамъ,*)

Солнце въ небѣ ужъ высоко,
 Дѣвы милыя, молю,
 Мнѣ съ виномъ бокаль глубокой
 Поскорѣй, горю, горю!
 Огнь въ ушахъ, языкъ пылаешь,
 Подня зной паишь меня,
 Жалдой грудь изнемогаешь,
 Сохну, умираю я!
 Дайте мнѣ вѣнокъ душистой,
 Пусть, увлаженный виномъ,
 Жаръ, прохладою росисшой,
 Ошь чела ошвѣсть онь.
 Быстро свѣжя плѣницы
 Блэкнущъ, сохнущъ вкругъ чела!

Роза въ жемчугъ денницы,
 Капувъ слезы, ошцвѣла.
 Но какой, какой спруею,
 Сердце, огнь швой угасишь?
 Можно ль чашей и росою
 Пламень спрасни прохладить!

Оз.

VI.
 СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
 БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

1 8 2 7 .

19. *Опыты въ Антологическомъ родѣ, или собраніе краткихъ Басенъ и Сказокъ, нравственныхъ мыслей, надписей, мадригаловъ, эпиграммъ, эпитафій и другихъ мелкихъ стихотвореній, Алекскья Илличевского, Санктпетербургскихъ Обществъ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ Дѣйствительнаго Члена и Вольнаго Любителя Россійской Словесности Члена Корреспондента. С. П. б. въ типогр. Департаментна Народнаго Просвѣщенія, 1827. Съ гравиров. заглавною виньешкой; IX—132 стр. въ 16.*

(Не составляя лихературной табели орангахъ, и не жалуя по ней классными чи-

нами Русскихъ Поэшовъ, подобно одному изъ Гг. Журналистовъ нашихъ — скажемъ, въ полномъ убѣжденіи, что многіе изъ *Опытовъ* Г. Иллчевского — истинно весьма удачные опыты. Назовемъ по заглавіямъ нѣкоторыя изъ ихъ, кои болѣе прочіимъ намъ понравились, а ихъ число довольно значительное въ разныхъ родахъ: *Зеркало и вода.* — *Всякому свое.* — *Предостереженіе.* — *Примиреніе.* — *Несчастный Трубадуръ.* — *Къ изображенію Амура.* — *Ракета и звѣзда.* — *Асторская предосторожность.* — *N. N. при прощаніи съ нею.* — *Добродѣтель.* — *Къ портрету Петра Великаго.* — *Къ воспоминанію.* — *Отвѣтъ Карнеада.* — *С. Д. П—ой.* — *Разумъ челоувческій.* — *Двумъ сестрамъ.* — *Написъ къ источнику.* — *Вѣрная примѣта* и пр. и пр. Всѣхъ стихошвореній, составляющихъ *Опыты въ Антологическомъ* родѣ, 260; въ концѣ оныхъ помѣщенъ эпилогъ, въ которомъ Авшоръ говоритъ о трудахъ своихъ съ примѣрною и прямодушною скромностію: жаль, что не многіе Поэшы и Стихошворцы слѣдуютъ сему похвальному примѣру! — Заглавная виньетка, рисованная Г. Лангеромъ и гравированная Галактионовымъ, замысловата и хорошо ошдѣлана; изданіе вообще очень красиво и исправно. Книжка сія вездѣ у мѣста и вездѣ будетъ имѣть, свое достоинство: и на шуалешъ, и въ кабинетъ, и въ библіюшекъ).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № X.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСЛАНДСКІЯ ПИСЬМА.

Повѣсть, соч. Генриха Цшоке.

I.

Г-жа Шшобенъ жила въ своей деревнѣ, лучшей во всемъ околоскѣ. Она всегда любила уединеніе, но съ мѣсяць уже, какъ веселости не прерывались въ ея домъ: одно празднество смѣнялось другимъ, и среди веселой толпы, она сама какъ будто молодѣла. Но не пиршества, не вечеринки и не балы упѣшали г-жу Шшобенъ; споило ей захошѣвъ, чтобы имѣть всегда такого рода удовольствія: она была изъ числа богатѣйшихъ владѣльцевъ во всемъ округѣ.

Нышъ; въ настоящемъ случаѣ нѣчто важнѣйшее вливало ошраду въ ея сердце: къ ней, нѣжной и счастливой машери, возвратился изъ дальнихъ пушешествій сынъ ея Теодоръ. Три года, проведенные въ разлукѣ, заславляя ея наконецъ бояшься, чтобы

охоша спранствовать не оплучила его навсегда ошь родины. Никакая другая спрасишь не была, казалось, досступна сердцу молодого человека, кромь спрасиши видьшь чуждые народы, чуждые и опдаленныя спраны. Пошому-шо г-жа Шшобень испощалась на выдумкахъ сдѣлать ему привлекашельнымъ родимый край, наслѣдственныя владѣнія — привязать его къ нимъ всѣми возможными узамы. Но не было нужды въ сихъ шумныхъ увеселеніяхъ, блистательныхъ пирахъ; сильнѣе всего привлекало его крошкое машеринское сердце, какого не нашель бы онъ нигдѣ на всемъ спранствѣ земнаго шара, нигдѣ, между какими бь шо ни было людьми — бѣлыми, черными или оливковыми.

„Ахъ, машушка! милая машушка! можно ли бышь счастливые меня!“ повощоряль онъ часшо, цѣлуя ошь души драгоценную руку, кошорая его возмелъяла. „Кшо шакъ любимъ, шакъ искренно, нѣжно любимъ, чего желашъ ему больше! Повѣрьше, я не разлунусь уже съ вами!“

И хоша шысячу разъ дѣлалъ онъ подобныя увѣренія, но все оспавалась она въ сомнѣніи. „Пока, приковываешъ его предешъ новизны; когда же все сдѣлаешся для него спаро — шогда онъ ошяшь будешъ желашъ перемѣны.“ Такъ думала про себя г-жа Шшобень, и многое,

чшо она видѣла и слышала, усиливало ея подозрѣнія. И какъ иначе могла она располковашъ себя шо, чшо сынъ ея, всегда крошкѣй, спененный въ разговорахъ, спановилсѣ живѣе, лишь шолько начиналась рѣчь о неизвѣстныхъ народахъ? Какъ располковашъ шо, чшо изъ всей библиошеки г-на Абакука, шогдашняго Священника въ ближайшей деревнѣ, бралъ онъ для чшенія шолько пушешешвія, а образцовыя проповѣди, нравешвенныя разсужденія, историческія сочиненія о спаромъ и новомъ свѣшѣ, оставляль неприкосновенно?

Уже нѣскольکو недѣль жила съ нею и единственная дочь ея, Тереза, выданная замужъ за Совѣшника Кульма, съ кошорымъ нарочно прѣхала изъ резиденціи, чшобъ раздѣлать общую радосшь. Оба молодые супруги спарались смягчать шакую скорбь за бошливой машери.

„Женише его!“ говорилъ Совѣшникъ: „шогда навѣрное оспанешся. Ничшо шакъ не привязываешъ къ дому, опчизнѣ и человѣчешству, какъ счастливое супружешство. Холоснякъ никому не принадлежишь; эпо всемірный гражданинъ, побродяга — безъ опдыха и безъ цѣли.“

— „Да, если онъ не влюбленъ въ какую нибудь прекрасную Лапландку“ — при-
*

говорила Тереза: „по намъ легко это сдѣлать.“

„Но подумайте же, дѣшпи“ — сказала со вздохомъ г-жа Шшобенъ: „вошь сколько уже педѣль сряду видишь онъ всѣхъ дѣвицъ обширнаго нашего сосѣдства, и ему какъ будшо все равно, на нихъ ли смотрѣшь, или на шѣ рожницы, что малоюшъ на обояхъ онъ все задумчивъ; чтобъ сдѣлать его разговорчивымъ, надобно завести рѣчь объ его Норвегии.“

— „Задумчивъ?“ спросила Тереза: „не знаешь ли ты, хороши ли собою Лапландки?“

„Конечно“ — отвѣчала Совѣшникъ: „для шѣхъ, кто любитъ нишь рыбій жиръ.“

2.

У г-жи Шшобенъ не выходили изъ памяти послѣднія слова зяши; она шолковала ихъ и шакъ и сякъ, шаралась развязать вшошь загадочный узелъ, и не могла.

„Что жъ это за люди, которые любятъ нишь рыбій жиръ?“ спросила она: „Вы слишкомъ фигурно выражаетесь для шарой, неученой женщины, любезный мой зяшъ!“

— „Лапландцы, машушка“ — отвѣчалъ онъ и съ усмѣшкой закинулъ назадъ голову.

„Неужели же только Лапландцы и любятъ рыбій жиръ?“ спросила Тереза.

Совѣшникъ улыбнулся. „Твоя правда!“ — сказалъ онъ: „и между нами есть много охотниковъ.“

Эшимъ не успокоилась г-жа Шшобенъ. Она пошла въ свою комнату и велѣла позвать къ себѣ Амоса, давнишняго вѣрнаго слугу и спутника ея сына.

„Скажи мнѣ, Амось“ — начала она, положила ласково руку на плечо его: „ты хорошо знаешь своего господина, знаешь его совершенно, знаешь лучше, нежели я. Ты видишь его ежедневно во все шѣ годы, какъ я была разлучена съ нимъ.“

— „Видѣлъ, сударыня.“

„Вѣдь ты былъ съ нимъ и въ Лапланди?“

— „И тамъ былъ, сударыня. То-то была жизнь! Иногда мнѣ, право, казалось, будшо мы провалились во шьму кромѣшную.“

„Что жъ тамъ дѣлалъ швой баринъ?“

— „Его нельзя было опшуда выманить. Онъ ползалъ въ ихъ лачугахъ, передъ которыми наши свинные хлѣва показались бы

дворцами, и развѣзжалъ въ ихъ саняхъ, на копорыхъ я часо ваялся, какъ обмерзлый чурбанъ.“

„Ну, а что ты скажешь, хороши ли собою Лапландки?“

— „Нѣчьмъ похвасташься, сударыня, исключая...“

„Исключая?“

— „Да, въ ихъ грѣховные годы, и самъ бы дьяволъ былъ красавецъ, если бы случилось ему быть молодымъ.“

„Любилъ ли пивой баринъ рыбій жиръ?“

— „Какъ изволише разумьшь?“

„Пиваль ли онъ его?“

— „О, нѣшь, избави Богъ! ни ему, ни мнѣ ни капли на языкъ не попадало.“

„И ты говоришь по совѣспи.“

— „Да хоть извольше предложшь ему шеперь для пробы.“

„Когда онъ собрался ѣхать домой, не замѣшилъ ли ты въ немъ какого-нибудь безпокойства или досады? Не видно ли было въ немъ иногда желаніе воротиться назадъ въ чужой край, между пѣмъ какъ онъ приближался къ родинѣ?“

— „Вы какъ шущь попали, сударыня. Часо приходилъ онъ въ уныніе, и тогда, бывало, не знаешь, что съ нимъ дѣлать. Онъ все раскавался, что не видалъ оспрова

Исландіи, или по крайней мѣрѣ Гренландіи; но Исландія особенно вершлась у него въ голову. Тамъ разшевелила сердечко его одна женщина.“

„Кшо жъ такая?“

— „Знаю только, что ее зовущь Эдда.“

„Что жъ, видно она хороша?“

— „Я не имѣлъ чести лично ее видѣшь.“

„Вдыхаешь ли же онъ шеперь иногда объ оспровѣ Исландіи?“

— „А вошь, вчера. Эхъ, сударь, сказала я ему, между нами говоря, здѣсь право лучше, чѣмъ на оспровѣ Исландіи. Да если бы меня захошьли сдѣлать въ Исландіи Королемъ, я опвѣсилъ бы пренизкій поклонъ, и оспался бы здѣсь. Тушь баринъ мой нахмурился и проворчалъ: во вѣкъ себѣ не прошу, что, бывъ такъ близко, не създилъ шуда.“

„Не напоминай же ему, смощри, объ оспровѣ Исландіи.“

— „Э! если бы только Эдда не напоминала; а я самъ за себя поручусь.“

„Эта Эдда дѣвица, или замужняя?“

— „На шо не могу вамъ опвѣчать ни да, ни нѣшь. Полагаю однако, что онъ нея получаетъ онъ иногда письма. И кажется, она очень прогашельно пишеть. Я не могу пишеть, но знаю письма ея по конверту; и

по печашн. Тушь представляется алтарь и на немъ пламя. Получивши такое письмо, онъ такъ радуется, что каждая жилка прорецещь въ лицъ его и слезы изъ глазъ прорывающься. Если бь меня выучили грамоту, я непременно бы спалъ получашь письма изъ Исландіи.“

„И шеперь еще получаешь сынъ мой Исландскія письма?“

— „Господи! какъ же, еще въ прошедшее Воскресенье принесли ему одно. Пошуму-шо онъ цѣлый день и прыгалъ, какъ будто поддвлялъ себѣ пружины къ подошвамъ. Ахъ, да, сударыня, надобно признашья, что Исландія должна бышь прекрасная земля — судя ужъ и по однимъ письмамъ. Только бы мнѣ умѣшь чашашь, шо не надо никакихъ писемъ, кромѣ Исландскихъ. Да здѣсь они и дешевы. Въ Карлскронѣ плащилъ я за каждое письмо по столько цѣлыхъ гульденовъ, сколько здѣсь ошдаю крейцеровъ. Правда, что у насъ и лучше устроены почшы, нежели въ Норвегіи и Лапландіи.“

Г-жа Шшобенъ ошнустила болпливаго Амоса. Она была огорчена въ глубинѣ души, узнавъ болѣе, нежели чаяла. Исландскія письма ее расшревожили до крайности.

Прежде всѣхъ Тереза узнала ошъ доброй своей матери шайну ошъ островѣ Исландіи. Для объясненія загадки, она избрала ближайшій путь: въ одно прекрасное ушро, прокралась она въ комнату брата. Теодоръ бросился къ ней на встрѣчу. Она прижалась къ его сердцу.

„Такъ ты навѣрное ошашься съ нами?“ спросила она.

— „Навѣрное.“

„Свободень ли ты? Не шпанешь ли шебя другой магншшь?“

Теодоръ покраснѣлъ. Тереза сжала его крѣпко въ своихъ объашяхъ. Взоръ ея проникать глубоко въ его душу. Онъ опушилъ глаза, улыбаясь.

„Ты уже ошвѣчалъ!“ сказала она.

— „Но что же? Я шебя не понимаю.“

„За шо я хорошо понимаю шебя. Ты любишь! — Я знаю.“

— „Ты намѣрена шущишь.“

„Ни мало. — Зачѣмъ же не взялъ ты съ собою свою даму?“

— „Какую?“

„Ту прелестную, что пишешь къ шебѣ письма съ острова — какъ-бишь называешья островѣ — изъ Исландіи. Кайся же, я

вѣдъ женщина. Я то же любила, хотя и не вѣдила для того въ Лапландію.“

Теодоръ смотрѣлъ съ удивленіемъ на сестру свою.

„Полно же скрываться, мой милый. Машушка, всё мы желаемъ швоего счастія. Ты любишь. За чѣмъ же спало дѣло? Женись на возлюбленной. Въ чемъ пужно, пособлю я. Только не думай покинуть насъ ддя Исландіи. Машушка умерла бы съ печали, а я вѣрно не переживу ея потери. Теодоръ, ты всегда былъ добрый сынъ, добрый братель! Взгляни на меня; неужли ты переѣднись? Скажи, ты любишь? не правда ли?“

— „Не знаю.“

„Вопь забавно! Не знаешь, любишь или ншь? Такъ я же знаю лучше. Если бь напрымьрь, я подала тебѣ письмоцо, съ пылающимъ алгаремъ на печати — покраснѣла ли бы ты?“

Онъ въ самомъ дѣлѣ покраснѣлъ. Она поцѣловала, смѣючись, его запылавшую щеку.

— „Ахъ, Тереза, говоря по правдѣ, эшо вздоръ.“

„Что шакое?“

— „Любовь, о кошорой ты намѣкаешь.“

„О, вы, властелины свѣта! что некажется вамъ вздоромъ, когда идешь дѣло о насъ, бѣдныхъ женщинахъ?“

— „Ты сама будешь смѣяться надо мною, когда скажу тебѣ.“

„Гоповлюсь бышь скромнѣ.“

— „Узнай же все. Ты будешь смѣяться, Тереза. Я сама чувствую: спранныя, романическая, сумасбродная исторія...“

„Ты почши слишкомъ разсудителенъ, чтобъ играть роль любовника. Любовь, въ кошорой ншь спранныстей, романическаго, сумасброднаго, не есть любовь. И шакъ, пошрудись расказашь. — Развѣ и моя любовь съ Кульмомъ не похожа на сказку?“

— „Изволь, раскажу. Ты поможешь мнѣ совѣномъ, а можешь бышь знаешь и дѣвущку.“

„Только не въ шакоемъ случаѣ, если она Исландская уроженка.“

— „Нышь, Тереза, она живешь въ городѣ Грауенбургъ.“

„Гдѣ жь эшо? — Не въ Норвегіи ли?“

— „Въ шридцати миляхъ ошсюда; въ пшадцати ошъ столицы.“

„Гдѣ жь ты сошелся съ нею?“

— „Нигдѣ.“

„Нигдѣ? Такъ ты ее не знаешь?“

— „О, какъ нельзя лучше. Эшо Ангель!“

„Разумѣеся; върояпно только безъ крыльевъ. По крайней мѣрѣ обихаетъ ли она въ нашей юдоли плача?“

— „Въ Грауенбургъ. Ея сердце, умъ ея, меня восхищаютъ. Впрочемъ она не хороша собою и не богата.“

„Не хороша? — Ты не въ себя. Въдъшы нигдѣ не сходился съ нею; а если она швой идеаль, шакъ ошъ шебл, или ошъ фантазиі швоей зависишь, чшобъ она была хороша. Ну, дадье!“

— „Она блѣдна и ряба.“

„Вошь спраанности! да въдъ шы не видаль?“

— „Да; но вошь ея изображеніе.“

Теодоръ вынулъ изъ груднаго кармана миніатюрный портретъ на кости.

Тереза долго его разсматривала. Братъ ея говорилъ правду. „Вкусы различны“ — сказала она: „иногда же бывають и спраанны. Правда, чшо швой возлюбленная не прелестна; но въ ней есть черта добродушія. — Такъ шы безъ околичностей влюбился въ портретъ?“

— „Ншь, не въ портретъ. Но . . . сядь здѣсь на софу. Еще рано. Мы поговоримъ безъ помѣхи. Ты молчалива?“

„Какъ рыба.“

Они съли. Теодоръ началъ рассказывать.

„Четыре года назадъ, когда мы поперяли башюшку, написалъ я списхи: *Жертва смерти*, и положилъ ихъ на музыку. Эши списхи, съ принадлежащими къ нимъ форпнопьянными ношами, были напечатаны. Чрезъ полгода послѣ шого, получилъ я письмо ошъ дѣвушки, подписавшейся Ошпилиєю Вангень. Надобно шебъ прочешъ письмо, чшобъ шы не получила ложныхъ поняшій объ эшой дѣвушкѣ.“

Теодоръ досталъ бумажникъ и вынулъ изъ него слѣдующее письмо:

„Милосшивый Государь!

Можешь быть мнѣ совсѣмъ не прилично писашъ къ вамъ; но простите дѣвушкѣ, которая нарушаетъ законъ пристойности по долгу признашельности: вы спасли мнѣ жизнь. Я лишилась ошца, добраго ошца, котораго очень любила. Я сдѣлалась больна. Душевное распройство причинило шакое же и въ умѣ моемъ. Врачи боялись, что оно будеть неизлечимо. Душа моя ципалась мрачными мечшами. Я спремилась по развалинамъ міровъ къ какой-шо опдаленной зарѣ, кошорой не могла достигнуть. Спраданіе было моимъ удѣломъ. Вкругъ меня но-

сидись блуждающіе духи, налагавшіе на меня оковы, чшобы воспреняшшвовашь мнѣ достиженіе священнаго огня, мерцавшаго для меня въ лучшемъ свѣтѣ.

„Въ шакомъ болѣзненномъ положеніи услышала я звуки спрунь и пѣніе. Эшо была ваша музыка, ваша *Жертва смерти*. Ахъ, вы шо же пошеряли добраго ошца, и чувшвовали споль же сильно свою пошерю, какъ и я. Мнѣ казалось, что я слышу небесную музыку; она покорила меня своею силою. Я заплакала слезами; вмѣстѣ съ ними ошлегло у меня и на сердца; разсыпались мрачныя мои думы; спнадо свѣтлѣе вокругъ меня; блескъ зари явился ближе глазамъ моимъ; блуждающіе духи преврашились въ моихъ, горько плачущихъ родственниковъ; я впала въ сильную горячку и легкими средствами меня вылечили.“

„Но вы, милосшвивый государь, мой спаситель. Ваша *Жертва смерти* воззваала душу мою изъ пшмы пѣмага, шяжкаго, шомшительнаго сумасшешствія. Чашо повшоряли мнѣ послѣ шо же пѣніе — въ ушншніи моемъ я счасшлива; живу, шолько слушаая шоны ваши, виная въ мысли ваши. Можешь бышть эшо новое сумасшешствіе. Пущь и шакъ. Мой ошець заслуживалъ всего. Ахъ,

если бь мой прахъ взяла ша же могила, гдѣ его прахъ покоишся!

„Почши цѣлый годъ не принималась я за перо; эшо первыя спроки. Я дала себѣ обѣщанье; шеперь оное исполнено. Благодарю васъ, просштите мнѣ шолько.

Оттилія Вангенъ.“

5.

„Не дурно!“ сказала Тереза, улыбаясь. „Мы, женщины, поплакали бы надъ какимъ письмомъ ошъ всего сердца. Но вы, съ вашею сильною душою, вы философшвуеште иначе.“

— „Одна вѣжливосшь повлекла за собою другую. Могъ ли я молчанье, получивъ письмо ошъ шакого милаго, чувшшвинительнаго созданія? Я ошвѣчала; къ ея жалобамъ прибавилъ свои; ушѣшала ея и себя. Эшо побудило и ея къ корошкшму ошвѣшну, по кошорому написалъ я снова. Непримѣшно завязалось у насъ шакъ много вопросовъ и ошвѣшновъ, что не видно было конца нашей переписки. Не бывъ знакомы, любили мы другъ друга. Каждое письмо было новый шагъ къ довѣренности. Умы наши сошлись и заключили союзъ, чуждый всѣмъ обычаямъ и жинейскимъ ошношеніямъ. Для насъ не

существовало ни земли, ни условнаго порядка ея обитателей, ни чувственности, ни побочных видовъ, ниже какой спраши. Если небожители заключающъ союзъ любви и сознающя другъ другу въ своихъ чувствахъ, то наши чувства похожи были на ихъ любовь.“

„Правда, что это духовное сообщеніе, это чистое сліяніе душъ не имѣешь ничего общаго съ шѣмъ, что свѣтъ включаетъ въ понятія о дружествѣ, любви, доброжелательствѣ и проч. Это что-то необыкновенное, и потому-то, какъ ты вѣроятно назовешь, романическое; пусть и такъ. Названіе ни придаешь, ни опшимаешь чести. Всякъ чувствуюеть *по своему* и называешь *по своему*.“

„Ахъ, Тереза, эта незнакома я Опшнлїя опшнла у меня чувство и разумнїе прелестней всего знакомаго. Много зналъ я дѣвиць, но ни одна не засшавила меня и на минушу забышь о моей никогда невиданной. И что находилъ я вездѣ? Существа, въ кошорыхъ перевьсь на споронѣ мяса и костей, а не духа; любовь ихъ воспламеняешь воображеніе и охлаждаетъ сердце. Существа, кошорыя, по мипованїи первой любви, любящъ еще изъ щцества, и думающъ боль-

ше объ экипажѣ, чѣмъ о сердцѣ мужчиномъ. Существа, кошор . . .“

„Кошорыя ни на волосъ не хуже и не лучше мужчинъ!“ прервала Тереза. „Мимходомъ замѣчу тебѣ, Теодоръ, что ты очень невѣжливъ: разсуждая съ сестрой, не забывай, что и она женщина. Теперь можешь продолжатъ.“

— „Но я сказала правду.“

„Я то же, дружокъ. Ты любишь, и любишь мечту, а совѣтъ не то, что называешь духомъ. Ты грезишь, и потому ни мало не дѣлаешь исключенїя изъ легїона любящихъ, кошорые, со всеми ихъ бреднями, не переводящя подъ луною. Повѣрь мнѣ, Теодоръ, ты не Ангель, какъ и швоя небесная Опшнлїя. Люди всегда опшанущя людьми, никогда не выйдущъ изъ круга, предначертаннаго могущественною природою. Что ты себѣ воображаешь, то же воображаешь каждый. Всякъ думаешь о себѣ, что онъ совѣтъ не *обыкновенный*, что онъ составляешь важное исключенїе, что шолько въ немъ все иначе. Мы всѣ заблуждаемся, но всякій заблуждается по своему. Однако всего, что я преподавала тебѣ, не понимаешь ты даже, господинъ философъ. Поймешь ли прежде, какъ будешь имѣть жену.“

— „Да и ты меня не понимаешь. Думай, как хочешь, а только я знаю Опшилию. Прочитай письма ей, тогда будешь судить иначе. Не думаешь ли, что я меньше буду любить Опшилию, если узнаю даже, что она вышла за-муж? думаешь ли, что нарушу къ ней вѣрность, когда сегодня же предстану предъ алтаремъ съ другою?“

„Я думаю, что вы оба грезите. Грезы же происходятъ отъ жару, кошорый долженъ сѣдять самого себя, пока неосвѣжишся дождемъ, не прохладится вѣтромъ. И ни одного изъ васъ не забрала еще охота увидѣть другъ друга?“

— „Я путешествовалъ на Сѣверѣ Европы. Переписка наша продолжалась. Еще предъ началомъ путешествія сдѣлались мы искреннѣйшими друзьями. Вашъ копія письма, въ кошоромъ я увѣдомилъ ее о своемъ отъѣздѣ.“

6.

Теодоръ досталъ письмо. „Впрочемъ оно слишкомъ длинно“ сказалъ онъ: „я прочту тебѣ только то, по чему особенно можно судить, какого рода наше дружество:

„Предпринимая далекое и продолжительное путешествие, я не прощаюсь съ ва-

ми, любезная Опшилия. Къ чему прощанье, когда я не оставляю васъ? Мы не расстаемся, ибо никогда не были вмѣстѣ. Все равно, прийдешь или тысяча миль, ручей или Океанъ, раздѣляютъ насъ, души наши не раздѣлятся. Только обмѣнъ мыслей и чувствъ въ перепискѣ нашей нѣсколько затруднишся отдаленіемъ. Мы шеемъ нѣчто, но не все. Тѣмъ не меньше увѣрены мы, что духомъ неразлучны, и важнѣйшее, что передають другъ другу наши умы, посредствомъ мершвыхъ знаковъ письма, безъ него написывають они непрерывно самимъ себѣ; это важнѣйшее — одно слово: люблю!“

„Да, Опшилия, я люблю тебя! Ахъ, дозволяе мнѣ это прошное, искреннее ты, когда я говорю съ вами! Ты предполагаешь по крайней мѣрѣ два предмета, означая множество. Ты же обращаешься къ одному единственному. Я васъ не знаю, ибо не видалъ оболочки, какая тебя, милая душа Опшилия, въ себѣ заключаетъ. Я не могу любить васъ — люблю тебя.“

„Ощдываясь отъ васъ, я шѣмъ крѣиче прильпляюсь къ тебѣ. Да, Опшилия, что бы ты ни была, останься только неизмѣнно такою, какъ мнѣ явилась. Какой-то вѣщій голосъ, какъ будто вызываетъ ко мнѣ, что некогда я васъ увижу — мы увидимся! О,

любезная Опшилія, я пренещу этого мгновенія. Почши желаю, чшобъ мы никогда не увидѣлись. Мы люди, Опшилія. Досель были мы счастливы другъ другомъ; но горе намъ, если чшо нибудь въ наружности нашей намъ не понравится! если воображеніе насъ обманеть, и мы найдемъ другъ въ другъ чшо нибудь несоотвѣтствующее представленіямъ нашимъ. Опшилія, тогда мы распоргнемъ сами свое счастье.“

„Мы любимъ другъ друга. Мы близки и корочки, какъ брашъ и сеспра. Мы знаемъ самыя шайныя изъ нашихъ помысленій. Мы представляемъ взаимно другъ другу безъ покрова, безъ искусства, безъ прихворства. Подумай, Опшилія, когда наступишь время, и мы въ первый разъ увидимся лично, чшо тогда? Никогда не видавшись, мы представляемъ, какъ чуждые другъ другу. Осмѣлюсь ли я приблизиться къ неизвѣстному мнѣ существу, хотя бъ и зналъ, чшо въ немъ обитаешь прекрасная душа, кошорую я люблю, кошорая меня любитъ? Искреннее ты, кошорое свободно сливается съ пера, замреть на ухахъ. Прикосновеніе рукъ будешь совсѣмъ не шо, чшо было прикосновеніе душъ.“

„Опшилія, если мы когда нибудь свидимся — шо мы найдемъ другъ друга, но не

узнаемъ. Говоришь ли изъ эпикъ успѣ душа, кошорую любилъ я нѣкогда? спрошу я. Та, кошорая меня любитъ и знаетъ, найдешь ли меня, въ моей оболочкѣ, шакимъ, какъ я былъ для нея прежде?

„Дѣйствительнo, Опшилія, участь наша, въ сравненіи съ участью другихъ любящихся, очень чудна. Мы, во взаимной нѣжности и вѣрности, должны бояться мгновенія, кошорого другіе шоль сильно желаютъ. Мы души, кошорые, свидясь, должны пренешать за плошь свою. — Опшилія, мнѣ горько о шомъ думаешь — это приводитъ меня въ уныніе.“

Теодоръ умолкъ. Тереза сказала, улыбаясь: „я вижу, чшо ваша духовная любовь есть премилое дурачество. — Какъ же духъ Опшиліи принялъ ошъездъ швой? Не разсердился ли онъ немного?“

— „Мнѣ бы должно было прочищать шебъ всю нашу обширную переписку. На шо мало времени, сеспра. Скажу шебъ однимъ словомъ: я собираюсь шуда. Хочу ѣхать въ Грауенбургъ. Хочу видѣть Опшилію. Она еще не знаетъ, чшо я возвратился изъ путешествованія. Она и не должна знать. Пусть увидитъ меня, не зная. Я назовусь вымышленнымъ именемъ. Письма ея, кошорыя

рия все еще посылаешь она въ Копенгагенъ, ийдушь далѣе, какъ въ Л*, къ моему другу Миллеру, который присылаетъ ихъ мнѣ; также отсылаешь онъ къ ней и мои, въ которыхъ все еще спавлю я: Копенгагенъ.“

„Ваши невинные души, какъ я замѣчаю, разумьешь и то, что называется инпригою. Но, государь мой, не думай, чтобы совѣтъ со мною раздѣлялся. Ты пребывалъ моего совѣта къ швомъ духовнымъ похождениямъ. Требую же, чтобы ты меня выслушалъ, и чтобы ты ни шагу не дѣлалъ безъ моего вѣдома. Ты вѣдь въ моей власти. Ты далъ мнѣ адресъ своего неземнаго существа; ты знаешь, я неутомонна, и умѣю писать письма.“

— „Неужели хочешь мнѣ измѣнить?“

„Ты долженъ испытать судьбу великихъ міра сего. Если не позволяешь они себѣ совѣтовать, то надобно, чтобы позволили себѣ измѣнять. Я гогова помогаю тебѣ върой и правдой. Только иди пише, чтобы ищиши надежище — счастье твоей жизни зависишь отъ того, что ты слышишь предпринять. Ты любишь не дѣвучку, а самимъ созданную химеру. Ты, честная душа, еще не корошко знаешь нашу бранью, женщинъ. Нашему сердцу надобно какъ иибудь подурачишься — это для него необходимость.“

Твоя эфирная Опшилія, у себя дома, навѣрное совѣтъ не то, что въ письмахъ, гдѣ можно писать и вычеркивать. Небесное существо, которое согрѣваетъ себя божественнымъ огнемъ, дома вѣшь и пѣешь, какъ и всѣ мы, порожденіе челоѣковъ, и наконецъ также почто помышляешь о замужствѣ о зеркаль, объ ушарьлости, объ . . .“

— „Помилуй, Тереза! — Переспань, ради Бога переспань! — Иначе я убѣгу.“

„Но неужли же ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что добрая Вангенъ слылана изъ свѣта и воздуха? Боже мой, почему же дѣвучкѣ не думаешь о замужствѣ? Тупь ничего ишь дурнаго! Но не будемъ бранишься. Любопытно мнѣ, но многимъ причинамъ, знаешь, какъ Опшилія приняла извѣстіе о швоемъ опъздѣ. Прочитай мнѣ изъ ея письма, что по крайней мѣрѣ къ тому отношится.“

Теодоръ взялъ, не прекослова, бумажникъ, но лице его нахмурилось.

Онъ прочелъ, что слыдуешь :

„— Вы пробудете въ пушешествіяхъ одинъ, два, три года. Этимъ очень затруднишься переписка наша. Не смѣю ропшашъ, и если бѣ смѣла, не захотѣла бы. Сердце мое привыкло къ упрашамъ. Ахъ, любезный другъ! если бѣ я могла упрашишь

все, если бы ничего у меня не осталось, если бы я была тамъ, гдѣ мой добрый отецъ!

„Я бѣдное швореніе, а все еще имѣю слишкомъ много! Мнѣ бы хотѣлось всего вдругъ лишиться въ здѣшнемъ мірѣ, попому что все за шѣмъ такъ сильно меня привлекаешь, чтобы послѣ еще сильнѣе перзашъ. Уже я не имѣю духу что нибудь полюбить, попому что не имѣла бы духу перенести пошерю того. Или меня обманываютъ, или я сама обманываюсь. Вошь моя участь.

„Да сопровождаетъ васъ счастье на пути вашемъ. Вы будете счастливы. Я спану за васъ молишься, и Богъ услышитъ меня. О, другъ мой, вы были ангель, испоргшій меня изъ мрака. Вы и довершили свое благое дѣло. Письма ваши заключали въ себя обильную пищу для моего утѣшенія и поддержанія. Вы останешесь для меня шѣмъ же, какимъ явились мнѣ въ моемъ горешномъ изскупленіи. Упомленный духъ мой находишь себя родственную опору въ вашемъ. Къ чему мнѣ знать, кто вы? Будете ли вы писашъ ко мнѣ или нѣтъ, я все знаю, что вы обо мнѣ не забудете; знаю, что и въ смершній вашъ часъ вы будете любить меня, попому что нѣтъ причины, но кошорой бы могла я сдѣлаться вамъ

равнодушною. Спану перечипывашъ письма ваши и переносишься, въ мечтахъ, въ послѣдніе часы моего сумасшесшвія — какъ было мнѣ хорошо тогда!“

„Увидимся мы на землѣ или нѣтъ, право, кажешся, все равно. Если умремъ вдалькъ другъ ошъ друга, не выдавшись лично, неужели это пошеря? Двѣ души въ неизмѣримомъ мірозданіи встрѣпились, полюбили одна другую, сообщили взаимно знаки своего сущесшвованія, попому лишаюшся средствъ сообщенія и, разлученныя, все еще любящъ, не зная ничего другъ о другѣ.“

„Такъ и лучше. Вы мнѣ шеперь все; если бы вы вздумали усилить свое впечатлѣніе, вы бы его ослабили. Со временемъ, когда вы женишесь, покажише мои письма вашей супругѣ — она не приревнуешъ меня.“

„Счастливаго пути! Я швоя вѣчно. Есть Богъ. Вовсе не исчеземъ. Если здѣсь пошухну, явлюсь индѣ — и если бы, о Теодоръ, могла бышь вѣчно швою!“

„Вошь я сижу и плачу. Ошъ чего же это уныніе? Только одну имѣю пошребность: всегда о шевѣ думашъ. Эшого никко у меня не похишишь. Когда не буду о шевѣ думашъ, не буду и сущесшвовашъ.“

Оттилія В.*

7.

„Какъ же далѣ прядась нишь судьбы вашей?“ спросила Тереза.

— „Очень естественно. Мы часто переписывались, и все спановились другъ для друга необходимѣе. Только Опшиллія оказывала болѣе пвердосци, нежели я. Съ годъ времени опказывалась она прислать мнѣ свой поршреть, о которомъ не преспаваль я просить ее. Наконецъ желаніе мое исполнилось; но своего поршрета не смѣль я никакъ предложить. Она объявила мнѣ, что не хочеть видѣть моего изображенія, ни даже въ очеркѣ или силуэтѣ.

„Между тѣмъ я видѣль, что привязанность ея ко мнѣ возрастаетъ. Съ иначеніемъ времени спала она веселье. Воспоминаніе объ опцѣ не шакъ уже ее огорчаетъ. Но все еще спрашиваетъ она моего возвращенія. „Заклинаю васъ, Теодоръ“ пишеть она въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ: „не думайте меня увидѣть. Слишкомъ смѣло и жестоко разрушите вы собственною рукою нашъ влзвѣумъ, если захощите лично со мною познакомиться. Тогда шолько мы можемъ бышь счастливы, когда останемся, какъ шеперь.“ Таковы нынѣ опношенія наши. Пошому-шо я и оспавляю ее въ тѣхъ мысляхъ, будшо я еще въ Копенгагенѣ. По-

спараюсь увидѣть ее въ Грауенбургѣ, не давая о себѣ знать. Тогда пусть рѣшится случай.“

„Ну, право“ сказала, смѣючись, Тереза: „шопишь игруда сыграшь шаккой романъ. Я не понимаю этой дѣвушки. И мнѣ очень сомнительно, будеше ли вы оба счастливы. Каждый изъ васъ обманываль самъ себя и другаго. Ваши ожиданія, ваши мысли слишкомъ напряжены. Вы найдете другъ въ другѣ обыкновенныхъ людей, и каждый разсердится шогда на самого себя. Мы, право, должны признашь въ самихъ себѣ, что не смошри на всѣ красоты душевныя, все шакъ мы не что иное, какъ бѣдныя пвари, сложенныя изъ костей и мяса. Ручаюсь, что въ швоемъ воображеніи вершился свѣженькая, хорошенькая дѣвушка, во всемъ блескѣ красоты. Что же, если шы въ своей Опшилліи найдешъ вялую, блѣдную, слабопервную женщину, привычную болѣе къ письму, чѣмъ къ хозяйшву — шы поклонитесь низенько этому ангелу и ворошитесь во свояси. Не сердитесь на меня. Любя себя душевно, должна же я по крайней мѣрѣ ошперечь, чтошб шы не слишкомъ вдавался въ свои причуды, на случай невыгоднаго разочарованія. И въ самомъ дѣдѣ, Теодоръ, у нея самой должны бышь худыя пред-

чувствія. Не напрасно, можешь быть, за-
 прещаетъ она тебѣ личное знакомство. Дѣ-
 вушки всѣ одного покроя, и въ извѣст-
 ныхъ вещахъ спрахъ какъ любопытны.
 Впрочемъ я сдержу тебѣ слово. Черезъ двѣ
 недѣли поѣду съ мужемъ въ резиденцію, и ты
 осправляйся съ нами. Чшобъ случайно не
 измѣнишь себѣ, назовись другимъ именемъ.
 Въ резиденціи намъ легко развѣдать о Гра-
 уенбургѣ, и тогда мы примемъ свои мѣры.
 Доволенъ ли ты? "

— „Доволенъ.“

8.

„Точно, милая маменька“ сказала Те-
 реза г-жѣ Шшобенъ: „нѣтъ иного средства,
 какъ дать нашему Теодору жену.“

— „То-то и есть, милая!“ отвѣчала
 нѣжная мать: „но не забудь объ Исландскихъ
 письмахъ.“

„Конечно. Именно ошь эшихъ писемъ,
 кошорыя могутъ наконецъ сдѣлать его не-
 счастливимъ, должны мы увлечь его въ раз-
 сѣянность, сколь возможно пріятную. Въ
 столицѣ нѣтъ въ ней недоспашка. Туда уве-
 зу его съ собою на мѣсяцъ, или на два. Тамъ
 надѣюсь выгнать изъ него всѣ причуды и
 охошу спранспровашъ.“

— „Ахъ, душа моя! если бѣ это тебѣ
 удалось!“

Лишь только г-жа Шшобенъ согласи-
 лась на поѣзду Теодора въ резиденцію, Те-
 реза поспѣшила къ своему мужу. Она по-
 свяшила его, безъ дальнихъ околичностей,
 въ шайны Теодора. Совѣшникъ очень уди-
 вился спраннымъ любви своего шурина,
 кошораго считалъ онъ всегда чедовкомъ
 умнымъ и разсудительнымъ; впрочемъ онъ
 одобрилъ зашѣ Терезы, чшобы послать Те-
 одора никогнишо въ Грауенбургъ въ шакомъ
 случаѣ, буде извѣстія, какія получатся объ
 Опшпиди въ резиденціи, не заспавашъ его
 выбросить изъ головы всѣ причуды.

Прошло двѣ недѣли, Амосу приказано
 было укладывашся.

„Очень хорошо, сударь“ отвѣчалъ онъ:
 „шолько пожалуйспа, не въ Исландію! Здѣсь
 нисьма дешевле, воздухъ не шакъ суровъ. Въ
 эшопъ разъ, право, не привезете вы меня
 живаго изъ Лапландіи.“

— „Такъ далеко мы не пустимся!“
 сказала Теодоръ: „Я поѣду съ сесспрою. Одно
 шолько долженъ я крѣпко на крѣпко зака-
 зашъ тебѣ, Амосъ. Не говори впередъ нико-
 му о нашемъ дальнемъ пупешествіи. Не го-
 вори никому о шомъ, кшо я шаковъ. Выда-
 вай меня за дальняго родственника. Совѣш-

ника Кульма, и называй меня Людвигомъ Гогенгеймъ. Исполняй все это, пока не дамъ другаго приказанія.“

Амосъ посмотрѣлъ сомнительно на своего господина. Лошадь были гошовой. Друзья наши распрощались съ г-жею Шшобень, которая осталась въ деревнѣ, и вскорѣ пріѣхали въ резиденцію, гдѣ Совѣшникъ Кульмъ имѣлъ прекрасный домъ и любилъ жить весело.

9.

Уже недѣли три провель Теодоръ или Людвигъ въ резиденціи, не помышляя о дальнѣйшемъ путешествіи. Надобно было такъ много вздѣшъ по гостямъ и принимашъ гостей у себя; безпрерывно балы и званые обѣды; въ обществѣхъ шакое разнообразіе, но не безъ выбора; вездѣ господствовала въ нихъ дружеская искренность, какъ въ самомъ шѣсномъ кругу семейственномъ. Не такъ привлекали обѣды и балы, какъ сами люди. Расчишывали дни, въ которые можно увидѣшься снова. Для нихъ удовольствія обещанія не были главнымъ дѣломъ, а только ошдохновеніемъ; почему и не упомляли они, а подкрѣпляли.

Этого Людвигъ Гогенгеймъ не ожидалъ ошъ резиденціи. Вскорѣ сдѣлался онъ у всѣхъ знакомыхъ сеспры своей, какъ человекъ домашній; сдѣлался однимъ изъ значительнѣйшихъ членовъ ихъ круга. Познанія съ большою скромностію, любезность и доброта безъ всякихъ припязаній, привлекали къ нему скоро сердце всякаго. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, но все...

„Что съ шобою дѣлаешься?“ спросила его однажды сеспра, когда они были одни, ибо при людяхъ она никогда не говорила ему *ты*: „что шы все брюзжишь? Чего недоспаешь шебѣ, душа ненасынная? Неужли шебѣ у насъ не правится? Подумай, собери свои мысли.“

— „Воншъ этого - по мнѣ и недоспаешь.“

„Мужъ мой получилъ письмо ошъ корреспондента своего изъ Грауенбурга.“

— „Что пишешь онъ?“

„Спроси — шебѣ дадутъ письмо. Твоя духовная Ошшилія уѣхала въ Лейпцигъ, и не знають, скоро ли возвратишься. Кое-что пишуть также объ ея ошношеніяхъ съ однимъ Саксонскимъ офицеромъ; утверждають, что она съ нимъ помолвлена. Однако я все шебѣ совѣтую, създишь въ Грауен-

бургъ, какъ скоро узнаешь объ ея обратномъ прѣздѣ.“

— „На счетъ помолвки вѣрно несправедливо.“

„Я не читала письма. Мужъ мнѣ сказывалъ. Но поспой!..“

Тереза убѣжала и вскорѣ принесла письмо. Браша своего нашла она сидящаго въ большой задумчивости, руки сложены крестомъ, голова повисла на грудь.

„Славныя вѣсти!“ вскричала Тереза: „Ошишилъ чрезъ нѣсколько недѣль прѣждешь сюда, для свиданія съ дальними своими родственниками; и уже опсюда проѣдешь въ Грауенбургъ. Вспѣ прочитай самъ.“

Людвигъ Гогенгеймъ взялъ письмо и, не прочитавъ, положилъ на столъ.

„Неужели и это не по тебѣ? Ты начинаешь мнѣ скучать своими причудами.“

— „Ахъ, сестра, не сердись! Въ самомъ дѣлѣ, я сама чувствую свое сумасбродство. Но прошу тебя, не мѣшай мнѣ. Я подожду Ошишила, посмотрю на нее — но сдѣлай милость, не говори мнѣ о ней болѣе. Если она могла, послѣ столъ священныя кляшвы ненарушимой вѣрности...“

„Мечшашель! неужели же для тебя ей надо было итти въ монастырь?“

— „Нѣтъ, не могу шому вѣришь. Она меня любилъ. Она не покинешь меня! Если же бы рѣшилась на это — о, кланусь Богомъ, тогда не повѣрилъ бы я ни одной женщиной.“

„Даже и мнѣ, мой милый брапецъ? А я вѣдь женщина, въ полномъ смыслѣ этого слова.“

— „Ты меня мучишь.“

„И прекрасной, молодой вдовушкой, г-жѣ Саръ, поже? А! ты краснѣешь. Людвигъ, Людвигъ! Берегись самъ себя и не морочь другихъ.“

— „Что такое ты возмечшала?“

„Нѣтъ, мнѣ совсемъ не мечшалось, какъ охотно вы другъ друга дразнише, или...“

— „Ты ошибаешься.“

„Или можешь бышь вершишься у себя на умѣ ея двоюродная сестрица, Фридолина Бернекъ? Если бь я была мужчиной, мнѣ шрудно было бы выбрать изъ эшихъ двухъ. Фридолина шанцуешь мастерски, и я право, думаю, что ни съ кѣмъ такъ охотно не шанцуешь она, какъ съ побою.“

— „Ты спановишься несносна.“

„Какъ ты былъ вчера. Скажи, развѣ это вѣжливо, что, попросивъ прежде меня на экосезъ, ты пошелъ попомъ съ Фридолиною?“

— „Но. —“

„Но конечно, она смотрѣла на тебя изъ подлобья, а ты на нее — въ такихъ случаяхъ не мудрено позабыться. Нѣтъ, государь мой, вы провинились, и должны быть наказаны. Я прошу тебя, если ты посмраешься поправитъ свою вину сегодня у г-жи Сарь.“

— „Я не пойду туда.“

„Вошь прекрасно! ты у нее на счету. Она ждетъ тебя еще къ чаю въ свой садъ. Нашу бранью не зовутъ такъ рано; мы придемъ послѣ. Но смотри! она любезна, и шутъ не поможетъ тебѣ никакая душевная и духовная красота швоей невидимки - Опшпиди.“

(Продолженіе впрѣдъ.)

II.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ УЧИЛИЩЪ.

Ueber gelehrte Schulen, mit besonderer Rücksicht auf Bayern, von *Friedrich Thiersch*. Stuttgart und Tübingen, in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung; XXXII и 498 с. въ 8. (*).

При вступленіи на престолъ Баварскій, нынѣшній Король Лудовикъ обратился осо-

(*) Возвратившійся, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, изъ чужихъ краевъ Г. Спашскій Совѣтникъ О. Б. Грефе, благоволилъ сообщитъ мнѣ новѣйшее сочиненіе общаго нашего знакомаго Г. Академика *Тирша* въ Мюнхенѣ, подъ заглавіемъ: *Ueber gelehrte Schulen, mit besonderer Rücksicht auf Bayern, von Friedrich Thiersch*. Stuttgart und Tübingen, in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung; 1826. XII, IV, IV, XII и 492 с. въ 8. Почти въ то же время я имѣлъ удовольствіе получить отъ одного изъ усерднѣйшихъ отечественныхъ Педагоговъ, Г. Исправляющаго должность Директора Училищъ Курляндской Губерніи, *И. Д. Брауншвейга*, изъ Мпшавы, сочиненія его: *Ideen zur Gründung lettischer Landmannsschulen*; Mitau, 1821. Gedr. bei I. F. Steffenhagen und Sohn. (XII и 82 с. въ м. 8), и *Die Organisation der Gymnasien nach chrystlichem Princip*; Riga und

бенное вниманіе на состояніе Училищъ. Признавая воспитаніе *предметомъ величайшей важности* (höchstwichtige Angelegenheit), онъ, по справедливости, въ благоустройствѣ Училищъ видитъ средства къ обезпеченію Церкви, къ улучшенію нравовъ, къ усовершенствованію Наукъ и Художествъ, и къ образованію полезныхъ членовъ гражданскаго общества. Въ шаковомъ убѣжденіи, Монархъ поручилъ Училищному Совѣщу, представивъ ему новый планъ образованія Училищъ, соотвѣтствующій обстоятельствамъ времени и потребностямъ Баварскаго народа.

Порученіе сіе послужило поводомъ къ многоразличнымъ сужденіямъ, основатель-

Dorpat, 1825. bei C. J. G. Hartmann. Gedruckt bei J. V. Hirschfeld in Leipzig. VIII и 76 с. въ 8. Прочитавъ сіи книги, я рѣшился познакомиться просвѣщенныхъ соотечественниковъ моихъ съ содержаніемъ оныхъ. Для сего мнѣ казалось полезнымъ, положить въ основаніе сочиненіе Г. Тирша, присвокупивъ къ выпискамъ изъ оного какъ разныя мнѣнія Г. Брауншвейга, такъ и нѣкоторыя собственныя примѣчанія.

Издавая все сіе на судъ опечесственныхъ любителей просвѣщенія, я желаю, чтобы небольшою трудъ мой принесъ хотя малую пользу Россіи, коея Августѣйшій Монархъ удостоиваетъ учебныя заведенія особеннаго Своего Высочайшаго вниманія и покровительства. *П. Келленъ.*

нымъ или ложнымъ, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія разсуждающіе взирали на Училища. Въ числѣ просвѣщенныхъ Липператоровъ, публично въ семь отношеніи изложившихъ свои мысли, нельзя не замѣтить Сочинителя объявляемой нами книги, ученаго Аншикварія и Филолога *Тирша*, весьма уважаемаго въ ученомъ свѣтѣ Члена Мюнхенской Королевской Академіи (*).

Сочиненіе его есть плодъ опытности и долговременныхъ основательныхъ разсужденій, о предназначеніи, устройствѣ и управленіи Училищъ, и имѣетъ цѣлю соглашеніе разныхъ мнѣній, возникшихъ болѣею частію ошъ недоразумѣній. Представляя каждое мнѣніе въ полной рѣзкости оного, (ибо нерѣшительность въ предметахъ полнкой важности вредна и непростишительна), Авторъ подвергаетъ оное строгому изслѣдованію. Изыскавъ первоначальныя причины каждаго сужденія, онъ, на началахъ несомнѣнныхъ, основываетъ противныя свои доказательства, которыя не могутъ не

(*). Онъ самъ воспитанникъ Училища, славившагося подъ названіемъ: die Schulpforte in Thüringen (смр. 114). Въ Лейпцигѣ онъ довершилъ ученіе, подъ руководствомъ ошличнаго Филолога Германа.

обратишь на себя вниманія чашателей и самих соперниковъ его.

Сколь ни противоположны мнѣнія о полезнѣйшемъ устройствѣ учебныхъ заведеній; но здѣсь дѣло идетъ объ истинномъ просвѣщеніи людей, о приближеніи ихъ къ высокой цѣли предназначенія чловѣка. Таковое-то истинное, совершенное образованіе чловѣка (идеаль воспитанія), должно руководствовашь умами и перомъ всѣхъ нашихъ, которые рѣшаются судить о наилучшемъ устройствѣ Училищъ.

Изслѣдованіе о предназначеніи чловѣка, какъ въ гражданскомъ и семейномъ быту, такъ и за предѣлами земнаго бытія, одно можешь служить къ опредѣленію высокой цѣли Училищъ, и сообразнаго пому устройства ихъ. Посему-то Г. Тиршъ, прежде всего спарается съ точностію опредѣлить предназначеніе оныхъ. (Bestimmung der gelehrten Schulen, с. 9—30). Потомъ онъ переходитъ къ разсужденіямъ о обязанностяхъ и правахъ самихъ преподавателей (Vom Lehrstande, с. 31—104). Сии два изслѣдованія составляютъ первое отдѣленіе сочиненія нашего Автора.

Во второмъ отдѣленіи, Г. Тиршъ излагаетъ мысли свои о преподаваніи Закона Божія (Religiöser Unterricht, с. 105—120), и

о классическомъ ученіи (Classischer Unterricht, с. 121—222).

Въ прешей книжкѣ, Соч. говоритъ о распредѣленіи и способѣ классическаго ученія (Ueber Anordnung und Methode des classischen Unterrichts, с. 223—336), раздѣливъ книгу сію на слѣдующія главы:

1. Приготовительные классы (Vorbereitungsklassen, с. 223).

2. Нижняя Гимназія (Das untere Gymnasium, с. 239).

3. Политехника на ряду съ Филологіею (Die Polytechnik neben der Philologie, с. 274).

4. Высшая Гимназія (Das obere Gymnasium, с. 282).

5. Способъ классическаго ученія (Methode der classischen Studien, с. 293).

6. Распространеніе классическаго ученія на Шпшику, Исторію, Риторіку, Философію (Ausbreitung der classischen Studien auf Poetik, Geschichte, Rhetorik, Philosophie, с. 309—336).

Наконецъ, въ четвертомъ отдѣленіи, Авторъ разсуждаетъ объ изученіи отечественнаго языка и Словесности, о преподаваніи Математики, о устройствѣ или распорядкѣ Училищъ и о надзорѣ за поведеніемъ учащихся (Vom deutschen und mathematischen Unterricht. Von den Verhältnissen und

der Zucht der Schule). Матеріи, входящія въ составъ сей IV книжки, расположены слѣдующимъ порядкомъ :

1. О ученіи Нѣмецкому языку (Vom deutschen Unterricht, с. 337).

2. О преподаваніи Математики (Ueber den mathematischen Unterricht, с. 370).

3. Заключенія : о главныхъ предметахъ ученія (Schlussbemerkungen über den Unterricht in den Hauptsachen, с. 380).

4. Преподаваніе постороннихъ (побочныхъ) предметовъ, новѣйшихъ языковъ, Естественной Исторіи и пріятныхъ Искусствъ (Unterricht in Nebenfächern, с. 385).

5. Исторія Баварскихъ Училищъ съ 1804 по 1825 годъ (с. 392).

6. О различіи въ вѣроисповѣданіи учащихся (Vom kirchlichen Unterschiede in den gelehrten Schulen, с. 417).

7. О надзорѣ за поведеніемъ учащихся (Ueber die Zucht der gelehrten Schulen, с. 417).

8. Обь отношеніи Гимназій къ высшимъ Училищамъ (Ueber das Verhältniss der Gymnasien zu den höheren Lehranstalten, с. 464), и наконецъ

9. Обь учрежденіи Университета въ Мюнхенѣ, с. 472—482.

Симъ Авторъ оканчиваетъ свои изслѣ-

дованія, къ коимъ присовокуплены еще слѣдующія два приложения :

1. Ueber Benutzung altdeutscher geschichtlicher Quellen zum Studium der Geschichte auf gelehrten Schulen, von Friedrich Roth, с. 483, и

2. Ueber das Studium der deutschen Sprache auf Schulen, von Joh. Andreas Schmeller, с. 486—492.

Кто изъ читающихъ сіе обозрѣніе книги Г. Тирша, не усмотритъ важности оной и для насъ Русскихъ? и кто, читавъ сочиненіе Г. Брауншвейга, не удивился, что оба Автора столь вообще согласны между собою, не взирая на то, что смотрятъ на предметъ, одинъ и тотъ же, съ разныхъ точекъ зрѣнія?

Главное разногласіе въ сочиненіяхъ Г. Тирша и Брауншвейга происходитъ отъ весьма естественной причины: отъ разности читателей, которыхъ они имѣли въ виду, и на коихъ желали подѣйствовать. Г. Брауншвейгъ писалъ преимущественно для Протестантовъ, Тиршъ для Капюликовъ. Первому казалось необходимымъ усилить ученіе Вѣры, не унижая впрочемъ и классическаго ученія; послѣдному же, въ борьбѣ съ Капюлическимъ духовенствомъ, предстояла обязанность другаго рода: надлежало, при должномъ уваженіи къ предме-

шамъ Богословскимъ, показанъ и необходимосшь познанія Классиковъ и основаннаго на ономъ ученія. Науки и Вѣра, сказали одинъ изъ просвѣщенѣйшихъ папріотовъ, должны вѣчно итти другъ съ другомъ параллельно. Это два колеса, везущія колесницу нравственнаго нашего бытія къ предназначенной цѣли. Каждое неумѣстное сдѣленіе ихъ между собою столь же опасно для человечества, сколько и опаденіе ихъ другъ о друга можешь быть для него пагубно. Разница между нашими двумя Авторами въ семь случаевъ состоишь въ томъ только, что Г. Тиршъ держится одной, а Г. Брауншвейгъ другой стороны; стремятся же оба къ одной цѣли, и даже однимъ путемъ. И подобные мужи, заботящіеся объ установленіи надлежащаго порядка вещей въ мірѣ, и подающіе къ тому благоразумные совѣты, не заслуживають ли названія благошворителей человечества? Причины, почему предположенія Гг. Брауншвейга и Тирша вообще столь сходны между собою, посему очевидны: Вѣра (неразрывная съ нравственностію), языки, Исторія, Математика, (Художества), нѣкошорыя познанія по части Естественной Исторіи, и наконецъ первоначальныя основанія Философіи (наипаче Логика), вошь предметы гимназическаго

ученія; все прочее принадлежить высшимъ, или частнымъ Училищамъ (Университетамъ, Академіямъ, или учебнымъ заведеніямъ, усроеннымъ исключительно для усовершенствованія юношества въ одной какой либо вѣтви человеческихъ познаній).

Дабы, хотя нѣсколько, познакомить читателей съ доспоиримѣчательнымъ сочиненіемъ Г. Тирша, представимъ здѣсь нѣкошорыя выписки изъ онаго.

О предназначеніи Училищъ.

Во введеніи къ сей спашѣ (п ко всему сочиненію) Авторъ излагаетъ мнѣнія главнѣйшихъ двухъ парсій, на кои раздѣлена публика по предмету Училищъ. „Утверждають,“ говоритъ онъ: „что юношество наше испорчено, что Училища негодны, что все они охладѣли къ Вѣрѣ, что Греки и Римляне сдѣлались образцами, и идолопоклонничество шоржесивуетъ надъ Христіанствомъ.“ Показавъ неосновательность первыхъ шаковыхъ посылокъ, Авторъ справедливо утверждаетъ, что онъ чшенія Греческихъ и Римскихъ Писателей, столь же мало сдѣлаешья идолопоклонникомъ, какъ и Магометанцемъ онъ изученія Арабскаго языка, или приверженцемъ Браммы онъ Санс-

крипскаго. Величайшіе учителя и общы церковные, и самые ревностные Христиане (между прочими и Пешпарка и Фенелонъ) словомъ и дѣломъ явили, что уваженіе къ Классикамъ никакъ не противно ученію Св. Евангелія.

„Надобно преобразовать учителей, должно опдѣлить ихъ отъ міра, и всего мірскаго, заключить въ спѣсны, въ коихъ они не будутъ уже имѣть нужды заботиться о предметахъ суетности, о пищѣ и одеждѣ, словомъ, должно слишь въ одно состояніе, учительское съ званіемъ духовнымъ.“

Разсуждающіе такимъ образомъ увлекаются своимъ (впрочемъ не рѣдко благонамѣреннымъ съ ихъ стороны) чувствомъ къ невозможному, къ пагубному для общества. Идеаль хомятъ они приспособить къ житейскому міру, котораго они или не знаютъ, или знаютъ не хомятъ. Люди, рожденные для общежитія, должны быть воспитываемы также для общества.

Приступая къ разысканіямъ о предназначеніи Училищъ, Сочинитель показываетъ, что основаніемъ всякаго образованія должно быть благоговіе къ Вѣрѣ, или чувство величественной набожности (religiöse Gesinnung, Frömmigkeit, с. 9). Но пробужденіе и постепенное развитіе въ дѣтяхъ и юношахъ од-

ного сего чувства, не можеть еще быть исключительнымъ предметомъ воспитанія.

Воспитаніе, по доводамъ нашего Автора, должно состоять въ совокупномъ усовершенствованіи въ *Наукахъ* (Wissenschaft) въ развитіи чувства добродѣтели, или *благонравія* (Gesinnung), и въ образованіи *вкуса* (Geschmack). Последний служить испочинкомъ житейскаго приличія, основательности, или существенности въ дѣйствіяхъ, ясности и порядка во всемъ быту человеческомъ. Вкусъ служить признакомъ образованности (Bildung) и поручительствомъ въ оной. Всѣ сіи блага вмѣстѣ: *познаніе*, *правдивость* и *образованность* (Wissenschaft, Tugend, Bildung) подразумеваются подъ словомъ *людскость* (Menschlichkeit, — Humanität), и въ достиженіи сей-то *людскости*, должна состоять главная цѣль Училищъ, изъ коихъ одни назначены для воспитанія поселятъ (des Landmanns), другія для мѣщанъ (Bürger), а еще иныя для образованія наставниковъ, правителей или распорядителей (Verwalter) и судій въ народѣ.

О учителяхъ.

Въ главѣ *объ учительскомъ званіи*, г. Тиршъ излагаетъ права и обязанности пре-

подавателей, показывая, что вообще вредно для Государства поручать учительскія должности исключительно одному какому либо сословію людей. Духовныя и свѣтскія особы, говоритъ онъ, должны имѣть равное право на занятіе учительскихъ мѣстъ; однѣ лишь умственные и нравственные способности ихъ къ исполненію сопряженныхъ съ оными обязанностей, должны руководствовашь начальство въ раздачѣ сихъ мѣстъ. Но съ другой стороны, кажется, и переходъ изъ сего сословія въ каждое другое, безъ опасенія для общей пользы, не можетъ быть возбраняемъ. Должно только испоргнуть учителей изъ бѣдности (*denn arm ist jeder, der nicht hat um seinen Verhältnissen und Bedürfnissen gemäss zu leben, с. 63*). и открывать имъ путь къ наградамъ, соразмѣрнымъ ихъ заслугамъ, чтобы быть увѣреннымъ въ возможности имѣть достойныхъ профессоровъ и порядочныхъ учителей.

Въ подтвержденіе сихъ истинъ, Авпоръ прибѣгаетъ къ Исторіи Училищъ, обозрѣвая оныя вкращѣ съ древнѣйшихъ временъ нынѣ.

Опъ Греческихъ *Грамматиковъ* (учителей грамоты), *киористовъ* (учит. музыки, гитары или флейшы въ Віоміи) и *Педо-*

тригвоовъ (учителей гимнастическихъ упражненій) до Вишій и Философовъ въ Аѳинахъ, въ Александріи и въ Римѣ, а опъ сихъ до новѣйшихъ временъ, г. Тиршъ поспешенно обозрѣваетъ ходъ и способъ ученія. Показавъ, что Веспасіанъ, первый опредѣлилъ значительный и постоянный доходъ Греческимъ и Римскимъ Вишіямъ (с. 34); онъ замѣчаетъ, что Христіане не боялись отдавать дѣтей своихъ въ ученіе къ идолопоклонникамъ, славившимся ученостію и краснорѣчіемъ. *Не они* опасались Классиковъ, но именно первый врагъ и гонитель Христіанской Церкви, Императоръ Іуліанъ, который, желая ослабить просвѣщеніе въ Христіанахъ, запретилъ чтеніе Гомера, Гезіода, Оукидида и Димосеена (с. 38). Напротивъ сего, Святый Кириллъ, Архіепископъ Александрійскій, въ рѣчахъ своихъ прошивъ Іуліана, ревностно защищалъ ученіе Классиковъ, коихъ пустыя баснословія конечно могутъ шокмо показывать необходимость истинной Вѣры, обнаруженной Христіанамъ Божественнымъ Ошкровеніемъ (*).

(*) См. Juliani epist. XLII, Opp. T. I, p. 422 sq. Spanh. и Cyrillus contra Julianum l. VIII, p. 250. B. sq. ed Spanh.

Въ среднихъ вѣкахъ, одно лишь духовенство сохранило для насъ древнихъ Классиковъ, пока наконецъ въ Болоніи и въ Падуѣ образовались первые Университеты, въ коихъ преподавалось Правовѣдніе, Естественныя Науки, Медицина, Математика и Философія (с. 40) (*).

Когда Науки содѣлались общесвѣннымъ имуществомъ каждаго гражданина, учительскія мѣста стали даваться лучшимъ, или къ занятию оныхъ способнѣйшимъ, не взирая на то, къ какому бы сословію сіи лучшіе ни принадлежали. Въ разныхъ Государствахъ, даже въ Испаніи, учреждены были конкурсы, и конечно къ пользѣ Училищъ (с. 41). Въ Германіи, число учителей свѣтскаго сословія умножилось преимущественно тогда, когда способнѣйшіе наставники были образованы Эрнестіемъ и Рейцомъ въ Лейпцигѣ, Машніасомъ, Геснеромъ и Гейне въ Гешпингенѣ, Вольфомъ въ Галле, и Беккомъ и Германномъ въ Лейпцигѣ; свѣдѣн-

(*) Что наименованные здѣсь пять родовъ Наукъ должны бы были предметами пяти разныхъ Университетскихъ отдѣленій (ибо 4-хъ Факультетовъ по многимъ причинамъ недостаточно), на сіе я имѣю уже случай обратить вниманіе нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ чинашелей сихъ спроекъ. К.

но весьма недавно; но и понинѣ, уже плоды филологическаго ученія (*) восхищаютъ просвѣщенныхъ мужей всѣхъ образованныхъ странъ Европы.

Система ученія, — распространившаяся со времянь Базедова, Кампе и Зальцманна, по коей не *людскость*, но *польза* (полезное) содѣлалась цѣлю Училищъ, въ которыхъ съ того времени введено несчетное число новыхъ предметовъ ученія, — въ сѣверной Германіи процвѣтала недолго, но въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, она была водворе-

(*) О томъ, что именно составляетъ предметъ Филологіи — (ein Cyclus von Wissenschaften und Kenntnissen, welche früher unter dem Namen Philologie, jetzt häufiger noch unter dem Namen Alterthumswissenschaft begriffen werden) — говоритъ Авторъ на стр. 90 и 384. Въ послѣднемъ листѣ, Г. Тиршъ, разсуждая объ отношеніи классическаго ученія къ ученію Вѣры, опредѣляетъ сущность Филологіи такъ: Philologie ist die gelehrte Kunde des classischen Alterthums, wie Theologie die gelehrte Kunde des Religion, und umfasst als solche einen weiten Kreis engverbundener Wissenschaften. Филологическія Семинаріи, составляя какъ бы новое (шестое) отдѣленіе Университетскихъ предметовъ, должны, судя по мнѣнію Г. Тирша, служить основаніемъ Педагогическихъ Институтовъ, будучи предназначены для образованія преподавателей классическихъ предметовъ (с. 91 и д.)

на и существующей не къ пользѣ учащихъ. (с. 45 и д.).

Въ Германіи, учителя долго оспаивались безъ достаточнаго призрѣнія и поощренія. Недостатокъ и малое къ нимъ вниманіе опдѣляли ихъ опъ обществу, и весьма многіе изъ нихъ содѣлались безвкусыми педагогами (с. 53). Фридрихъ, первый Король Прусскій, по внушенію Лейбница, прежде прочихъ пробудилъ въ Германцахъ уваженіе къ Лихтераторамъ, которое потомъ еще весьма умножилъ Фридрихъ II, (начавшій впрочемъ, съ иностранцевъ). Вскорѣ Французской Академіи, учрежденной въ Берлинъ, прошивосталъ Гёштингенскій Университетъ, основанный Великобританскимъ Королемъ Георгомъ II, въ званіи Курфирша Ганноверскаго. Дѣло сіе поручено было незабвенному въ Исторіи просвѣщенія Барону Минхгаузену, коего девизъ, въ отношеніи къ ученымъ, былъ: Honor et praemium, (*честь и награда*). Вошь средства, которыми Гёштингенскій Университетъ содѣлался и пребываетъ сонмищемъ достойнѣйшихъ Ученыхъ!

На мѣста Директоровъ Училищъ, говоритъ Г. Тиршъ, должны быть опредѣляемы мужи отличныхъ достоинствъ, истинные и испытанные ревнители просвѣщенія, ибо опъ нихъ наибаче зависить успѣхъ подвѣ-

домственныхъ имъ заведеній; лучше опредѣлишь просвѣщеннаго иностранца, нежели соопщика, неимѣющаго достаточныхъ къ тому способностей (с. 59 и 60). Но самымъ опытнымъ Педагогамъ и извѣстнымъ Лихтераторамъ должно доставить всѣ средства къ тому, чтобы получаемыя ими выгоды могли привязать ихъ къ новой опчизнѣ. Жалованье ихъ долженствовало бы простираеться опъ 2000 до 2500 гульденовъ (опъ 1100 до 1400 руб. серебромъ, с. 65) (*). Учителямъ Гимназій можно бы

(*) Нерѣдко Г. Тиршъ, въ объявляемомъ здѣсь сочиненіи, говоритъ о самомъ себѣ, или о своемъ семействѣ, и лицахъ, съ коими онъ состоялъ въ разныхъ сношеніяхъ, шакъ, наприм. на с. 66, 87 и д., 94, 114, 144 и д., 266—274, 383 и проч. Силь самъ онъ не мало умножаетъ къ словамъ своимъ довѣріе читателя, который усмаприваетъ, сколько основательное Авшоръ имѣетъ право судить о предметахъ, касающихся до воспитанія юности. Въ семъ именно случаѣ, на с. 66, Г. Тиршъ говоритъ объ одномъ изъ своихъ учениковъ, который, по причинѣ невыгоднаго положенія Учителей въ Баваріи, за 6 лѣтъ предъ симъ переселился въ Пруссію, и нынѣ уже достигъ до степеня Директора Гимназій въ Ахенъ, получая 1000 шалеровъ въ годъ жалованья, между тѣмъ какъ въ Баваріи, онъ, въ продолженіе сего времени, могъ бы дослужиться покомъ жалованья, не превышающаго 700 или 800 гульде-

опредѣлишь жалованья въ годъ отъ 700 до 1500 гульденовъ (т. е. отъ 380 до 800 руб. серебромъ, с. 61). Молодымъ Училищамъ, Авшоръ совѣщаетъ давать первоначально отъ 6 до 8 соевъ гульденовъ (они 350 до 450 р. серебр.), возвышая оклады ихъ *постепенно*, такъ, чтобы по совершеніи перваго десятилѣтняго службы, они получали уже отъ 1000 до 1200 гульденовъ (550 до 700 руб. сер.), а по истеченіи двадцатилѣтняго служенія, уже около 1800 гульденовъ (до 1000 р. сер.).

Опуская дослѣшное жалованье Училищамъ, и награждая ихъ почетными ошличіями, Начальство можешь быть обнадѣжено, что впредь уже недостатка въ Училищяхъ не будетъ, и что лучшіе изъ нихъ, вѣрные питомцы Музъ, не спануть думать о переходѣ изъ училищскаго званія въ другую, гражданскую или частную службу.

Тогда-то и общее уваженіе къ учащимъ и довѣріе къ нимъ возрастетъ въ согражданахъ ихъ, въ общество коихъ они будутъ въ сословіи возвратиться, не убѣгая уже людей по причинѣ бѣдности своей, или по несправедливому униженію.

новъ (по настоящему курсу, отъ 1500 до 1600 руб. Госуд. ассигн.).

Но не одно обезпеченіе житейскихъ потребностей Училищамъ побуждаетъ любителей просвѣщенія желать, чтобы положеніе ихъ было улучшено. Каждый наставникъ, если онъ и самъ не въ состояніи содѣйствовать къ усовершенствованію преподаваемой имъ Науки, обязанъ, по крайней мѣрѣ, знать то, что другіе дѣлаютъ къ распространенію оной (с. 68). Небреженіе по сей части низводитъ ученаго на степень просаго масшероваго. Между тѣмъ исполненіе сего требованія сопряжено съ покупкою книгъ, на что нужны деньги, и нерѣдко суммы немалозначашія. Захочешь ли благотворное Правительство отказать своимъ Профессорамъ въ удовольствованіи шаковой ихъ надобности? Баварское Правительство, говоритъ Г. Тиршъ, признало необходимость умножить доходы Училищъ, и обезпеченіе дальнѣйшей участи наставниковъ конечно уже не подлежши сомнѣнію (*).

(*) Вотъ его слова: „Indess aber ist schon viel gewonnen, dass man den Grundsatz (eine grössere Summe zu bewilligen) anerkannt und den ersten entscheidenden Schritt gethan hat. Denn zu einer Zeit, wo der Beginn einer neuen Regierung und die Ansichten, welche ihren Anordnungen zu Grunde liegen, für Hebung und Stärkung der öffentlichen

Но дабы Правительство отпускало жалованье шокмо мужамъ, заслуживающимъ доверіе онаго, для сего нужно, чтобы опредѣленію къ должности предшествовало испытаніе, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда ищущій учительскаго званія еще не приобрѣлъ уваженія посредствомъ изданныхъ имъ сочиненій (с. 97 и д.).

Кому неизвѣстно однако, что одни познанія въ Наукахъ еще не достаточны, для занятія мѣста учительскаго? Нужно, чтобы посвящающій себя званію Учителя былъ знакомъ и со способомъ преподаванія (Lehrmethode). Для сего-то полезно имѣть Педагогическій Институтъ, или по крайней мѣрѣ Филологическія и Богословскія Семинаріи, въ коихъ будущіе Учители могутъ быть приготавлиемы къ должности (с. 90 и д.). Въ Королевствѣ Баварскомъ Университетѣ, Вирцбургскій и Ландсгутскій, вообще не имѣютъ Филологическихъ Семинарій, а Эрлангенская Семинарія сего рода не соотвѣтствовала своему назначенію. Въ самомъ Минхенѣ, извѣстный филологъ Якобъ (F. Jacobs), а послѣ него я самъ, говорить

Lehranstalten die erfreulichsten Hoffnungen zu fassen berechtigen, darf man dem zweiten getrost entgegen sehen (с. 62).

Г. Тиршъ (с. 94), по мѣрѣ возможности старались о довершеніи Филологическаго курса такихъ молодыхъ людей, копорые, окончивъ Науки въ Лицеѣ, могли еще оставаться въ сей столицѣ. Образовавшееся такимъ образомъ Общество признано нужнымъ, и существованіе онаго упрочено Правительствомъ уже въ 1812 году. По переводѣ Ландсгутскаго Университета въ Минхенъ, Институтъ сей сдѣлается уже излишнимъ; ибо Филологическая Семинарія нигдѣ лучше не можешь существовать, какъ при самомъ Университетѣ.

Остаются еще изложить мысли Автора, касательно участія Учителей въ управленіи Училищемъ. Заболѣвость покойнаго Короля о благе учебныхъ заведеній, вспрѣшила въ самомъ исполненіи своемъ такія предпріятія, копорыя, наипаче въ послѣдніе годы его царствованія, прошивились развитію разныхъ общепользныхъ начинаній (с. 100). — Тамъ, гдѣ Монархъ самъ затруднялся въ личномъ исполненіи всѣхъ благихъ видовъ своихъ, желательнo, чтобы частныя заведенія были поручаемы попечительству споль же благоразумныхъ, опытныхъ и просвѣщенныхъ мужей, каковъ былъ Баронъ Минхаузенъ въ Гейсштингѣ.

Важнѣ всего однако то, чтобы канцелярскія формы не списывали дѣйствій Директора и не опнимали у него времени, драгоценнаго для пользы учебныхъ заведеній, и свѣдѣственно для пользы общей. *Ректоръ* въ *Училищѣ* долженъ быть полнымъ господиномъ, такъ точно, какъ *Учитель* въ *своемъ классѣ*. Полезны однако совѣщанія всѣхъ въ совокупности Учителей, коль скоро дѣло идетъ о значительномъ преступленіи ученика, объ исключеніи его изъ Училища.

Опъ Училищъ, усроенныхъ на такомъ основаніи, гдѣ Директоръ и Учители заслуживаютъ полное довѣріе и дѣйствительно пользующаясь онымъ, не нужно пребывать больше одного опчета въ годъ (с. 103). Въ справедливости показаній и, вообще, въ благоустройствѣ учебныхъ заведеній, доспачно удостовѣряться одинъ разъ въ каждае два года, такъ однако, чтобы ревизоръ проживалъ на мѣсцѣ визитации по двѣ или по три недѣли, а не на ленту, не сколько смашривалъ бы нѣ заведенія, коихъ честь и благосостояніе вѣрны его надзору.

Престанемъ же, — говоришь Авторъ въ концѣ первой книжки, — престанемъ же изъяслять одну шокмо добрую волю, принимаешь мѣры нерѣшительныя и недоспа-

почныя, медлишь и сомнѣвашься! Училища наши далеко еще опстоятъ опъ того, чѣмъ они быть должны. Дѣйствуйте! ибо ваше собственное спокойствіе, счастье дѣпей вашихъ и благо опечества того пребують! Но обратите вниманіе и на то, что для опредѣленія рѣшительныхъ мѣръ къ обезпеченію будущаго соспояніа Баварскихъ Училищъ должно имѣть доспачное число мужей, доспояныхъ довѣренности и уваженія. Доколь же благія предположенія ваши еще не во всѣхъ опношеніяхъ обезпечены, доколь и не помышляете о новомъ поспояномъ усроисствѣ, которое могло бы навсегда упрочить цвѣшущее соспояніе учебныхъ заведеній; доколь всѣ принимаемая вами мѣры могутъ быть шокмо временныя, а не прочныя, не долговѣчныя (с. 102 и 381).

О преподаваніи Закона Божіа.

Сего, кажется, было бы доспачно для показанія, сколь важно сочиненіе Г. Тирша объ усроисствѣ Училищъ. Но да будешь мнѣ позволено присовокупить къ сему и другія еще выписки изъ прочихъ шрехъ опдѣлений объявляемой книги, за изданіе коей Авторъ, конечно, и нашу заслуживаетъ признательность.

Чѣмъ болѣе несомнѣнно, что Г. Тиршъ есть одинъ изъ первенствующихъ и доспойнѣйшихъ поборниковъ классической Литературы, тѣмъ большее должно обратить вниманіе и на сужденія его о преподаваніи Закона Божія.

Мнѣніе его въ семь отношеніи можешь служить оселкомъ для опредѣленія, какъ достоинства всего сочиненія, такъ и той степени довѣренности, которую можно имѣть къ его словамъ.

Дитя, говоритъ Г. Тиршъ (с. 106), начиная учиться въ благоустроенныхъ домахъ съ начала 6 года — до совершенія 8 лѣтняго возраста, въ семейственномъ кругу своемъ, или въ народномъ Училищѣ (Volksschule), можешь получить познаніе о важнѣйшихъ предметахъ Христіанскаго ученія и о событіяхъ, излагаемыхъ Священною Исторіею на основаніи Вешаго и Новаго Заваѣша. Въ продолженіе слѣдующихъ 4 лѣтъ, которыхъ учащійся долженъ провести въ приуготовительныхъ для Гимназіи классахъ (по нашему въ Уѣздномъ Училищѣ), познанія его въ сихъ же предметахъ усовершеншуются (*).

(*) Прощестаншь, довершивъ сей курсъ, можешь быть допущенъ къ приобщенію Св. Таинъ Христовыхъ.

Желательно, чтобы во всѣхъ классахъ Гимназіи, одна и та же духовная особа учила Закону Божію. Если же это невозможно, то надлежитъ каждому обучающему Священнику поручать по три класса.

Вѣра можешь и должна быть основана совокупно на ученіи (Unterricht), на исполненіи правилъ оной (Uebung) и на самомъ навыкѣ (Gewohnung). Уже древніе правоучители, во времена, когда между правоученіемъ (Morallehre) и Богослуженіемъ или въроисповѣданіемъ, никакой почши не было взаимной связи, вопрошали: *добродѣтель* есть ли *даръ природы*, или *познаніе*? Умнѣйшіе мужи почтають оную *нравственною способностію*, пребывающею развишія и образованія (с. 110).

Въ семь-по развишіи состоить Христіанское правоученіе. Исполненіе или приведеніе въ дѣйство сего ученія необходимо; каждое утро, каждый вечеръ, и каждый воскресный или праздничный день, подають къ тому поводъ, самый естественный. Но поводомъ симъ должно пользоваться постоянно, такъ, чтобы исполненіе (совершеніе) Богослуженія или молитвы) сдѣлалось навкомъ, нравственною необходимостію души нашей и сердца. Набожность Англичанъ заслуживаетъ уваженіе; но нѣтъ сомнѣнія,

что и въ семь отношеніи могутъ встрѣ-
 питься крайности. Поэтому-то, продол-
 жая во всѣхъ классахъ Гимназіи ученіе За-
 кону Божію, а именно въ нижнихъ прехъ
 классахъ по четьре, въ высшихъ же по 3
 часа въ недѣлю (*), должно наблюдать, что-
 бы не было повторяемо то, что ученикамъ
 уже совершенно извѣстно, ибо таковое
 ученіе было бы сопряжено съ упоминель-
 нымъ повтореніемъ (с. 118). Въ прехъ выс-
 шихъ классахъ Гимназіи, юношамъ отъ 15
 до 18 лѣтъ, должно уже читать въ подлин-
 никъ шворенія Св. Опець (Злашоуста,
 Василія, Лакшанція, Августина с. 119).
 Равномѣрно полезно бы было читать съ
 ними въ подлинникъ нѣкоторыя книги Св.
 Писанія, по крайней мѣрѣ Новаго Завета
 (Евангелія, Дѣянія Апостольскія, Посланія
 Св. Иоанна и Св. Павла). Наконецъ препода-
 ватель Закона Божія могъ бы довершивъ
 курсъ ученія изложеніемъ Церковной Исто-
 рии. Что же касается до Христіанскаго

(*) Принимая во вниманіе десятилѣтнее непрерыв-
 ное преподаваніе въ Училищахъ Закона Божія, ка-
 жется, что при упреннихъ и вечернихъ молшвахъ
 и при Богослуженіи въ воскресные и праздничные
 дни, достаточно было бы читать оному въ низшихъ
 классахъ по три, а въ высшихъ по два часа въ не-
 дѣлю.

правоученія, то благоразумный паставникъ,
 конечно, соединивъ оное съ Догматскою
 (с. 120).“

О классическомъ ученіи.

Пространно и убѣдительно Авторъ
 разсуждаетъ о пользѣ и необходимости
 классическаго ученія. Гимнастика для ума
 столь же нужна, какъ и для шѣла. Безъ по-
 стояннаго упражненія нельзя ожидать ни
 умственнаго развитія, ни укрѣпленія шѣле-
 сныхъ силъ. Не взирая на сію истину, слу-
 чается слышать жалобы и весьма образо-
 ванныхъ родителей о томъ, что дѣтей ихъ
 слишкомъ мучаютъ въ школахъ. Нервѣдо они
 (и не безъ основанія) ссылаются на соб-
 ственный опытъ, помня, какъ трудно для
 нихъ въ юности было ученіе, и сколь мало
 они успѣвали. Быть можешь! однако винов-
 ны въ семь не Классики, не языки древнихъ
 просвѣщеннѣйшихъ народовъ, но худой спо-
 собъ ученія и неудобства учебныхъ книгъ
 (143 и д.). Для усовершенствованія метода
 классическаго ученія, Г. Тиршъ, какъ уже
 сказано выше, показалъ необходимость Фи-
 лологическихъ Семинарій при Университе-
 тахъ. Что же касается до учебныхъ книгъ,
 то нынѣ въ семь отношеніи (слава Всевыш-
 нему Просвѣстителю ума человѣческаго!)

наспало лучшее время. Новѣйшіе Сочинители Грамматики открыли непроницаемыя для предшественниковъ ихъ, тайны облегчашь изученіе древнихъ языковъ (*). Пешарка плакаль, видя предъ собою рукопись Гомера, коюрой онъ не могъ чашь, а въ наши дни встрѣчаючися родители, готовые плакашь, что дѣши ихъ должны чашь, или чашаюшъ Гомера (с. 146). Скорбь ихъ однако весьма часто неумѣсна. Умъ нельзя уподобляшъ сосуду, коюрой можешь вмѣщашь въ себѣ шокмо извѣстное количество, и коюрой поршился онъ употребленія (с. 147). Изощреніе умственныхъ способностей посредствомъ Классиковъ полезно и для дальнѣйшихъ успѣховъ въ Наукахъ, коими юноша займешь въ Университѣ (149). Безъ классическаго сего развитія, учащійся весь въкъ свой оспанешь недооследь, и ни огромныя шешради, ниже ве-

(*) Г. Тиршъ самъ сочинилъ превосходную Грамматику Эллинскаго языка. Писатель сихъ спрокъ, въ отношеніи къ оной весьма помнишь словесное свидѣтельство незабвеннаго вечерана классической Литературы, *Фосса* (Joh. Heinr. Voss), коюрой, бесѣдуя съ нимъ въ Гейдельбергѣ о разныхъ предметахъ Словесности и Археологіи, признавалъ Грамматику Г. Тирша лучшею для чшенія и выразушья Гомера.

лчайшее прилежаніе часто не будупъ въ состояніи пособить ему. Даже самыя Машематики сознаючися, что воспишаники хорошей Гимназіи, знакомые съ классическими Писателями, несравненно лучше успѣваюшъ въ высшей Машематикѣ, нежели шѣ, коюрыя съ дѣшства, въ особо на сей конецъ успроенныхъ Училищахъ (in den Realschulen) были именно для оной приуговляемы (с. 150).

Для людей, полагаючихъ, что можно бы довольствовашься изученіемъ одного Латинскаго языка, присовокупивъ къ шому одни лишь переводы Греческихъ Писателей, Г. Тиршъ приводитъ слова Горація, коюрой самъ совѣшоваль усердно занимашься Эллинскими сочиненіями, говоря:

Vos exemplaria Graeca
Nocturna versate manu, versate diurna;

переводы же никогда не въ состояніи выражашь всѣхъ красощь подлинника. По шему-шо Авторъ нашъ и не совѣшуетъ много занимашь юношей переведенными уже Классиками, коюрыхъ чшеніе болѣе служишъ къ развлеченію, нежели къ полезному упражненію учащихъ (с. 154).

Опытъ доказываешь, что изученіе Греческаго (и Латинскаго) языка почишаюшъ

излишнимъ, и даже вреднымъ для дѣшей, тѣ полько, которые сами онаго не знаютъ (с. 159). Впрочемъ по несомнѣнно, что ученіе должно начинать съ Лашинскаго языка, а не съ Греческаго, или не съ обохъ языковъ вмѣстѣ (с. 160).

Непризнающіе пользы для насъ въ Греческомъ языкѣ, да обращашь вниманіе свое на то, что Священныя книги, служащія основаніемъ Христіанскаго ученія, все писаны на языкѣ Греческомъ. И если Мола, какого бы то ни было Магомешанскаго народа, учился языку Арабскому, то не къ стыду ли нашему послужило бы то, когда бы у насъ не умѣли читашь по-Гречески (с. 163 и 165)? Езуишы, во всякое время, претовали изученія языковъ Греческаго и Лашинскаго, и случалось, что они сами защищали способъ классическаго ученія отъ нападеній со спороны невѣжества и фанатизма (с. 165 и 190).

Къ тому же и шворенія Св. Опцевъ и все основанія догматической системы изложены на языкѣ Греческомъ (167) (*). Но, не

(*) Если уже Нѣмцы, Каполики и Протестанты, не сомнѣваются въ необходимости знать Греческій языкъ; то нужно ли доказывать пользу онаго исповѣдующимъ Вѣру Грекороссійскую?

менѣе Богослова, и Правовѣдецъ (*), Историкъ, Философъ, Врачъ и самый Еспешствоспытатель имѣють нужду въ познаніи Греческаго языка, для совершеннаго постиженія своего предмета (с. 171 и 182).

(*) Говоря о необходимости Греческаго языка для Правовѣдца, да позволено мнѣ будетъ привести слова одного Нѣмецкаго Ученаго, которыя ясно доказываютъ, сколь тѣсная связь существуетъ между Юриспруденцію и Философію.

„Die Zeiten einseitiger Sprachforschung und unhistorischer Betrachtung des Rechts sind vorüber: wer die Sprache, und wer das Recht der Römer verstehen will, muss das Leben des Volkes nach allen seinen Richtungen studiren. Dadurch wird dem Juristen die philologische Seite des Alterthums so wichtig, wie dem Philologen die juristische; jedes isolirte Streben auf der einen oder andern Seite kann nur unreife oder kleinliche Früchte tragen, und ist hoffentlich, seit Niebuhr und Savigny zusammenwirkten, für immer verschwunden.“

Такъ говоритъ Енискій ученый *A. W. von Schröter* въ своемъ разсужденіи: *Uebersicht der vorzüglichsten, seit dem Jahre 1813, besonders durch Codices rescripti neuentdeckten Stücke der griechischen und römischen Literatur*, — которое напечатано въ Лейпцигскомъ Журналѣ: *Hermes, oder Kritisches Jahrbuch der Literatur*, 1826, — ч. XXV, с. 282. — И какой основательный Правовѣдецъ рѣшился бы, на пр., безъ знанія Греческаго языка судить объ источникахъ Кормчей книги и ш. п.?

Приводя новые доводы для подтвержденія того, что Классики не полько не вредящъ Христіанству, но даже служащъ проводниками къ оному, Авторъ (с. 184 и д.) сообщаетъ Инструкцію, данную въ 1584 году Герцогомъ Баварскимъ, Вильгельмомъ, наставникамъ и воспитателямъ сыновей своихъ. Это жалкій памятникъ фанатизма, неумѣннаго и пагубнаго для просвѣщенія, въ коемъ исчисляются болѣею часнію уже забытые Писатели (*), могущіе яко бы замѣнить членіе *идолопоклонниковъ*, Ливія, Саллустія, Цицерона, Виргилія, Теренція и Горація. Къ сей Инструкціи, которая, къ счастью, не имѣла никакого вліянія на Баварскія Училища, Г. Тиршъ присовокупляетъ и замѣчанія на оную Г. Тайнаго Совѣтника Вестенридера (v. Westenrieder):

„Одно полько совершенное незнаніе классическихъ Писателей,“ говоритъ Г. Вестенридеръ: „(и можно бы прибавить, неуверенность въ силѣ Христіанскаго ученія), въ состояніи родить въ комъ либо мысль, что Христіанинъ опъ членія оныхъ можетъ спросашись къ идолопоклонству.“

(*) Jovius, Sodoletus, Pembus (Cardin. Bembo), Osorius, Prudentius, Vieta (M. Hier. Vida, Cremoniensis), Sanazarius (Sanazaro), Mantuanus (с. 186).

Еще въ наши дни существовали просвѣщенные мужи и дамы, которые надѣялись, что такъ называемое *или* Христіанство, со временемъ испребитъ всѣ слабды соблазнительныхъ идолопоклонниковъ и ихъ Писателей (с. 190 и д.). Опъ Гомера до Ноиуса, опъ Геродота до Плутарха, опъ Энія до Клавдіана, всѣ безъ изыятія древніе Писатели, по убѣжденію ихъ, *нечестивы* (с. 192). Такъ ли разсуждали испинные Христіане, первые послѣдователи Спасителя? — Пусть Св. Кирилль, пусть Пепрарка, Фелонъ, Геллертъ, Клоншпокъ, и всѣ великіе гении среднихъ и новѣйшихъ вѣковъ учащъ современниковъ въ несправедливой ихъ боязни! Плоды ошращения опъ Классиковъ, — жалосные примѣры слабоумія, — къ несчастью, не разъ уже раждали въ насъ сосраданіе, и Авторъ (на с. 183 и д.) расказываетъ одинъ шаковый примѣръ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

III.

К Р И Т И К А

П и с ь м о в ь К р ы м ь.

Предъ ошъздомъ, ты далъ мнѣ прехлопотливое порученіе — увѣдомлять себя обо всѣхъ новыхъ піесахъ, игранныхъ на здѣшней Театрѣ, или напечатанныхъ въ здѣшней столицѣ. Знаю твою спраску къ Театру, знаю, что въ бытность твою здѣсь, ты не пропускалъ ни одного представленія, ошъ Трагедій Корнеля, Расина и Озерова, до Французскихъ мелодрамъ, превращенныхъ въ Оперы; но и ты долженъ былъ также знать мою непреодолимую лънь, *il dolce mio far niente*, по которой я, въ силу Русской поговорки, *видѣлъ не видалъ, слышалъ не слышалъ*. Не дивись же, что я тебѣ ни спроки еще не написалъ обо всѣхъ игранныхъ здѣсь въ минувшій мясодъ оригинальныхъ и переводныхъ піесахъ: лънь меня одолѣла, и она же нашепываешь мнѣ, что ты не получаешь Пешербургскихъ ашишь, и слѣдовательно не спанешь пребовать ошъ меня опчета, почему я не писалъ къ тебѣ о шакомъ-шо спектаклѣ, о шакой-шо піесѣ. Но шеперь вижу, что мнѣ вовсе не опшмод-

чаться: ты, можешь бышь, просмаприваешь, ради скуки, Русскій Инвалидъ, и можешь бышь, въ 41 и 42 Но прочель о появленіи на свѣшъ Расинова *Балзета*, переведеннаго Г. Олиннымъ. Если жъ извѣшь, то я на всякій случай, хочу предупредишь бѣду и закаяешь твои выговоры и укоризны. Въ ушъшеніе себя полагаю, что до тебя не дошла еще помянушыя Но Р. И., и присшуную къ дѣлу.

Въ Смѣси 41-го Но сей Газеты, номъцена была слѣдующая спашья:

„Балзетъ ешъ одна изъ лучшихъ Трагедій безсмершнаго Расина. Онъ самъ выbralъ сей предметъ. Турецкіе нравы намъ знакомы очень мало; мы имѣемъ съ симъ народомъ связи шолько шорговыя; ихъ прешришельное обращеніе съ Европейцами, коихъ они чуждаюшся, боясь осквернишься, дѣлаюшь для насъ внутрешность ихъ дмовъ недоспунною. Но мы знаемъ кровавую полишкку Серальскую, слѣное рабство заключеннаго въ спѣнахъ его многочисленнаго народа, спрасши Сулпаншь, кои выражаюшь онѣ кинжалами; онѣ всегда гошовы сдѣлашься жершвою, или спашись убійшвомъ: ибо мечъ всегда виспшь на волоскѣ надъ ихъ головою; знаемъ характеръ и выгоды Визирей, кошорые, же-

„лая ускользнушь ошь роковой пещли, каж-
 „дую минушу гошовой возбудишь мяшежных
 „Янычарь прошивь ихъ Повелишеля. Такой
 „предметъ былъ достоинъ шворца Брипа-
 „ника. Баязешъ увѣнчалъ Расина новыми,
 „неувядающими лаврами.“

Признаюсь, мой другъ, что прочитавъ
 эшу Вавилонскую *амплификацію*, я поди-
 видся новой нашей *журналистикъ* (*), со-
 споящей въ шомъ, чтообы писашь, не спра-
 вясь ни съ чѣмъ, и шакъ сказашь, на угадъ.
 — Чшо значить, напримѣръ, эшо амфигу-
 рическое выраженіе: „онъ самъ выбралъ сей
 предметъ?“ Развѣ Бришанникъ, Федра, Ифи-
 генія и пр. и пр., писаны Расиномъ по за-
 казу? Какія доказательштва на эшо имѣешъ
 Г. Сочинишель спашь? Кшо эши *мы*, ко-
 шорые имѣюшъ съ Турками связи *только*
 шорговья? Сочинишель вѣрно не подумалъ,
 о комъ говорить. Каковы шибъ кажущся
страсти Султаншъ, кои выражаютъ онѣ
киджалами? „Онъ“ — продолжаешъ Сочини-
 шель — „*всегда готовы сдѣлаться жертвою,*
или спастись убійствомъ.“ Много ли Сочини-
 шель насчитываетъ шакихъ убійствъ въ
 цѣлой Турецкой Исторіи? Если бъ онъ по-

(*) Прости мнѣ и эшо длинное отшпуленіе, и
 эшо Телеграфское выраженіе.

прилежише прочель шо, что путешествен-
 ники, особливо женщины, коимъ удавалось
 прониканъ во внушренность гарема, раска-
 зываютъ о Султаншахъ Турецкихъ, шо онъ
 бы узналъ, что *многочисленный народъ,*
заклученный въ стѣнахъ сералла, есть,
 хопя и по неволѣ, весьма мирный; ибо у
 него ошняшы все способы сношеній внѣш-
 нихъ, и суровость грубаго евнуха грозить
 ему гораздо больше и чаще, нежели *мечь*,
 кошорый Сочинишелю угодно было *повы-*
сить на волоскъ надъ головою Султаншъ.
 Но оставимъ прелестныхъ Одалыкъ выра-
 жашь свои спрасши въ чешырехъ стѣнахъ,
 и обратимся къ переводу Баязеша.

„Два ошличные наши ошечественные
 „Поэша (продолжаетъ Сочинишель спашь,
 помѣщен. въ Р. И.), П. А. Капенинъ и В.
 „А. (*) Олимпъ, перевели на Русскій сію
 „Трагедію: оба — шестисшопными стиха-
 „ми съ риемами. Я имѣлъ случай слышанъ
 „сіи два перевода, чшпаные и сличенные
 „дѣйшвіе за дѣйшвіемъ. Очень видно было,
 „что Г. Капенинъ долѣ обрабашьивалъ свои
 „стихи, ошь шого, *въ цѣломъ* его пере-

(*) Вѣрно опечатка; ибо даже на оберткѣ Траге-
 діи *Баязешъ*, поставлено: „перевелъ съ Французска-
 го В. Н. Олимпъ.“

„воду лучше; у Г. Олина неисправность, приемъ, нѣсколько спранныхъ выражений, „доказывающъ, что онъ шоропился и не „далъ себѣ времени довести свои стихи до „того степеня (*) совершенства, которое „составляетъ неотъемлемую принадлеж- „ность всѣхъ его стихотвореній (**). Со „всѣмъ шѣмъ, были многія мѣста и даже „сцены, гдѣ стихи Г. Олина, не только „живѣе, опрятнѣе, пламеннѣе, но и гораздо „вѣрнѣе, гораздо ближе къ подлиннику.

(*) Въ 29 Но Сѣв. Пч. нынѣшняго года, помѣщено любопытное письмо къ Издавателямъ, о родѣ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ Русскаго языка, кончащихся на букву г. Здѣсь видимъ, что Сочинитель спашьи, помѣщенной въ Р. И., затруднился даже, въ какомъ родѣ поставивши вариаци. имя *степень*, и пошому, какъ видно, держась во всемъ *средины*, поставилъ это имя въ *среднемъ* родѣ. „До того степеня, которое,“ и пр. явно показываетъ, что онъ относитъ сіе слово къ роду среднему. Сіе имя употреблялось въстарину въ мужескомъ родѣ, но споръ объ ономъ давно уже конченъ, и теперь даже въ приходскихъ школахъ склоняющъ его: *степень, степеня, степеню*, слѣд. въ жен. родѣ.

(**) Мнѣ случалось однако жъ, читать нѣкоторыя стихотворенія Г. Олина, въ коихъ *совершенство* не составляеть неотъемлемой принадлежности. Нѣтъ правила безъ исключенія.

„Предлагаемъ здѣсь нѣсколько Французскихъ „опривковъ, и печатаемъ ихъ рядомъ съ „Русскими; пусть читатели сравнивающъ, „судящъ и заключающъ.“

Сравнивашъ, судиши и заключаешъ тогда, какъ главный вопросъ идееть не о близости стиховъ Г. Олина къ подлиннику, а о томъ, что они *живѣе, опрятнѣе, пламеннѣе* стиховъ Г. Каменина, читатели конечно не рѣшатся, по самой просьбѣ причинѣ: Г. Каменинъ не напечаталъ еще своего перевода, а можно положить почти навѣрное, что $\frac{10}{100}$ изъ числа читателей Р. Инвалида не имѣли случая слышать *сін два перевода, читанные и сличенные дѣйствіемъ*, какъ хвалился шѣмъ Г. Сочинитель спашьи. Читателямъ остается только одно: сличить переводъ Г. Олина съ подлинникомъ Расиновымъ, и не на вѣру выписокъ, помѣщенныхъ въ Р. И., а взявъ подлинникъ и переводъ вполнѣ. — Знаю, что ты никогда не разлучаешься съ Расиномъ, однимъ изъ любимыхъ твоихъ Поэтовъ; переводъ Г. Олина получиши ты по тяжелой почтѣ, и тогда можешь на свободѣ сличашъ и сравнивашъ стихи Г. Олина съ стихами Расина; но знаю также твою нещербливостъ и охоту къ вопросамъ: такъ ли? какъ? и почему? Для удо-

влепворенія первой и въ упрежденіе послѣднихъ, спѣшу тебѣ сообщить нѣкоторыя мои замѣчанія.

Уже и въ выпискахъ, напечатанныхъ въ Р. И., какъ бы въ образецъ живописи, опрятности, вѣрности и близости къ подлиннику, находящаяся такая мѣста, кошорья, на перекоръ Сочинишело спашьи, доказывающъ совсѣмъ пому прошивное. У Расина, напр., Осминъ говоритъ :

„Et depuis quand, Seigneur, entre-t-on dans ces lieux,
Dont l'accès était même interdit à nos yeux ?“

У Г. Олина :

„Давно ль позволено въ мѣста сія входить,
Мѣста, на кои мы и взоровъ не спремилъ ?“

Не стремить взоровъ на гаремъ могли бы Турки и по своей волѣ. У Расина сказано, что имъ запрещено было смолрѣть на оный.

Въ подлинникъ, Акомашъ говоритъ Осмину :

„Que ton retour tardait à mon impatience !
Et que d'un oeil content je te vois dans Byzance !“

У Г. Олина :

„Какъ жадно здѣсь себя мои искали взоры !
Съ какимъ веселіемъ и радостью въ очахъ
Вспрѣчаю я тебя Визаншіи въ спѣнахъ ?“

Если вѣрность и близость перевода состоишь въ томъ, чтобы мысль Авшора расшянуть и переполнить ненужными

вспавками лишнихъ словъ, по конечно въ прехъ спихахъ Г. Олина заключается смыслъ двухъ спиховъ Расиновыхъ. Но вникнемъ поприлежнѣе, шакъ ли онъ выражень? Расиновъ Акомашъ, не забывая, что онъ Визирь, ни сколько не измѣняетъ въ рѣчахъ своихъ съ наперникомъ общему характеру Турецкихъ вельможъ — надменности. Вошь, въ близкомъ по возможности переводѣ прозою, слова его къ Осмину : „Съ какимъ непер-, пнѣмъ я ждалъ швоего возврата, и какъ-, кимъ довольнымъ окомъ вижу тебя въ Ви-, заншіи.“ Тушь нѣтъ спрасшнаго, можно сказашь, выраженія: *взоры мои жадно тебѣ искали*, нѣтъ плеоназма *веселія и радости*: нушь Визирь говоритъ, какъ Визирь, съ пайнымъ своимъ клеверномъ, а не какъ сладкорѣчивый любовникъ. Далѣе :

„Instruis-moi des secrets que peut t'avoir appris
Un voyage si long, pour moi seul entrepris.
De ce qu'ont vu tes yeux parle en témoin sincère ;
Songe que du récit, Osmin, que tu vas faire,
Dépendent les destins de l'empire Ottoman.“

Вошь какъ переведено эшо мѣсто Г. Олинымъ :

„Ошкрой же пайны мѣ, что хипро подъ рукою,
Ты въ пупешествіи, предпринимаемъ шобою,
Твоей ко мѣ, о другъ! преданности въ залогъ,
Проникнушь наконецъ и выведашъ шы могъ.
Что зрѣлъ, что слышалъ шы, вѣщай чиссосердечно;

Опъ словъ швоихъ, Осминъ, повѣрь ты мнѣ, конечно
Зависитъ вся судьба державы Ошшоманъ.

И здѣсь пять стиховъ подлинника вни-
заны въ семь стиховъ Русскихъ, и визаны
неудачно и вовсе не близко. Въ доказатель-
ство, постараемся опять, какъ можно бли-
же (не нарушая однако жъ правилъ Русска-
го языка), перевести это мѣсто прозою:
„Извѣсти меня о шайнахъ, когорыя могли
дойти до швоего свидѣнїя въ семь долго-
временномъ путешествїи, предпринимаемъ
для одного меня. О томъ, что видѣлъ сво-
ими глазами, говори, какъ чистое сердце чей
свидѣтель. Подумай, что опъ расказовъ
швоихъ, Осминъ, зависитъ судьба Ошшо-
манской Имперїи.“ Выраженїе: *хитро подѣ-
рукою*, и весь стихъ: *твоей ко мнѣ, одругъ,
преданности въ залогъ*, принадлежатъ Г.
Олину; вмѣсто того, чтобы дополнить
ими мысль Авшора, онъ шолько расшпанулъ
ее и ослабилъ. Но какъ же Г. Сочинилъ
о переводѣ Баязеша рѣшилъ вы-
давать шакїе стихи за образчикъ вѣрности
и близости къ подлиннику? Какъ не замѣ-
шилъ онъ этого спрнанго повшоренїя, въ
одномъ и томъ же предложенїи, мѣстоименїя
ты: „Ты въ путешествїи... выведашъ
шты могъ?“ Наконецъ, стихъ:
„Опъ словъ швоихъ, Осминъ, повѣрь ты мнѣ, конечно.“

Советѣмъ не то, что стихи подлинника:
„*Songe, que du récit, Osmin, que tu vas faire.*“

Расиновъ Акомашъ не считаешъ за
нужное говорить Осмину шакїя оговорки:
повѣрь ты мнѣ, конечно; онъ вовсе не счи-
таешъ, чтобы опъ словъ *Осминовыхъ* за-
висѣла судьба *Оттоманской державы*; ибо,
судя по стихамъ Г. Олина, можно подумашъ,
что Осминъ имѣлъ неограниченную
власть надъ сею державою. Въ подлинникѣ,
Акомашъ говоритъ наспошательно: „поду-
май, что опъ расказа швоего зависитъ
судьба Имперїи;“ а это значить, что, со-
ображаясь съ расказомъ Осминовымъ, Ако-
машъ и сообщники его должны были дѣй-
ствовать. Конечно, пошавлено въ Русскомъ
стихѣ явно для рїемы, и шѣмъ хуже, что
слишкомъ явно.

Слѣдующїе два стиха:

„*Amurat est content, si nous le voulons croire,
Et semblait se promettre une heureuse victoire.*“

Переведены загадочно:

„Пришворно онъ, Султанъ, доволенъ горделивой,
И, мнилось, льстилъ себя побѣдою счастливой.“

Здѣсь опять слово *Султанъ*, вшавле-
но для наполненїя полусшїица, а *гордели-
вой* для рїемы къ слѣдующему стиху.

Замѣшимъ мимоходомъ, что въ 42 No
Р. И., предъ выписками изъ Баязеша Раси-

нова съ переводомъ Г. Олина, сказано: „Желая еще болѣе доказать, что Русскій переводъ Г. Олина можно, *безъ стыда*, поспавишь подлѣ Французскаго подлинника, и пр.“ Можно, конечно; смѣлымъ Богъ владѣеть! Но какъ *безъ стыда* спавишь подлѣ прекрасныхъ стиховъ Расиновыхъ:

„Quoi! tu crois, cher Osmin, que ma gloire passée
Flatte encor leur valeur et vit dans leur pensée?“

Син стихи перевода:

„Какъ! другъ Осминъ! ты мнишь, что Акомаша слава,
Льсия духу ихъ, хранишь еще на память право?“

Особливо послѣдній, который шакъ живо напоминаетъ ошвѣтъ Улисса въ *Демидамин* Тредьяковскаго, уступая впрочемъ сему послѣднему въ благозвучіи:

„Въ Авидѣ, держа надъ войскомъ власи право.“

Средина сего явленія весьма оспорожено выщущена Сочинишелемъ спаштъ; онъ зналъ, что у него не спало бы силъ хвалишь и сравнивашъ съ стихами Расиновыми шакіе, каковы слѣдующіе:

„Хоть не-хотя они яремь его несутъ....“

..... Сей рабъ сюда явился,

Намъ подаль фирманъ, и — ни съ чѣмъ онъ возвращался.

..... Юная Роксана
Гаремскимъ красотамъ *имъ есмь* предпочтена;
И даже, Государь, хошѣлъ онъ, чтошобъ она

Еще до сына, то прешаешь законы наши,
Священнымъ именемъ украсилась Султанши.“

Онъ зналъ, что желая завѣришь чипашелей въ вѣрности и близости къ подлиннику многихъ мѣстъ сего перевода, нельзя выспавишь стиховъ, гдѣ мысль Авшора выражена совѣмъ инымъ и весьма спраннымъ образомъ. Такихъ стиховъ довольно въ семь явленіи; вошь изъ нихъ нѣкоторые: сличимъ ихъ съ подлинникомъ.

„Такъ, рѣдко между ихъ брать брашьевъ оставяешь
Вкушашъ опасну честь породы славной шой,
Что слишкомъ близишь ихъ къ *галмъ его златой*.“

Золотая чалма Турецкихъ Султановъ!
Неужли Расинъ сдѣлалъ шакую грубую ошибку? Посмотримъ:

„Le frère rarement laisse jouir ses frères
De l'honneur dangereux d'être sortis d'un sang
Qui les a de trop près approchés de son rang.“

Видимъ, что Расинъ ни для риѣмы, ни для другой какой причины, не нарушилъ здѣсь правдоподобія, и даже о *чалмѣ* не сказалъ ни слова.

„И бытъ благоволятъ учасницей въ ихъ шайнѣ.“

У Расина, Акомашъ говоришь, что Апшалида,
„...Veut bien, sous son nom, qu'il aime la sultane.“

Въ письменномъ слогѣ, Французское выраженіе: *veuillez bien*, принимается у насъ

иногда какъ: *благоволите*. Такъ вѣрно и здѣсь понялъ его Г. Переводчикъ. Эша вѣжливая выходка Акоматова опять напоминаетъ одно мѣсто въ *Деидамии* Тредьяковскаго, а именно, учтивости Царя Вулевполема къ Царю Улиссу:

„Гость вожделѣнный нашъ! *прошу принять за благо*
„Здѣсь сѣсть и ошдохнуть съ пуши по морю злаго.“

„И наконецъ, о другъ! чшобъ *выиграть* меня,
Въ супруги мѣ ошь няхъ обѣщана она.“

У насъ говорится: *выиграть время*, *выиграть сраженіе*, *выиграть тяжбу*; но какъ *выиграть человека*?... Эшо выраженіе и неупотребительно, и спранны; даже если бь и можно было себѣ его позволить, шо развѣ въ Комедіи. Иные могутъ подумать, чшо эшо переводъ не въ шомъ смыслѣ приняшаго глагола *gagner*; но въ подлинникѣ и шого нѣтъ:

„Cependant, cher Osmin, pour *s'appuyer de moi*,
L'un et l'autre ont promis Atalide à ma foi.“

Не думай, чшобы я нарочно выбралъ самое слабое явленіе изъ Трагедіи: прочши ее всю — и увидишь, чшо я не имѣлъ нужды выбирать. Напрошивъ, я думалъ, чшо Г. Переводчикъ, со всѣмъ своимъ слѣхомъ, о кошоромъ онъ говоритъ намъ въ своемъ предувѣдомленіи, посшарался по крайней мѣрѣ начало своего перевода обработать

лучше; ибо и въ Словесности, какъ и въ другихъ дѣлахъ, многіе спараются *продать товаръ лицомъ*, и для шого выказываютъ сперва лучшую его сторону. Послѣ сего, шы вѣрно не пошребуешь, чшобы я сдѣлалъ разборъ цѣлаго перевода и спишь за спихомъ салчилъ его съ подлинникомъ: эшо былъ бы прудъ упоминательный для меня и бесполезный для тебѣ, и для шѣхъ, кому шы прочтешь мое письмо. Скажу тебѣ откровенно, чшо хотя Г. Редакторъ Р. И. и почелъ за нужное извѣстить своихъ читателей, чшо „Г. Олинъ весьма много исправилъ свой „переводъ, и чшо почти всѣ спранныя выраженія исчезли и замѣнены хорошими спихами;“ но эшихъ *хорошихъ стиховъ* очень мало, а *странныхъ выражений* ошалось еще очень много. Замѣчу тебѣ нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ. Во-первыхъ, тебѣ вѣрно бросишь въ глаза присшрастіе къ нѣкоторымъ словамъ и оборотамъ, которые не должны бь были имѣть мѣсто въ Трагедіи: шакое, напр., употребляемый нѣкоторыми лирическими нашими Спихопворцами оборотъ *онъ*, вмѣстѣ съ именемъ шого лица, къ коему относится сіе мѣстоименіе. Въ переводѣ Г. Олина встрѣчается онъ довольно часто:

„Чѣмъ былъ онъ *Солиманъ*, и сколь ничтоженъ я...
 Меня, ты знаешь самъ, онъ любилъ, *Амуратъ*...
 Она смягчилась, *Роксана*, вѣрояшно...
 Онъ смертію дышалъ, *Роксаны гнѣвъ* безмѣрный...
 Онъ долженъ, *Баязеть*, явиться предъ народомъ...
 Просилиъ меня возмогъ подобно ей, *Роксанъ*...
 Такъ, шакъ, сомнѣнья нѣтъ, онъ хочеть *Амуратъ*...
 И дай мнѣ знашь, когда онъ сгибнеть, *Баязеть*...
 Ахъ! гдѣ онъ, *Баязеть*? Мнѣ гдѣ его найши?“

Глаголы: *сгубить*, *сгибнуть*, *сжертво-*
вать, шакже очень часшо являюся здѣсь
 въ разныхъ наклоненіяхъ, временахъ и ли-
 цахъ:

„Спѣшишь ужъ, чшобъ *сгубить* намъ дни его безцѣнны...
 Или *сгуби* меня, вопъ жершва предъ шобой...
 Васъ *сгубить*, вѣръ, мое къ шебѣ расположеенье...
 Чшо коль мой жизни цѣвь рѣшилась я *сгубить*...
 Нельзя коль минушь ей безъ моего *сгубленя*...
 Но безъ меня *сгубить* жизнь Принца невозможно...
 Пойдемъ, и быспрый мигъ не *сгубимъ* въ гнѣвъ спра-
 сшномъ...“

Пушь узришь онъ, какъ я *сгубить* его горю...
 Къ шому жъ, я долженъ былъ иль самъ себя *сгубить*...
 А я, чшобъ не *сгубить* намъ часъ еще досушной...
 Но я, возлюбленный! я — я шебя *сгубила*!
 И не *сгубила* я любовника съ собой...
 Ей съ умысломъ служилъ, *сгубить* ее желая...
 Иль хочешь видѣшь самъ, какъ *сгибнетъ* Баязеть...
 И дай мнѣ знашь, когда онъ *сгибнетъ*, Баязеть...
 Хочу узрѣшь его, иль *сгибнуть* съ нимъ поспѣшо...
 Гошова *сжертвовать* любовью мнѣ своей...“

Я *сжертвовала* имъ!... Чему жъ дивилъсь ты?...
 Когда онъ былъ гошовъ мнѣ *сжертвовать* собой...
 Въ одномъ явленіи (1-мъ вшораго дѣйсп.), два
 раза на одной сшраницѣ вшпрѣчается эпи-
 шешъ: *боевой*, кошорымъ, не знаю въ ка-
 кую силу, недавно вздумали у насъ замѣнить
 выраженія: *ратный*, *бранный*, *военный*:
 Миръ приводившихъ въ страхъ для лавровъ *боевыхъ*...
 Родось, громившій насъ въ ошпорахъ *боевыхъ*...“
Боевые лавры и *боевые отпоры*! чего лю-
 ди не выдумаютъ!

Султанское знамя, или хоругвь Маго-
 мешова, названа *штанدارтомъ*:

„Во имя Принца пусть несуть *штанدارтъ* священный,
 Бѣдъ государшвенныхъ *сигналь* обыкновенный...
 Сераль еще молчишь, *штандартъ* не развивая...“

Не досшавало полько, чшобы Байрак-
 шара назвашъ *штандартъ* - *юнкеромъ*!

Нѣкошорыя слова посшавлены въ спи-
 хахъ прошивъ своего ударенія:

„Предшашъ мнѣ *Сераль* законъ ее спрашилъ...
 Иди. Изъ *Сераля* иеходъ да заградилъся...
 Присяга жъ съ *Сераля* въ примѣръ другимъ начнешя...
 Любила *уже* я... и, ахъ! была любима...
 Чшо солнца *уже* Принцъ не узришь захожденья...“

Много ешь вшпавокъ и добавокъ для на-
 полненія сшиха; во многихъ мѣсшпахъ Г. Пе-
 реводчикъ, для сшиха же, *сжертвовалъ* плав-
 носшію словосеченія, и перешавлялъ слова,

какъ ему заблаго разсудилось. Вопшь нѣко-
рые примѣры того и другаго:

Уже чрезъ происки я къ спорамъ швоей

Склонилъ *служителей Пророка алтарей...*

И пушь народу Принцъ покажеть наконецъ

Чело свое, *носить достойное вѣнецъ...*

Заочешь поздно ты, *въ свои тобѣ склонный стѣны*

Приняшь его, народъ подъялъ на бунтъ знамены...

Извѣдашь спрасшь его сама хошѣла я

И Принца въ *мой* черпогъ вводила *предъ себя...*

Когда всего, какъ я, не сдѣлаешь мнѣ онъ...

Султанша, юноши довольная вниманьемъ,

Нась легковѣрностью зашавила своей

Ошибкой собственой дашь насладишься ей...

Толпы рабовъ, *дворца въ стѣнахъ сихъ заключенныхъ...*

Всшупи жь оная, шебѣ въ ничтожество обычно!...

Какимъ жалкимъ образомъ въ эпомъ
вяломъ стихѣ подавленъ превосходный стихъ
Расина! Оскорбленная онказомъ Роксана,
говоришь Баязешу:

Rentre dans le néant, dont je t'ai fait sortir!

Много словъ и выражений низкихъ и во-
все нецрличныхъ Трагедіи; Апалида спра-
шиваешь шо у Фашимы (Заиры подлинника),
шо у Акомаша:

Онъ женился ль, вѣщай?...

Онъ женился ль, скажи?...

и послѣ говоришь своей наперсницѣ:

Какъ! мнѣ *на свадьбу ихъ* идиши въ шокъ моей?...

Ты зришь, все кончено: *онъ женится на ней!*

Роксана говоришь, вмѣсто Расинова:
Faisons mieux,

...Послушимъ же *хитрѣй...*

Попомъ, въ слѣдующемъ явленіи, он-
даешь Фашимѣ какой приказъ:

„Бѣги, спремись: пускай измѣнника изловяшъ;
Нѣмые пушь сей часъ снурокъ свой приговоряшъ.

Баязешъ говоришь Роксанѣ:

„Однако жь ты скажи, *по совѣсти правдивой!*“

и въ эпомъ же явленіи, гдѣ раздраженная
новыми онказами Султанша посылаетъ
его на смерть, упошребленное Расиномъ сло-
во: *sorte*, заглушено въ переводѣ словомъ:
поди.

Много естъ стиховъ похожихъ на ско-
роговорки, иногда даже и на загадки.

„Такъ, все я онъ тебя *люблю*, и ты права....

Судбою будешь намъ *труба молвы героической...*

Какая цѣль *ей?* и я, а не она...

Рожденный средь *песковъ герильскихъ Африканъ...*

Ахъ! возвратись скорѣй, удвой *полетъ шаговъ...*

Чшо рабъ изъ снапа *въ градъ съ закатою прибылъ дня...*

Любимъ онъ *ею* и — еще естъ время намъ....

...Какъ другъ

Такого Визира, кицишь въ которомъ духъ (?)...

Не мниши ли скрйшь *во лжи*, скажи, предашеть злой..

Не *отливаяся* (?) до грозной шой минушы....

Но, *тщетнымъ симъ рѣчамъ поло-*
жимъ мы конецъ, скажу я стихомъ Г. Пе-
реводчика, и заключу сіи частныя замѣча-

нія обшмь. Кромь содержанія, въ переводѣ Г. Олина пѣшь и пѣни Трагедіи Расиновой: стихи вялы, рѣшмы нехороши, и часшо, какъ весьма оспроумно замѣчаешъ Сочиншль спашь, помѣщенной въ Р. И., *соестьмѣ не рѣшмы*. Мысли Поэша или ослаблены, или вовсе уничтожены; въ замѣнь ихъ, ешь шакія прибавки, кошорыхъ Расинь, будучи и Поэшь и человекъ ученый, вѣрно бы ужаснулся. Такимъ образомъ, кромь помянушой мною *золотой чалмы*, шы найдешъ еще

Въшвь славныхъ Ошшомановъ,
Родоначальниковъ *Калфова* (!) и Сулшановъ.

Вообще языкъ разговора, обороты рѣчи, выборъ словъ и выраженій, болѣе приличны Комедіи, нежели Трагедіи. Изъ удачныхъ же стиховъ я нахожу только одинъ, весьма близко выражающій мысль Расинову:
Раба жестокая рабы безчеловѣчной...
D'une esclave barbare esclave impritoyable.

Но шы скоро самъ прочшешъ сей переводъ; желаю тебѣ болѣе моего успѣха въ ошмысканіи пѣхъ *живыхъ, опрятныхъ, пламенныхъ, достойныхъ Расина* стиховъ, кои общаешъ чшпателямъ сей Трагедіи Сочиншль спашь, помѣщенной въ Инвалидъ. Если успѣшъ въ шомъ, порадуи и меня своею находкой; а до пѣхъ поръ — прощай!

IV. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Л о р д ъ К о к р е н ъ.

Отець Лорда Томаса Кокрена, Графъ Дундональдъ, подобно знаменишому нѣкогда Маркизу Ворчесперу, посвящилъ жизнь свою досхохвальнымъ предпріятіямъ и полезнымъ изобрѣшеніямъ. Машъ его была дочь ошличнаго флоршскаго Капшпана Джилкриспа. Онъ родился 27 Декабря 1775 года и получилъ хорошее воспитаніе, переданъ былъ дальнѣйшему руководству дяди и крестнаго опца своего, Адмирала Александра Кокрена. Прослуживъ Мичманомъ въ Америкѣ и Бискайскомъ заливѣ, онъ произведенъ былъ въ Лейтенанты, и мало по малу дослужился до Капшпанскаго чина. Въ первомъ сраженіи былъ онъ въ 1801 году на высотѣ Барселонской, гдѣ онъ попалъ на Испанскую бригашицу, Эль-Камо, схватился съ нею и взялъ ее. Въ теченіе сего же года завоевалъ онъ еще 32 корабля. Вскорѣ пошомъ онъ получилъ чинъ Постъ-Капшпана и поднялъ флагъ свой на 32 пушечномъ фрегашѣ Палладъ. Съ симъ кораблемъ онъ попалъ на при

Французскія судна о 18, 23 и 24 пушках и принудил их съѣсть на мель. Въ Маѣ 1806 года сдѣлалъ онъ, съ оштрадомъ, состоявшимъ подъ его начальствомъ, высадку на берегъ Франціи и разрушилъ шамъ множеству обсервационныхъ постовъ; спустя нѣсколько дней попомъ, Паллада напала на Французскій фрегатъ и овладѣла имъ. Послѣ такой успѣшной крейсировки, онъ въ томъ же году возвратился въ Плимутъ, и узналъ о приглашеніи избирателей въ Гонимонъ, когорые искали богатаго и знатнаго кандидата, желающаго быть представителемъ ихъ мѣстечка въ Парламентѣ. Онъ поспѣшилъ въ Гонимонъ и предложилъ свои услуги, однако же не былъ избранъ. Сіе не воспрепятствовало ему, когда Парламентъ разошелся по причинѣ смерти Пипша, снова явиться въ Гонимонъ, гдѣ онъ на сей разъ достигъ желанной цѣли. Однако же новый Парламентъ почти въ то же время былъ распущенъ; тогда онъ вписалъ свое имя въ списокъ Бесминистерскихъ кандидатовъ, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе публики, и былъ избранъ вмѣстѣ съ Франсисомъ Бордешомъ. Въ то же почти время былъ онъ назначенъ Капитаномъ 40 пушечнаго фрегата Эмперіезъ, и поступилъ подъ команду Адмирала Кодингвуда,

блокировавшаго Кадиксскую гавань. — 1 Юля 1808 года онъ сдѣлалъ нападеніе на замокъ Монгаль, важный постъ между Барцеллоною и Жироною, и покорилъ оный; попомъ онъ опинялъ у Французовъ крѣпость Розась. По возвращеніи своемъ съ береговъ Испанскихъ, онъ получилъ приказаніе Адмирала Гамбьера испребить Французскій флотъ, стоявшій на большомъ Рошфоршскомъ рейдѣ. При семъ опасномъ дѣлѣ, онъ оказалъ безпримѣрную храбрость, мужество и присутствіе духа. Когда непріятель, находясь въ гавани, починялъ себя въ совершенной безопасности, онъ рѣшился испытать своего счастья. Поставилъ на пусыя бочки до 1500 бочекъ пороха, на когорыя положилъ еще 3—400 бомбъ и 2—3000 ракетъ и гранатъ. Пусыя бочки были связаны между собою веревками и желѣзными скобами, промежутки же наполнены сырою землею, для того, чшобы, укрьпивъ основаніе сколь возможно болѣе, дать большую силу взрыву. Лордъ Кокренъ имѣлъ смѣлость, съ однимъ Лейшенанпомъ и чепырьмя машросами взойши на сіе орудіе разрушенія, и на семъ брандерѣ, не спрашась береговыхъ баштарей, когорыя могли бы палишь въ него калеными ядрами, приблизиться къ непріятельской линіи. Подведя адскую машину

свою какъ можно ближе къ Французскому флоту, онъ приказалъ малочисленной командѣ своей броситься въ шлюбку и наконецъ съѣлъ въ оную самъ, зажегши финишь, который, по его расчету, долженъ былъ дать ему 15 минутъ времени для удаленія. Но въ то время поднялся сильный вѣтеръ: финишь сгорѣлъ скорѣе, и едва прошекло 9 минутъ, какъ воспослѣдовала ужаснѣйшій взрывъ, который когда либо произведенъ былъ искусствомъ человѣческимъ: въ одно мгновение разорвало 400 бомбъ и 3000 гранатовъ, и во все стороны посыпался мешаллическій дождь. Второй Нельсонъ нашъ счастливо спасся, но съ горестію былъ свидѣтелемъ смерти своего Лейтенанта. Двое изъ чешырехъ мажросовъ также едва не лишились жизни. Лордъ Кокренъ, достигши корабля своего Эмперьсъ, потчасъ напалъ на Французовъ и одинъ пробылъ цѣлый часъ въ гавани, гдѣ и взялъ корабль Калькушшу. Кроме того Французы лишились еще трехъ ливійныхъ кораблей, и весь флотъ ихъ приведенъ былъ въ самое дурное положеніе. — Векоръ пошомъ Лордъ Кокренъ пожалованъ былъ Кавалеромъ ордена Бани и возвратился въ Лондонъ. Въ Февралѣ 1814 года одинъ путешественникъ привезъ въ Дувръ ложное извѣстіе о смерти Бонапарша для того,

чтобы поднять курсъ Государственныхъ облигацій. Узнали, что Лордъ Кокренъ участвовалъ въ семь обманѣ. Биржевые Спаршны подали жалобу на него, и Гг. Бушшо, Рандома, Беранжера, Джонстона и еще шесшерыхъ другихъ, обвиняя ихъ въ умышенномъ обманѣ чрезъ распространеніе ложнаго извѣстія. Дѣло сіе предложено было 8-го Іюня на разсмотрѣніе Королевскому Суду, и все подсудимые были признаны виновными. — 21 числа призвали ихъ для выслушанія приговора. Кокренъ присужденъ былъ къ денежной пени въ 1000 ф. сп., къ годовому заключенію въ пемницѣ Королевскаго Суда, и вмѣстѣ съ Гг. Бушшомъ и Беранжеромъ къ высавкѣ у позорнаго столпа, насупрошивъ Биржи. — 5-го Іюля сдѣлано было въ Нижней Палатѣ предложеніе исключивъ Лорда изъ числа Членовъ оной, причемъ онъ, въ защиту свою, произнесъ длинную рѣчь. Однако же предложеніе принято было большинствомъ 140 голосовъ противу 44. — 16 шого жъ мѣсяца онъ снова былъ избранъ Веспмикишеромъ; на вопросъ Лорда Эбрингтона, касательно высавки у позорнаго столпа, Лордъ Каспльре объявилъ, что Король ошмѣнилъ сію часть наказанія. — Въ собраніи Кавалеровъ ордена Бани поручено было Францу Тоунсенду

исключивъ изъ сего ордена Сира Томаса Кокрена. — 12 Августа 1814 года Г. Тоунсендъ отправился въ придѣль Гейнриха VII въ Веспминстерскомъ Аббатствѣ, и снялъ со стѣны знамя Лорда Кокрена, стоявшее между знаменами Лорда Бересфорда и Сира Бренна Спенсера. Знамя сіе было изодрано и погами брошено внизъ по ступенямъ, ведущимъ къ придѣлу. Сего не случалось еще ни разу съ самаго учрежденія ордена въ 1725 году. — Просидѣвъ нѣсколько времени въ темницѣ Королевскаго Суда, Лордъ Кокренъ безъ спросу ушелъ и въ ночь же день явился въ Нижней Палатѣ, съ намѣреніемъ присягнуть въ качествѣ предшавителя Веспминстерскаго. Между тѣмъ явился шюремцикъ съ нѣсколькими полицейскими служителями, насильно вывелъ его изъ Палаты и привелъ въ темницу, заперъ въ комнату, изъ которой невозможно было бѣжать; но отъ сего здоровье его такъ сильно пострадало, что ему снова дана была свобода ходить во внутренности темницы. Онъ оставилъ оную по истеченіи 12 недѣль. Нѣкоторымъ успѣшеніемъ служило для него то, что уполномоченный его открылъ подписку для уплаты денежной его пени, которую публика вскорѣ пополнила, хотя никто не смѣлъ давать болѣе шиллинга. Въ день освобожде-

нія своего, онъ явился въ Нижней Палатѣ, присягнувъ и пришелъ въ самую пору для того, чтобы подать голосъ прошиву возвышенія содержания Герцога Кумберландскаго. По странному случаю голоса были разделены, и его голосъ рѣшилъ отверженіе сего предложенія. — Послѣ толковыхъ огорченій естественнo было, что онъ вознамѣрился оставить отечество. Юго-Американскія области нуждались въ Адмиралѣ. Кокренъ, роскошно угостивъ уполномочившихъ его согражданъ, поржесценно просился съ ними, и отправилъ въ Хили, гдѣ и принялъ начальство надъ флотомъ. М.

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

1827.

С л о в е с н о с т ь .

20. Сочиненія *Ваддея Булгарина*. 4 части въ 2-хъ томахъ. С. П. б., въ типографіи Н. Греча, 1827. — Въ 1 ч. 191, во

2й 193, въ 3й 226, въ 4й 143 стр. въ 16 д. л. съ вишенькой и 4 карпинками. (Въ сихъ четырехъ часняхъ, Сочинитель собралъ разныя спашы, разсыяныя имъ въ разныхъ Журналахъ и Альманахахъ съ 1822 года, и раздѣлилъ ихъ слѣдующимъ образомъ: въ *первой* часпи помѣстилъ онъ спашы Историческія; во *второй* — военныя рассказы и Липературныя повѣствовательныя спашы; въ *третьей* — нравы, а въ *четвертой* — повѣсти. Кромѣ спашей уже извѣстныхъ, Г. Булгаринъ помѣстилъ въ семь собраніи нѣкоторыя свои сочиненія, нигдѣ еще непечатаанныя. Таковы: *Переходъ Русскихъ чрезъ Кваркенъ, въ 1809 году* — *Очеркъ характера Петра Великаго* — *Приключенія Уланскаго Корнета подъ Фридландомъ, 2 Июля 1827 года* — *Деревенскій житель (письмо отставнаго Коллежскаго Регистратора Фалалея Недучкина, изъ провинціи къ пріятелю въ столицу)* — *Славяне или освобожденіе Арконы, повѣсть древнихъ лѣтъ*. Изданіе сіе напечатано чешкими красивыми буквами, на хорошей бумагѣ, и къ оному приложены карпинки, рисованныя Художникомъ В. М. Смоковскимъ и гравированныя въ Вѣнѣ Гг. Шщѣберомъ, Ковачемъ и Гофманномъ. Предметы оныхъ слѣдующіе: 1) Вишенька

заглавнаго листа изображаетъ Истину и Сочинителя, къ спашь: Предисловіе въ лицахъ; 2) Ужасная почъ, 3) Модная лавка, 4) Путешествіе по передимъ и 5) Славяне. Послѣднія чешыре карпинки принадлежатъ къ спашьямъ, коихъ заглавія на нихъ означены.)

21. *Собраніе разныхъ сочиненій Е. Фукса.*

С. П. б. въ шип. А. Смирдина, 1827.

Съ порипремомъ Е. Б. Фукса и заглавною вишенькой. 236 стр. въ 8.

(Въ этой книгѣ, Г. Фуксъ помѣстилъ нѣкоторыя свои разсужденія, касательно предменовъ, о коихъ необходимо знать людямъ, посвятившимъ себя военному званію; шаковы спашы: *О военныхъ реляціяхъ*, *О военномъ краснорорчии*, *О причинѣ успѣховъ Россіи въ войны 1812 года*. Къ сему присовокупилъ онъ воспоминанія о разныхъ мѣстахъ и событіяхъ, копорыхъ онъ былъ очевидцемъ въ незабвенной Ипаліанскій походъ Суворова; но главное и занимательнѣйшее въ сей книгѣ составляетъ воспоминанія о семь великомъ Полководцѣ. Книга сія богата сими воспоминаніями, и въ семь опношеніи служившъ какъ бы дополненіемъ къ другому сочиненію Г. Фукса, изданному въ прошломъ году, подъ заглавіемъ: *Исторія Россійско-Австрійской Кампаніи*

1799 года, подъ предводительствомъ Генералиссимуса Князя Италійскаго, Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. Виньетка заглавнаго листа сочиненій Г. Фукса, представляеть Суворова, когда онъ вида нерѣшимость своихъ войскъ предъ Сен-Гошаромъ, вельдь рысь себѣ яму, говоря: „здесь похороните меня: вы болѣе, не дѣши мнѣ, я болѣе не отецъ вамъ; мнѣ, ничего не остаешся, кромь смерти!“)

Драматическія сочиненія.

22. *Встрѣча въ гавани, или сердце дѣлу не поможетъ. Комедія-Водевиль въ 1 д. передѣланная съ Французскаго А. Рѣдкинымъ. М. въ шип. А. Семена, 1827. 117 стр. въ 16 д. л.*

(Водевиль сей пріятно можешь заняшь не только зришеля, но и чипашеля, заманчивымъ своимъ содержаніемъ, живымъ, хорошо выраженнымъ разговоромъ и ошпрутными куплетами.)

23. *Гусарь-невеста, Водевиль въ 1 д. передѣланный съ Франц. М. А. Яковлевымъ. С. П. б. въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщ. 1827. 62 стр. въ 8.*

(Въ 121 Но Русскаго Инвалида помѣщены замѣчанія на замѣчанія, напечатанныя

въ 55 Но Съверп. Пчелы на счесть изломаннаго Малороссійскаго нарѣчія, копорымъ говорись одно дѣйствующее лице сего Водевиля. Въ вшихъ замѣчаніяхъ, Малороссійское нарѣчіе названо *Хохлацкимъ*, а Малороссіане *Хохлами*. Такого рода *солью* или *росоломъ*, не разъ уже подчивали чипашелей сего Журнала, и сія новаго рода ошпруша можешь назвашься характерисшикою одного извѣстнаго нашего *Словесника*. Логика его шакже давно уже извѣстна любителямъ чпенія; вошь новые образчики оной, извлеченные изъ замѣчаній на замѣчанія: „Борскій Спуденшь Медицины, — ерго Борскій должень худо говорись по Малороссійски; Борскій перерядился, чшобы дурачиль скрягу-опекуна, — ерго Борскій должень худо говорись по Малороссійски; въ *Козакъ Стихотворць* Малороссіане не чисто говорятъ по Малороссійски, — ерго всѣ Сочинишели Водевилей должны заспавляшь свои дѣйствующія лица шакъ же говорись на семь нарѣчій.“ Въ Съверной Пчелѣ сказано, что симъ способомъ можно забавляшь только раекъ; вѣроятно, Сочинишель сей спашь не думалъ еще, что и журнальнныя спашь можно шакже писашь для райка. Примѣромъ шому можешь служишь *Библиографіл 117 Но Р. И.)*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСЛАНДСКІЯ ПИСЬМА.

(Окончаніе.)

10.

Людви́гъ Гогенгеймъ былъ смущенъ гораздо болѣе, нежели думала сестра его. Онъ проклиналъ себя за то, что вздумалъ прѣхать въ резиденцію, а за все́мъ шѣмъ былъ бы готовъ скорѣе умереть, нежели воротившись назадъ въ уединенную деревню своей матери. Въ глубинѣ души дѣлалъ онъ тысячи горчайшихъ упрековъ Опшиліи, а за все́мъ шѣмъ ея вѣроломство не было ему такъ горько. Онъ шерлся въ лабиринтѣ мыслей, дошелъ ему неизвѣстномъ. Со времени знакомства съ Опшиліей, это имя одно наполняло его сердце. Три года оставался онъ вѣренъ своей возлюбленной. И какъ легко это было между красавицами Финляндіи и Лапландіи! Но теперь, при его возвращеніи на родину, теперь, на пути къ

ней, съ мыслями пріятно изумишь ее — шеперь... по случаю или необходимости, развернулись въ груди его желанія, копорья не давали ему покоя.

Напрасно старался онъ разсѣять себя — напрасно чиналь ивѣные листочки, исписанные рукою Ошпили — шускивюща звѣзда этого милаго созданія уже заходила; никакое искусство не могло останавишь ее. Другая звѣзда блискала и владычествовала въ его внушреннемъ свѣтѣ.

Терезу вызвали по хозяйству. Онъ бросился на диванъ. Онъ закрылъ руками лице свое. Ему казалось, что духъ Ошпили предъ нимъ носится. Ему слышалось нашептываніе шрогашельныхъ ея жалобъ: „мишь бы хотѣлось всего вдругъ лишиться въ здѣшнемъ мѣрѣ, пошому что все за шѣмъ шолько привлекаеть меня шакъ сильно, шчтобы послѣ еще сильнѣе шерзашь!“

Наконецъ вспомнилъ онъ о письмѣ къ Кульму изъ Грауенбурга. Онъ послѣшно схватилъ его, но въ немъ не заключалось ничего важнаго, и шолько въ концѣ нашлось нѣсколько шпрокъ объ Ошпили:

„Вашему Высокородію, касашельно дѣвицы Вангенъ, осмѣиваюсь объяснишь, что я съ нею особеннаго знакомства не веду. Она упражняется въ учености; но естъ —

но чайпельно, Ваше В—діе, поняшь меня изволили. Нынѣ же обрѣшается она въ Лейпцигъ, по приглашенію родшвенника своего, ошшавнаго изъ Саксонской службы Полковника. Черезъ нѣсколько недѣль, какъ извѣстили меня, полагаала она бышь и въ мѣсьцѣ жишельства Вашего В—дія. Дальнѣйшія о томъ свѣдѣнія не премину сообщишь въ скорости.“

И шакъ ни слова о помолвкѣ, о ввроломшвѣ! Злая выдумка Терезы!

„Она меня любишь! она мишь вѣрна!“ говорилъ со вздохомъ Людвигъ, расшаживая по комнашѣ.

„Что жъ эшопъ жалкій человекъ разумѣешь, говоря: она упражняется въ учености! — Неужли женщина осуждена бышь первою служанкою въ домѣ? Кшо осмѣлился назначашь нѣжному полу границы въ образованіи духа его? Какъ мужчина, не за однимъ шолько плугомъ или перомъ вырабашываешь хлѣбъ свой насущный, шакъ и для женщины не естъ единшвенное назначеніе шо, что бы, въ дѣвкахъ, служишь мужчинамъ куклою, въ замужствѣ нянькою дѣшямъ ихъ. Духъ женщины шакже возносишь къ Богу и вѣчности, какъ и мужчины — и почему не возносишь ему, когда чувшвеншь свободнымъ полешъ свой? — Но —

жекашь ли разсудка въ жалкихъ предубѣжденіяхъ народной черни?... Добрая Опшилія! — Она, какъ бѣдный, осиротѣлый цвѣшокъ, распушій между рѣпьемъ и ковылемъ, невидна и забыта въ глуши сего пернія, и ахъ! вмѣстѣ съ нимъ попирается ногами!“

Между тѣмъ какъ Людвигъ крипиковаль такимъ образомъ фразу Грауенбургскаго корреспондента, вошелъ въ комнату мальчикъ съ небольшимъ пакетомъ.

„Живописецъ приказалъ отдать г-жѣ Совѣшницѣ поршреть“ — сказалъ мальчикъ, и положи на столъ пакетъ, раскланяся.

Тутъ было нѣсколько миніашюровъ. Одинъ списанъ съ г-жи Саръ съ удивительнымъ сходствомъ, исполненъ души, обольстителенъ, точно какъ она сама; другой Терезинъ; третій — третій —

Людвигъ ошолобенъ — Людвигъ поднялъ его, въ жару, въ шрепешъ — со слезами на глазахъ — онъ пошатнулся, покандиса на диванъ, прилежъ пылающимъ лицомъ къ подушкѣ, и — поршреть очутился у пламенныхъ устъ его.

Поцѣлуй, напечатлѣнный на холодномъ стеклѣ — вещь проспительная! Его не чувствовала, его не помнилъ Людвигъ. Только бѣдное сердце его сильно билось.

— „Опшилія, другъ твой колеблется!“

Въ это мгновеніе входилъ Совѣшница. Людвигъ не видилъ ее и не слышалъ. Онъ недвижимъ — она считала его спящимъ. — Наконецъ Тереза кладетъ руку на плечо его. Людвигъ вспрепенулся. „Что ты?“ спросила она, удивляясь дикому его взору.

„Чувствую себя дурно!“ пролепеталъ онъ.

— „Однако ты въ хорошемъ обществѣ“ — продолжала Тереза, взявъ со стола поршреть „Видѣлъ ты эти личики?“

„Нѣтъ!“

— „А гдѣ жъ шрешье? Гдѣ Фридолина Бернекъ? Неужели не принесли?“

„Вошь!“ — Онъ подалъ поршреть, ошворачиваясь.

— „Ахъ, какъ похожа Фридолина! — Между нами говоря, пвоя помная Опшилія съ золотыми локонами, унизанными, какъ сіяніе, вкругъ головы ея, все таки не сравнишься съ эшой въ ея каштановомъ головномъ уборѣ.“

Людвигъ вскочилъ. Сестра удержала его. „Поспой, право я не думала огорчить тебя. Неужели ты совсѣмъ не разумьешь шулки? — Прощу же сей часъ поцѣловашъ меня!“

Онъ поцѣловалъ.

„Вошь, выбитай!“ сказала она, держа передь нимъ поршреты г-жи Сарь и Фридолины: „одну изъ нихъ я подарю тебѣ.“

Людвигъ, улыбаясь, покачалъ головою. „Ни одной!“ сказалъ онъ и поспѣшно удалился.

II.

Былъ теплый Юньскій вечеръ; солнышко закатывалось.

Когда Людвигъ вошелъ въ садовую бесѣдку г-жи Сарь, тамъ было уже многолюдное собраніе. За чаемъ занимались чтеніемъ, которое перемежалось и разговоромъ — обо всемъ сладкомъ и горькомъ въ жизни. Людвигъ вмѣшивался довольно принужденно съ своими замѣчаніями. Но мало по малу онъ спалъ упадши духомъ, сдѣлался молчаливъ и унылъ, самъ не зная, почему. Мы знаемъ однако. Между хорошенькими, мужскими и женскими личиками недоставало одного: Фридолины Бернекъ.

Никто не вспоминалъ о ней. Одинъ пожилой мужчина первый спросилъ, куда она дѣлась.

„Ходишь въ саду съ Г. Тау“ — отвѣчала Г-жа Сарь.

— „Прекрасный молодой человекъ!“ замѣтила дама, сидѣвшая за карточнымъ столомъ.

„Онъ очень образованъ въ путешествіяхъ“ примолвилъ пожилой мужчина: „попросишь его рассказать объ опасностяхъ, прошивъ кофторыхъ усюялъ онъ въ Парижѣ. Онъ былъ тамъ во время Робеспьера; видѣлъ казнь Шарлотты Кордѣ. Нельзя его слушать безъ ужаса и содроганія.“

— „Какъ опзываетесь онъ о Кордѣ?“ спросила дама.

„Почти, какъ вдохновенный!“ отвѣчала шопъ: „И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться ея геройскому духу. Она рѣшилась освободить свое отечество отъ чудовища, и радовалась, какъ Римлянка, гошпящейся казни. Я знаю всѣ упреки, всѣ хулы, взводимыя на подвигъ благородной дѣвушки, но ими ея перейдешь въ пошомство съ достойною его славою.“

Пожилой господинъ непримѣтно разгорячился и жаромъ рѣчей его увлеклось все общество. Возникла ужасная оппозиція, главою кофорою былъ Г-жа Сарь. Только Людвигъ не принималъ участія въ преніяхъ. Съ пасмурнымъ взоромъ и сложенными креспомъ руками, спюялъ въ кругу спорящихъ и не слышалъ ничего.

„Такъ она ходишь съ Г. Тау? и онъ прекрасный молодой человѣкъ?“ шакъ разсуждалъ онъ про себя: „А она вѣдь знаетъ, что я долженъ бытъ здѣсь — сама просила меня прійти непременно и не принимаешь другихъ приглашеній. И ходишь съ нимъ! — Не она ли шпенешала, шпанцуя со мною? не она ли робко смошрѣла мнѣ въ глаза? и вдругъ задумчиво передо мною ошпанавливалася, и пошомъ, порхнувъ къ подругамъ своимъ, среди шушокъ и смѣха, все украдкой искала меня глазами? — Боже мой! все это неужели шолько любезничанье? — О, невинность! какой же взоръ, какой же видъ должна шы избрать себя, когда кокешки завладѣли сущешвеннымъ швоимъ образомъ? — Нѣшь, она не кокешка. — Чшо жъ дурнаго, ходишь съ нимъ по саду?“

Разговаривая шакъ самъ съ собою, Людвигъ незамѣтно обратился спиною къ гопшамъ и смошрѣлъ на дверь, ведущую въ садъ.

„Однако, вѣрно же не скучаюшь они вдвоемъ. Богъ съ ними! Я право не помѣшаю. Можешь бытъ пришедь бы я очень не во-время.“

Съ сими словами, кошорья конечно были шолько на умъ, вышелъ Людвигъ Гоген-

геймъ въ садъ и, какъ человѣкъ степенный, пошелъ тихими шагами между фрушшовыми деревьями.

„И что она занимается меня шакъ? Недостаетъ еще шого, чтошь я пушился подшерегаешь ее, какъ ревнивый муженекъ! — Нѣшь, милосшивая государыня, любезничайше, съ кѣмъ и какъ угодно; мнѣ право, мало нужды!“

Тутъ пробрался онъ цвѣшникомъ къ пемной аллее, и ошашриваяся вправо и влѣво, искалъ глазами — цвѣшовъ.

Ошановясь передъ розовымъ кустомъ, сорвалъ онъ одну изъ распускающихся, прелешсныхъ розъ.“

„Славный цвѣшокъ!“ ошнесу его Г-жѣ Сарь. Изберу время — въ присущешвиі дѣвицы Бернекъ. Пусть почувствуешь она по крайней мѣрѣ, что совѣзъ не шакъ близка моему сердцу, какъ можешь бытъ полагаешь.“

Тутъ очутился онъ въ довольно глухой рошѣ, насаженной въ Англійскомъ вкусь. По узенькой шропинкѣ, между кустами, пробирался онъ къ высокой горѣ, — шамъ сидѣла уединенно Фридолина Бернекъ.

Она сидела на деревянной, вдаланной в обрывъ горы, скамьѣ, въ задумчивости, прислонясь головою къ выдававшемуся камню, обвешанному плющомъ и опшьяемому вѣтвями бузиннаго дерева съ ихъ бѣлыми, какъ снѣгъ, цвѣточными пучками. Видя ее шущь, кто бы не просидѣлъ ей? Только Людвигъ Гогенгеймъ, немилосердый — ахъ, можешь быть о немъ — то она и думала — полько онъ, безчувственный — а вѣдь Г. Тау совсѣмъ шущь не было — онъ принялъ швердое намѣреніе показашь, будшо бы ее не примѣчаетъ, и пройши мимо спороною.

Онъ шакъ и сдѣлалъ, и очушился — въ шрепешъ возлѣ нее.

Фридолина испугалась не на шущку; а добрый Людвигъ совсѣмъ безъ пришворства спалъ извиняшьясь, что вспревожилъ ее и помѣшалъ ей.

„Какъ здѣсь пріятно! Я совсѣмъ позабылась“ — сказала она.

— „Очень жалю, что вызвалъ васъ, можешь быть, изъ міра еще пріятнѣйшаго.“

„Правда, что изъ самаго пріятнаго! Я думала...“

— „Вы не договариваете.“

„О другъ.“

— „Эшотъ счастливецъ имѣеть прищину на меня сердидшья.“

„Не надобно забывашь близкихъ для дальнихъ.“

— „Могу ли надѣяшьясь быть въ числѣ эшнихъ близкихъ?“

„Пока захошшше быть близко.“

— „Не ужели вы сомнѣвались когда нибудъ въ моемъ хошнѣи? — Но — если бы я могъ доказашь...“

„Вы шпранны. Къ чему доказашельство, когда никакая недовѣрчивость ихъ не шпребуешъ.“

— „Никакая недовѣрчивость? Спалло бышь вы повѣрили бы, что я для васъ сорвалъ эшу розу?“

„Повѣрю; охотно вѣрю вамъ, и беру доказашельство.“

Людвигъ прощянулъ къ ней шпрепещущую руку съ розою. Фридолина хошѣла взять ее — и смонрѣла съ улыбкою въ глаза робкаго своего друга. Трудно рѣшишь, кто былъ виновашъ, но цвѣшокъ ошдѣлался онъ своего колючаго шпелелька и упалъ на землю.

Фридолина испугалась. Людвигъ наклонился и поднялъ цвѣшокъ.

„Худое предзнаменованіе!“ сказала, смѣючись, дѣвшушка.

— „О нѣшь, возьмите себѣ розу, а мнѣ останутся шипы.

„Раздѣль не очень дружескій.“

— „Пусть шакъ, но когда уколюсь шипами, возьмешь ли меня вылечишь?“

Ошвѣшь оставался за Фридолиною. Она подала ему руку. Оба пошли вдоль по кустарнику, ведущему къ бесѣдкѣ. Пушь, очень короткій, былъ для нихъ длинень. Часпо они останавливались.

И когда спояли они въ кустарникѣ, взоры ихъ покоились другъ на другѣ. Осины и липы шептались надъ ними, колеблемыя въшперкомъ вечера; пошько они были безмолвны и ничего не шептали. Но въ глазахъ Людвига выражалась крошкая жалоба: уже укололся шипами; будешь ли ты лечишь меня? И глаза Фридолины говорили: обманщикъ! я взяла у тебя не одну розу; шпы даль мнѣ и шипы.

Они пошли далье. Но это шеспвѣе — не знаю, можно ли его шакъ назвать — едвали двигало ихъ съ мѣста, и долго еще осины и березы шептали надъ ними, хотя они давно уже пошли ошь нихъ. — И нимало не скучали они, хотя никто не говорилъ ни слова. То взглядывали другъ на друга, шо опять пошупаяли глаза; души ихъ сливались во едно. Вокругъ нихъ

не было ни неба, ни земли, ничего близкаго, ничего отдаленнаго въ проспраншвѣ; для нихъ не было будущаго, не было прошедшаго. Рука въ руку, съ угнетенными въ груди вздохами, прогуливались они по кустарнику. Такъ гуляюшь блаженныя шпы подъ пальцами элизума.

Когда приблизились они къ розовому кусту, шо снова остановились. Людвигу хотѣлось сказашь: „здѣсь-шо сорвалъ я для васъ розу, и въ первый разъ почувшвовалъ язву ошь шиповъ.“ Фридолинѣ хотѣлось сказашь: „ахъ, какъ мало цвѣшу и какъ много шиповъ! И когда первый осыпашеся на родную землю, шогда ошашося пошько шипы, и они ошашося навсегда — переживаюшь всѣ радости.“

Прелесшная голова ея поникла въ униши, вздохъ замеръ на устахъ. Людвигъ хотѣль взять свѣжую розу, и взялъ — руку Фридолины. Онь запрешпалъ, какъ бы сдѣлавъ уголовное прешупленіе. Но легкое пошашіе нѣжной руки оживило его. Онь наклонился и поцѣловалъ съ восторгомъ благосклонную руку.

Вдругъ спало имъ, какъ бы все расцвѣло прелесшнѣе вокругъ нихъ; уже не видали и не чувшвовали они шиповъ. Надъ ними горѣло вечернее небо, бросающее красно-

вашей оплавив на деревьях, кусты и двѣтши. Казалось, на дальнемъ горизонтѣ всѣ предмѣты спали розами, чѣшбъ поржешивовашъ союзъ счастливой чешы.

Они медленно возвращались къ обществу. Если бѣ можно было оспашься однимъ въ свѣтѣ, ничего не желали бы они такъ усердно!

„Фридолина!“ шептала тихо Людвигъ. — Она не опвѣчала, но рука ея обвилась плотицею вокругъ его руки. Дружеское имя загло новое пламя въ ея колеблемомъ сердцѣ, и долго опшывалось въ слухъ ея: Фридолина!

Лишь только подошли они къ бесѣдкѣ, какъ вдругъ позади ихъ раздася громкій голосъ: „Г. Гогенгеймъ! Г. Гогенгеймъ! письмо изъ Исландіи! письмо изъ Исландіи!“

Людвигъ испугался. Амось бѣжалъ во весь духъ черезъ садъ, держа письмо надъ головою. Людвигъ пошелъ къ нему на встрѣчу: „что ты такъ шумишь, негодяй!“

— „Да посмотрише, сударь, оно прлямо изъ Исландіи, посмотрише.“

13.

Онъ узналъ почеркъ и печать. Опши-ли. Ни въ какое другое время не могъ онъ

быть болѣе пораженъ эшимъ письмомъ. Блѣдность его и поспѣшное удаление служили пому доказательствомъ.

Фридолина приостановилась. — „Изъ Исландіи?“ спросила она Амось, который смолрѣлъ съ изумленіемъ на своего господина, замѣтши перемѣну въ лицѣ его.

— „Такъ точно, сударыня, изъ Исландіи.“

„Развѣ швой баринъ шамъ имѣешь знакомыхъ? — Въдъ эшо не съ оспрова Исландіи?“

— „Съ оспрова, сударыня.“

„Развѣ швой господинъ шамъ бывалъ?“

— „Въ жизнь свою никогда. Однако не надобно ему говоришь о томъ, пошому чшо у него смертельная охота създить шуда.“

„Полно такъ ли? Мнѣ кажется эшо немножко далеко.“

— „Гм! для нашего брата прогулка. Мы бывали, можешъ, и дальше.“

„Чшо эшо значить: мы?“

— „То ешть, я.“

„И швой господинъ?“

— „О, нѣшь!“

„Съ кѣмъ же переписывается швой баринъ въ Исландіи, когда не бывалъ шамъ?“

— „Да, это не диковина. Мой баринъ человекъ ученый. На островъ въ шамошней школѣ естѣ также ученые — такъ они и переписываются. Тутъ ничего нѣтъ мудреннаго. Я служила у одного Профессора. Тотъ велъ переписку даже съ Римомъ и Венеціей, что на Адриатическомъ морѣ.“

Добрый Амосъ очень опѣшилъ при распросахъ прекрасной барышни, и, чтобы еще болѣе не промолвиться, сдѣлалъ пренизкій поклонъ и пустился по слѣдамъ своего господина.

Онъ нашелъ его въ самомъ отдаленномъ концѣ сада. „Подожди меня у входа, Амосъ.“ Амосъ пошелъ.

Людвигъ бросился на развалившуюся дерновую скамью. Онъ прочиталъ письмо Опшилли въ шредней разѣ. — Мы выпишемъ изъ него только нѣкошорыя мѣста, всего болѣе вспржевожившія нашего друга.

— „Теодоръ! Теодоръ! Просиши ли ты мнѣ? Я стала неперильлива, ожидая твоего возвращенія. Ужъ я не шакова, какъ была. Сновиднїе, сегодня упромъ, всю преобразило меня. Я какъ будто въ упоенїи.“

„Не презирай меня. Виновна ли, что полюбила тебя несказанно! Ты всегда представляешься мнѣ добрымъ, превосходнымъ

человѣкомъ, во сто крапъ меня лучше. Не ужели я виновна, что люблю тебя? —

„Ты явился мнѣ во снѣ. Я нашла тебя на берегу твоего Сѣвернаго моря, подъ черными нависшими скалами, какъ бы изображаешь мнѣ ихъ въ своихъ письмахъ. На отдаленномъ горизонтѣ проблескивало синеватое пламя сѣвернаго сїянїя и звѣзды плавали въ заревѣ небесъ. Тайный страхъ овладѣлъ мною. Я желала присуствїя живаго существа. Теодоръ, я тебя увидѣла. Ты заключилъ меня въ свои объятїя. Теодоръ! что я тогда почувствовала! —

„Ахъ, не смѣйся надо мною. Я мечпашельница. Съ дѣтства была шакова, и всегда счастлива въ мїрѣ моихъ грѣзъ и мечпаний, нежели въ существенномъ. Въ помѣ я находила покой, добродѣтель и любовь; въ этомъ только мученїя, да мершвыя названїя прекраснаго, да мершвое искусство.“

„Возвращись! хочу тебя видѣть. Неужели я должна умереть, не выдавъ человека, столь много цѣнимаго мною — спасаго мою жизнь? Я буду тебя любить, какъ сестра — будь моимъ брашомъ.“

„Я ужасаюсь и шрепещу. Вся надежды мои блекнуть, желанїя опцѣвшающъ и остаются бесплодны. Одна между миллионами на землѣ, спремлюсь я къ лучшей звѣздѣ.“

Я никогда себя не увижу — о мой Теодоръ, никогда! — Ахъ, если бы Ангель-хранитель мой погасилъ пламенникъ моей жизни въ тѣ минушы, когда я о тебѣ мечтаю!“ — — —

Людвигъ былъ видъ себя. Онъ плакалъ, онъ цѣловалъ письмо. „Нѣтъ, Опшидія“ — говорилъ онъ: „нѣтъ, невинность небесная, тебя я не покину! — увижу тебя — не покину тебя!“ —

Онъ поспѣшилъ выдти изъ сада. Увидя Амоса, сказала:

„Укладывай чемоданы, Амосъ, и закажи мнѣ почтовыхъ лошадей. Завтра въ четыре часа мы ѣдемъ,“

— „Завтра въ четыре часа?“ вскричалъ Амосъ, выпараща глаза.

„Вотъ прекрасно!“ сказала Совѣщница Кульмъ, которая въ самое это время подходила съ мужемъ своимъ къ саду. „Нѣтъ, г. Гогенгеймъ, шакъ посиѣшно не уѣзжаютъ.“ И съ этими словами взяла она его подъ руку и повела въ бесѣдку.

— „Слушай, Амосъ, что тебѣ приказываю!“ закричалъ Людвигъ, оглядываясь.

„Не слушай, Амосъ! я за все отвѣчаю!“ — закричала шакже, смѣючись, Тереза.

— „Но мнѣ надобно, непременно надобно! я ѣду въ Лейпцигъ!“ сказала Людвигъ.

„Подумайше“ — воскликнула Тереза, присоединясь къ обществу: „г. Гогенгеймъ хочешь насъ завтра оставишь; заказалъ себѣ лошадей и ѣдешь въ Лейпцигъ!“

Госши составили кругъ около несчастнаго Людвигъ и спали осаждашь его упреками и просьбами, чтообъ онъ осмался. Одна Фридолина стояла въ отдаленіи и не смѣла вмѣшаться въ число просящихъ.

Не щадили ни ласкъ, ни угрозъ. Каждый и каждая, наперерывъ, спарались сказать ему что нибудь пріятное. Между всѣми возникло соревнованіе, кто, силою своего краснорѣчія, успеешь преклонишь упрянца. Все напрасно.

„А всему виной Исландское письмо!“ сказала наконецъ насмѣшливо г-жа Саръ: „вѣрно его писали самыя милыя ручки.“

— „Исландское письмо?“ воскликнула Тереза, изумясь: „какъ? когда?“

„Амосъ объявилъ намъ!“ отвѣчала молодая вдова.

Тутъ послѣдовали новыя нападенія. Людвигъ былъ непоколебимъ; въ шомъ шолько успѣли, что онъ назначилъ отвѣздъ свой не навѣрное завтрашній день. Всѣ бранили Исландскія письма. Со всѣхъ споронъ съ-

пались на счесть ихъ шушки и оспросятъ. Наконецъ позвали къ ужину, за которымъ положено было пошолоковать еще объ этомъ дѣлѣ.

Каждый изъ мужчинъ взялъ себѣ даму и повелъ ее въ домъ черезъ садъ. Людвигъ въ задумчивости споялъ у окна. Фридолина оспалась послѣдняя. Онъ замѣнилъ это и предложилъ ей свою руку.

Идучи по саду, Фридолина оспавила руку своего провожающаго и закрыла себѣ глаза плашкомъ. „Вы плачете?“ спросилъ Людвигъ измѣнившимся голосомъ. Она не отвѣчала, и когда онъ хотѣлъ взять ее за руку, отвернулась, говоря: „оспавьте меня, г. Гогенгеймъ, прошу васъ!“

— „Вы сердитесь на меня?“

„Ни мало.“

— „Вамъ не угодно, чтооь я вѣхалъ.“

„Повзжайше! — завпра — сегодня“ —

— „Для васъ все равно?“

„Нѣтъ, вы должны вѣхашь. И я этому рада, очень рада.“

— „Повѣду же, если точно это васъ шакъ радуешъ. Ахъ, Фридолина, и при ошъздѣ моемъ всего болѣе меня огорчаешъ то, что я узналъ васъ. Я несчастливъ — вы не можете предшавить себѣ моего положенія — я очень, очень несчастливъ — мнѣ

доспавлись шипы. — Я долженъ вѣхашь. Моя судьба зовешъ. Я самъ себя обманываю; удивительная, снранная игра обстоятельствъ губитъ меня. — Но объ одномъ умоляю, Фридолина, одного прошу, не судите обо мнѣ ложно! Въ моемъ ошсуществіи сберегите мнѣ хоть искру дружества.“

Она не отвѣчала.

„Взгляните на меня!“ продолжалъ онъ, по нѣкоторомъ молчаніи, умоляющимъ голосомъ: „вѣдь вы не сердитесь?“

Фридолина опустила руки, закрывавшія лице ея. Полный мѣсяцъ проглянулъ въ сіе мгновеніе изъ-за раздавшихся шумъ, и пролилъ легкій свѣтъ на деревья, кусты и цвѣшты, какъ и на прелестное лице Фридолины. Крошкій ангелъ, она спояла предъ Людвигомъ со взоромъ, исподненнымъ любви и ушнїи.

Помолчавъ, сказала она: „повзжайше и будье счастливы!“

— „Я шеперь ужъ несчастливъ.“

„И я“ — она хотѣла сказашь болѣе, но не кончила.

— „Такъ я оспавою; не повѣду!“ воскликнулъ онъ со слезами на глазахъ и заключилъ Фридолину въ свои объятія.

Она посмотрѣла ему въ лице, увидѣла его слезы. „Любезный Гогенгеймъ! вамъ на-

добно, вы должны непременно вѣшать! Прошу васъ о помѣ. Или, если не можете, не ходите, по" — —

„Договорите, Фридолина.“

— „То повѣду я.“

„Такъ вы бѣжите меня; не ходите меня видѣть? Развѣ я васъ оскорбилъ?“

— „Нѣтъ. Послушайте! Ужъ все равно. Останьтесъ еще на три дни. Повзжайте въ Воскресенье вечеромъ. Тогда повѣду и я. Не спрашивайте, почему. Не говорите о томъ и въ обществѣ. Общаете ли?“

„Извольте.“

— „И вы остаетесь до Воскресенья?“

„Непременно.“

Она подала ему свою руку. Онъ прижалъ ее себѣ къ сердцу, и они присоединились къ обществу.

14.

„Такъ это не шутя?“ спросила на слѣдующій день г-жа Сарь у Фридолины.

— „Ни мало. Я уважаю молодого человека. Правда, что онъ пріятель въ бесѣдѣ, живъ, остеръ, все, что ты хочешь. Но любишь его я не могу.“

„Вѣдь ты говоришь о Людвигѣ Гогенгеймъ?“

— „О немъ, конечно.“

„Ты непоняла мнѣ, Фридолина. Послушай! будь я дѣвица, и Гогенгеймъ предпочелъ бы мнѣ свою руку, я — —“

— „Что жъ? чего не можешь дѣвица, по позволено двадцатипятилѣтней вдовѣ. Ему нѣтъ еще и тридцати.“

„Да меня онъ не любитъ, а себя обожаешь.“

— „Ты ошибаешься. А если и точно взяла его охота немножко любить меня, по согласисъ, что этого для меня мало. — Короче, какъ другъ и собесѣдникъ, Гогенгеймъ нравится мнѣ; по любовникомъ былъ бы онъ для меня несносенъ.“

„Ты грѣзишь, моя милая. Какая же разница между любовникомъ и любимымъ другомъ? Неужли ты ожидаешь отъ мужчинъ, чтобъ они были шакъ вѣжны, шакъ любезны, какъ въ Романахъ? — Да чинала ли ты хоть одинъ Романъ, въ которомъ бы описывалась исторія женатаго? Я не знаю ни одного сноснаго въ этомъ родѣ. Заключение изъ этого, что мужчины въ мужьяхъ — очень незначительны. Только въ любовникахъ приманиваютъ они нашу братью разнообразіемъ своихъ дурачествъ. — Друга и собесѣдника передъ свадьбою, найдешь ты такимъ и послѣ свадьбы; а романическій

любовникъ снимешь свой дурацкій калпакъ, какъ скоро ты снимешь свой свадебный вѣнокъ. Не подумай однако, чѣмъ эшошь господчикъ не могъ бышь дуракомъ безъ дурацкаго колпака своего. Иногда — избави Господи! — выдешъ изъ него шакой несносный, докучливый человекъ.“

— „Не по опыту ли говоришь ты?“

„Къ сожалѣнію! Мой старичекъ — вѣчная ему память! — на пятьдесятъ девятомъ году своей жизни пѣжничалъ и любезничалъ не хуже хоть бы какого Адониса, не сморщи на кашель. Родители мои надували мнѣ о немъ въ уши столько хорошаго, и велчески возбуждали мои ожиданія. Ну, я была доброе, послушное дитя: насъ обвѣчали. И ахъ, просиши ему Господи! послѣ свадьбы старикъ мой спалъ уже совсѣмъ не прошь. Кашель еще шаки бы я ему простила, но...“

— „Пусть шакъ. Пускай ты говоришь правду. Только не пребудуй, чего я не могу. Любишь Гогенгейма не могу я и не хочу. Скажу еще болѣе — только не давай ему замѣшишь — признаюсь тебѣ, что онъ мнѣ прошивель. Я не могу его теришь и даже прудно мнѣ бышь съ нимъ ласковой. Вчера вечеромъ должна я была сдѣлать себѣ большое принужденіе.“

„Ты шушишь.“

— „Право нѣшь. Вошь и сегодня я не пойду на званный вечеръ, боясь шамъ его вспрѣшишь. — Въ Воскресенье на вечеръ не могла я отказать Совѣшницѣ Кульмъ. Благодарю Бога, что скоро я... ахъ, если бы уже прошло Воскресенье!“

„Такъ неужли я въ самомъ дѣлѣ ошиблась?“

— „Не знаю, въ чѣмъ; но я тебѣ, какъ моей пріятельницѣ, сказала сущую правду. Прошу же тебѣ шеперь объ одной милости: не говори мнѣ о Гогенгеймѣ. Я охотно уступаю тебѣ эшо завоеваніе.“

„И шакъ, милая Фридолина, будь откровенна: спало бышь сердце швое принадлежишь другому?“

— „Да. Вошь видишь, я оишь тебѣ ничего не скрываю: но шеперь пожалуеша кончи объ эшошь. Я люблю, и люблю несчастливо.“

„Еще шолько одно. Если бѣ ты не любила другаго, и тогда Гогенгеймъ былъ бы...“

— „И тогда.“

Фридолина, возвращаясь въ свою комнату — она жила въ домѣ г-жи Саръ — на-

шла у зеркала портретъ Гогенгейма и завидшую розу, которую наканунѣ получила отъ Людвига.

Эти вещи произвели совсѣмъ не по дѣйствию, какого ожидала отъ нихъ г-жа Сарь. Фридолина остановилась какъ бы въ испугъ передъ портретомъ; потомъ взяла его вмѣстѣ съ облепѣвшею розою, и пошла медленно къ дверямъ. „Мнѣ кажешся, меня хощашъ насильно бросишь въ его объятія“ — думала она. Въ это мгновеніе распворилась дверь и вбѣжала со смѣхомъ г-жа Сарь.

„Возьми!“ сказала Фридолина глухимъ, прерывающимся голосомъ.

— „Что ты?“ вскричала г-жа Сарь въ испугъ: „ты блѣдна, какъ смерть и вся дрожишь. Неужели шушка моя — ты нездорова.“

„Возьми!“ повторила Фридолина и упала на кресла. Позвони въ колокольчикъ, вѣзла она подашь себѣ стаканъ воды.

„Напрасно ты это сдѣлала!“ сказала Фридолина.

— „Боже мой!“ возразила г-жа Сарь: „могла ли я ожидашь, чшобъ между вами была такая аншипашія, или какъ иначе я должна назвашъ — это неслыханно! Казалось, что вы другъ другу нравитесь. Уже три недѣли видѣлись почти каждый день.

Казалось, что вы прилежно наблюдаете другъ за другомъ, ищете свиданія. Еще вчера...“

„Ты общалась не говоришь мнѣ о Гогенгеймѣ.“

Г-жа Сарь спала съ безпокойствомъ и молча ходишь по комнатамъ; веселость ея изчезла; она жалобно смотрѣла на Фридолину, хощѣла ей говоришь, но опвернулась, позвонила, и вошедшей служанкѣ сказала, что ей пужна кареша, чшобъ вхашъ къ Совѣшницѣ Кузьмѣ.

Фридолина, услыша приказъ, кивнула съ досадою головою. Все подшверждало шашившееся въ ней подозрѣніе, что ее хощашъ выдать за Гогенгейма. Теперь сдѣлалось ей ясно все, дошолъ непонятное въ поступкахъ г-жи Сарь и Совѣшницы. Теперь она привела себѣ на память, какъ часно, будно бы случаемъ, дославляли ей свиданіе съ Гогенгеймомъ. Въ ней взбуншовалась женская гордость ея. Едва могла она скрывать досаду свою. Источникомъ слезъ облегчилось смѣшенное сердце ея.

Г-жа Сарь все еще расхаживала въ задумчивости взадъ и впередъ. Съ четверть часа были онѣ вмѣстѣ, и никшо не прерывадъ молчанія. Заспучала кареша у подъ-

езда. Г-жа Сарь подошла къ Фридолинѣ и взяла ея руку.

„Ты плачешь, милая,“ сказала она: жалю, что, прошивъ волн, себя огорчила. Со временемъ ты увидишь, что я точно желала тебѣ добра.“

— „Благодарю за доброе намѣреніе“ — отвѣчала Фридолина — и вся досада ея миновалась.

Г-жа Сарь была очень расстроена. Слезы гошовой были навериушсь на глазахъ ея. Видя въ шакомъ же расположеніи Фридолину, она еще разъ осмѣлилась завести рѣчь о ненавистномъ предметѣ.

„Заклинаю тебя, моя милая“ — вскричала она умоляющимъ голосомъ: „заклинаю нашею родственною дружбой, будь чисто-сердечна со мною. Неужели ты такъ рѣшилась? Ты не можешь любишь добраго Гогенгейма?“

— „Не могу!“ проговорила, всхлиывая, Фридолина.

„Несчастливая, жалю о тебѣ. Онь была бы для тебя лучшимъ....“

Фридолина прервала ее. „Ни слова о немъ между нами.“ И она бросилась, вся въ слезахъ, на кровать.

Почти шоже и почти также было у Совѣщницы съ ея браномъ въ шоже самое время; и ей не болѣе посчастливилось, какъ г-жѣ Сарь съ Фридолиною.

„Хочешь или не хочешь“ — сказала она: „я должна говоришь тебѣ о Фридолинѣ. Ничего такъ не желаю, какъ шога, чтобъ она тебѣ поправилась. Предобрая дѣвушка! Она умѣешь всѣхъ къ себѣ привязашь, и я увѣрена, что она тебя любишь.“

— „Я увѣренъ въ прошивномъ!“ вскричала Людвигъ. „И если бъ она любила меня, мнѣ невозможно... Умоляю тебя всѣмъ на свѣшъ, оставь меня въ покоѣ.“

„Нынѣ Людвигъ, ты самъ себя обманываешь. Фридолина имѣешь навѣрное столько же ума, сколько же чувствительности, какъ и швоя Опшилія; а при томъ надобно признашсь, она прелестнѣе швоей невидимки. Если бъ я захотѣла, то могла бы продолжашь сравненіе; но погоди, сегодня я узнаю еще многое.“

— „Ошкуда.“

„Ошь г-жи Сарь.“

— „Она развѣ знаешь Опшилію?“

„Она слышала о ней. Опшилію ожидаюшь сюда.“

— „Такъ я тогда и скажу тебѣ, а не прежде, рѣшительный свой отвѣтъ.“

„Тебѣ нечего ждать, или ты жестоко накажешь себя. Ты живешь теперь въ мечтательномъ мѣрѣ. Ждешь Ангела и вдругъ явился такая обыкновенная дѣвушка, что ты съ досадою отъ нея отворачиваешься. Возможно ли, чтобы человекъ образованный, знающій людей, опытный, такъ грубо ослѣпляя себя? Представь себѣ, не должны ли бы дѣвушки влюбляться въ того или другаго писателя? Но онѣ не такъ глупы. Известно, что ваша братья стихотворцы не всегда болтаеше стихами; что въ обыкновенной жизни вы народъ, самый прозаическій, а велики только за письменнымъ столомъ. Для счастливой жизни въ супружествѣ нужно больше, нежели одно воображеніе или вдохновеніе. Нужно здоровье тѣла и души, веселость духа, всегда одинаковая, снисходительность къ недостаткамъ другаго; особый даръ, въ однообразіи домашней жизни развертыванъ всѣ новыя прелести, изъ сухой скалы изсѣкать источникъ; слезы осушать улыбкою... Вошь что нужно для брака.“

— „Ты славно ораторствуешь!“ сказалъ Людвигъ, улыбаясь.

„Смѣйся, смѣйся! Знаю, что ты лучше меня съумѣешь сказать все это. Но и самый искусный врачъ, когда занеможетъ, не помнитъ ни себя, ни лекарствъ, и беретъ ихъ изъ рукъ ученика. Я не много читаю; но сужу по другимъ, что большая начинаноситъ порчи въ сердце и голову. Кто много читаетъ, часто теряетъ свое собственное. Эти люди спановятся, сами про то не зная, обезьянами своихъ романтическихъ героевъ. Въ своемъ кругу они уже не то, чѣмъ должны быть, потому что хотѣшь быть болѣе, нежели мы, люди обыкновенные. Имъ свѣтъ кажется послышь и не для нихъ созданъ, потому что въ немъ ничего не требуется, кромѣ чистаго сердца и здраваго природнаго разсудка. Я знаю дѣвицъ, которыя проплакивають глаза надъ нѣжностями въ ихъ романахъ, а поспыдились бы оказать помощь раздавленному на улицѣ нищему. Знаю матерей, которыя пицуютъ славныя колыбельныя пѣсни, тогда какъ ихъ собственные дѣти изводяцца въ нечистотѣ.“

— „Что жъ ты не подбираешься поближе.“

„О, конечно, я знаю мужчинъ, которые, изъ любви къ романтическому и диковинному,

лишаютъ себя покоя и домашняго кропкаго счастья.“

— „А я знаю женщинъ, которыя очень възлвны и любезны, но за всеъ шьмъ безпрестанно есорянся и бранянся, пошому только, что имъ хоченся, чшобъ всякій башмакъ былъ шишь на одну колодку, чшобъ ни кто не смьлъ думать и чувствовашь иначе, нежели онъ; которыя каждаго порядочнаго человека считающъ романтическимъ героемъ, если онъ не шакъ чшашаешъ азбуку, какъ ихъ учили.“

„Ты не разсердишь меня. Но, Людвигъ, будь чшшосердечень самъ передъ собой! — Ты любишь Фридолину, а не хочешь ее любить, чшобъ ошашься върымъ Ошцили. Не шакъ ли?“

— „Говорю тебь, Тереза, шоржешвенно и въ послъднй разъ: къ Фридолинъ я очень равнодушенъ. Сердце мое ничего къ ней не чувствуешь. О любви нечего думать, о бракъ и шого менъе. И шакъ, обь эшомъ ни слова!“

Терезу вызвали. Г-жа Саръ къ ней прйхала.

Въ сердечныя обстояшельства, особливо двухъ любящихся, не долженъ мьшашься никто. У любовниковъ бывающъ разныя, очень опасныя причуды, пошому что они

больны душею. Имъ хоченся именно прощивнаго шому, чего хошашь ошъ нихъ. Эшо было бы нужно знанъ г-жъ Саръ и Терезъ; но здоровые рьдко помышляющъ о шомъ, каково имъ было передъ выздоровленемъ. Пошому-шо наши дамы, желая все уладить, разлаживали только.

17.

Между шьмъ бьднй Людвигъ, дразнимый своимъ мечшами и чувствами, былъ еще очень далекъ ошъ шого, чшобъ одержать надъ собою побьду, какъ можешъ бышь воображалъ. Онъ всеми силами спарался истребить образъ Фридолины въ своей памяти. Со всеми убьждениями разума представлялъ онъ себь, чшо совершенно къ ней равнодушенъ, чшо только ея миловидность поразила его и ослъпила на минушу. Ему казалось несообразнымъ съ достоинствомъ мужины, съ швердосшю его характера, пожертвовашь испышанною любовью и върностью дьвушки, которая любишь его уже шри года, первому, бьглому, едва чешырехнедльному знакомшву съ особою, которая передъ другими женщинами ошличаешся развъ только прелестями своей наружности.

Но тщетны были усилія сердца. Тщетно бралъ онъ съ груди своей поршреть Опшилли и въ самыя опасныя минуты держалъ его передъ глазами. Голубые глаза ея, какъ и прежде, выражали смиреніе. Золотые локоны все еще казались лучезарностію. Но незамѣтно зашемнялся его *наружный* взоръ, а передъ *внутреннимъ* носился образъ Фридолины, со всею невыразимою миловидностію, какую даютъ любовь и юность. Изъ ея черныхъ глазъ говорило глубокое чувство; ея темные волосы попушали пламень Опшиллиной лучезарности. — То являлась она предъ нимъ, какъ незадолго, озаренная сіяніемъ луны; по въ панцахъ, летящую воздъ него, въ ослѣпительномъ свѣтѣ пысячи огней, съ челомъ, увѣнчаннымъ радосію.

„И она меня любишь, о! конечно любишь!“ вскричалъ онъ въ воспоргѣ. Онъ взялъ опять поршреть Опшилли. Въ невинныхъ глазахъ ея прочишалъ онъ упрекъ своей невѣрности. Самъ сдѣлался своимъ обвинителемъ. Его мученіе казалось ему нестерпимымъ и тысячу разъ жалѣлъ онъ, что не остался въ ледовитой Лапландіи. Ахъ, шамъ спалъ онъ покойнѣе на звѣриныхъ кожахъ въ бѣднѣйшей хижинѣ, нежели шеперь на мягкомъ пуховикѣ.

Тереза, съ женскимъ лукавствомъ, не безъ удовольствія подкарауливала эпскурышную борьбу. „Ну, брашець,“ сказала она ему: „я шеперь вижу, что ты, какъ истинный рыцарь, останешься вѣрнѣе своей красавицѣ. Я не хочу, въ швоей волшебной сказкѣ, играть роль злой Феи и разлучать два нѣжныя сердца. Избави Богъ! — Пусть планъ мой не удался; но желанія мои должны всегда уступать швоему счастью. — Будь покоенъ. И Фридолина — ты правъ и ошибка на моей сторонѣ...“

— „Что шакое? Фридолина?“ вскричалъ съ горячністію Людвигъ.

„Она шебя не любишь. Она — однако, умѣешь ли ты молчать?...“

— „Она“... пролепешалъ Людвигъ.

„Она шайно помолвлена съ другимъ.“

Людвигъ потерпѣлъ въ эпо мгновеніе слухъ, зрѣніе и всѣ чувства; онъ не помнилъ, стоишь ли онъ, лежишь, или ходишь. Тереза говорила еще многое, но брашь ея былъ уже безжизненная спашуя; онъ не понималъ изъ всего говореннаго ни слова.

„Ты несносенъ!“ вскричала наконецъ Тереза и хлопнула его по плечу, какъ будто желая пробудить опъ сна. „Такъ вопъ благодарность за пріяшнюю вѣшь? Поздравляю Опшиллию. Она оченьпо радуется слу-

хому любовнику. Я ожидала по крайней мѣрѣ, что ты съ радости бросишься къ ногамъ моимъ, спанешь цѣловашь мои руки, вскочишь, велишь подвеси своего коня, и спросишь: гдѣ жъ она?“

— „Фридолина? — Какая мнѣ до того нужда?“

„Ты очень несправедливъ къ этой милой дѣвущкѣ и обижаешь ее. Дурно! однако мы это оставимъ до другаго времени. Я не объ ней говорила.“

— „Но вѣдь ты сказала, что она помолвлена тайно съ другимъ.“

„Я же сказала и то, что Опшилія пріѣхала, что она здѣсь и что я скоро надѣюсь познакомиться съ этимъ безвѣстнымъ Ангеломъ?“

— „Опшилія здѣсь?“

„Ну же, какъ холодно! — Я совсѣмъ не узнаю тебя. Право, подобныхъ тебѣ любовниковъ цѣлая дюжина была бы еще легка для одной дѣвущки.“

— „Гдѣ живешь Опшилія?“

„Я не знаю. Я совсѣмъ этого не знаю, государь мой. На будущей недѣлѣ ты долженъ ее увидѣть въ присутствіи двадцати другихъ дѣвицъ, тебѣ незнакомыхъ. И когда ты съ перваго взгляда узнаешь ее изъ двад-

цати, тогда повѣрю я сочувствію душѣ, и духовнымъ соотношеніямъ.“

18.

„Надѣюсь“ — сказала г-жа Сарь Фридолинѣ: „что ты только шутила, собираясь опъ меня ухашь?“

— „Нѣтъ!“ отвѣчала Фридолина: „дядя мой желаетъ, чтобы я непременно пріѣхала.“

„О, дядю я берусь успокоить. Ты огорчишь меня, если дѣйствительно такъ внезапно уѣдешь. Я должна буду подумать, что ты разсердилась за мою шушку, которой совсѣмъ бы и не было, если бъ я ранѣе знала о Гогенгеймѣ, что знаю шеперь.“

— „Что жъ ты знаешь?“

„Вчера видѣлась я съ Совѣшницей и она очень искренно говорила со мною.“

— „Ну, вѣрно не могла она сказать о немъ ничего худаго.“

„О, конечно!“ Я воображала только, что Гогенгеймъ любитъ тебя. Я принимала въ живости за чувства, и нѣжлости вкрадчиваго обращенія за слады глубокой спрасши. Но вышло совсѣмъ не то. Гогенгеймъ не любитъ тебя.“

— „Тьмъ лучше. Впрочемъ ты считаешь мнѣ по, что я давно уже знаю. Мужчины, которые все любящъ, не любящъ ничего.“

„Ньшъ, моя милая, къ Гогенгейму эпо совсѣмъ нейдешъ. Онъ уже выбралъ и оспашается вѣрнѣ своей героинѣ.“

— „Право!“

„Говорящъ, что эпо прекраснѣйшая дѣвушка. Блондинка съ глазками небеснаго цвѣта.“

— „Ну — мнѣ все равно.“

„Тебѣ все равно?“ сказала г-жа Саръ, улыбаясь, и подойдя къ ней, положила дружески руки свои на ея плечи.

— „Конечно. Развѣ ты ожидала чего нибудь другаго“ — возразила Фридолина, пощупя въ полъ пасмурный взоръ свой.

„Я очень любопытснвую узнашь, какова его златовласая подрута. Она скоро прѣдешъ къ намъ въ резиденцію. Ты должна оспашься — хошя бѣ и для шого, чшобъ видѣшь вкусъ Гогенгейма.“

— „Не спойшъ шуда! Послѣ завшра я непремѣнно вду. По мнѣ пускай обожаешъ онъ хошя десящъ блондинокъ. Желаю ему успѣховъ.“

„На швоемъ лицѣ, милая, не написано эшнихъ желаній. Боже мой! какія складки

между бровями! — И ты говоришь правду? шебъ почно все равно ?

Фридолина молчала и порывалась изъ объятій г-жи Саръ.

„Ты сердшсь на меня?“ спросила послѣдняя.

— „Ни мало.“

„Посмопри же на меня прямо.“

Фридолина подняла глаза. Слезы блиспали на нихъ. Она вырвалась. Громко рыдая, бросилась она въ свою комнату и заперлась шамъ.

Погодя немного, вынула она оспашки завядшей розы, кошорыя сберегала между своими драгоценностями, какъ лучшую изъ нихъ; эши жалкіе, изсохшіе листочки размешала она за окномъ, на волю вѣшровъ.

Въ Воскресенъе Людвигъ ошправился съ сешпрою своею въ церковь. Рѣдко посѣщаль онъ храмъ Божій, но всегда съ чувствами истиннаго благочестія; охотнѣе же всего ходилъ онъ шуда, когда сердце его было въ движеніи. Торжешвенный сумракъ между сполнами, подъ высокими сводами и въ готическихкихъ галлерейхъ храма, важноснѣ цер-

ковнаго пѣнія, возносімаго къ Престолу Всевышняго, мечты о прошекшей юности, возобновляющіяся при величавыхъ звукахъ органовъ, все его окружающее наполняло душу его благошворными чувствами. И никогда не переступалъ онъ за порогъ храма, не бывъ покойнѣе въ душѣ своей: вся природа казалась ему тогда величественнѣе.

Во время всеобщаго пѣнія, взоры его невольнo устремились на одинъ предметъ, внезапно его поразившій. На другой сторонѣ церкви сидѣла на скамьѣ у окна, между многими хорошо одѣтыми женщинами, одна, кошорой лице было сначала закрыто чернымъ, сверхъ плечь висающимъ покрываломъ. Когда же незнакомка опкинула свое покрывало, онъ едва усидѣлъ на мѣстѣ: такъ поразило его блѣдное лице съ золотыми кудрями. Еще за ошдаленіемъ скрывался ошъ него шончайшія чершты сего лица; спань же и осанка были совершенно Ошпилины.

Долго и приспально смосрѣлъ онъ. „Эшо она!“ кричалъ въ немъ внутренній голосъ и шренешъ объялъ его членами. „Эшо она!“

Его безпокойство увеличилось, когда онъ замѣшилъ, что и незнакомка спала чашто на него посмашривашъ, и попомъ обрашчалась къ сидящимъ подлѣ нея женщи-

намъ, кошорья послѣ шого шакже искали его взорами.

„Не знаешь ли ты, кто эшо?“ шепнулъ онъ Терезѣ.

— „Гдѣ?“ спросила Совѣшница.

„Вонъ шамъ, на скамьѣ у окна, за пошлѣднимъ сполномъ, въ черномъ покрывалѣ.“ Тереза улыбунулась. „Я не знаю ее.“

Эшо не знаю еще болѣе подтвердило догадку Людвига. Въ немъ возродилась полная увѣренность. Онъ не сводилъ уже глазъ съ злашовласой незнакомки, и чувствовалъ — не знаю, что — какую-шо смѣсь любви, уваженія, удовольствія и робосши.

Только въ одномъ не соошвѣшествовала Ошпилиа его ошданіямъ. Она была слишкомъ жива. То вставала она и облокачиваясь на окно, размашривала церковь; шо разговоривала съ своими сосѣдками; шо улыбалась кому нибудь изъ молодыхъ людей, споявшихъ за ее скамьею и находившихъ случай молвинъ пріятное слово; шо смосрѣла онашь въ свою книгу; шо пошравляла и перебирала складки своего покрывала, и шакимъ образомъ была въ безпрешанномъ движеніи.

Не шакую предшавлялъ себѣ Людвигъ Ошпилю. Ему мечшалась она съ прелеснію крошкой Мадоны, съ миною спрадалицы.

Живость, игривость, даже оскорбительная для святости мѣста, была не подь ладь восхитительно-жалобнымъ тонамъ ея семь.

„Возможно ли такъ обмануться? Это ли милая мечшательница?“ говорилъ про себя Людвигъ. „Думаешь ли она, какъ пишешь, и такъ ли думаешь обо мнѣ?“

Въ эгомъ раздумь взоры его невольно скользнули къ шой скамьѣ, на которой Фридолина и г-жа Сарь сидѣли въ безмолвномъ благоговѣннн. Прелестные глаза Фридолины не поднимались выше листовъ ея молитвенника. Казалось, что ижннй голосокъ ея ошъ всей души изливался въ проспранную рѣку тоновъ, звонко раздававшихся подь высокими сводами. Началось пѣнне известной спрофы:

Не щещно жаждешь шы покоя,
Воспрянь, усталая душа! и пр.

Не одна душа почувшвовала при эгомъ благошворное дѣйсннне надь собою, не одинъ вздохъ вылетѣлъ изъ спѣсенной груди. Фридолина еще болѣе наклонила свою голову, можешь бышь, чтошь скрышь слезу ошъ взоровъ людей, ея окружающнхъ. Однако бѣлый плашокъ, примышнй на глазахъ, обнаружилъ ее Людвигу.

Онъ былъ въ сильномъ волненнн. Его дыханне ускорилося. „Она спрадаешъ. Она несчастлива — ахъ, и неужели ошъ меня? Она любншь другаго, любншь несчастливо, а я? Что эшо за свѣшь, въ которомъ вопнше спремятнся другъ къ другу одинаково наспроенннн души и судьба безчувспенно смываешъ насъ въ вѣчностн, и мы, разлученные, погнбаемъ въ волнахъ, едва успѣвъ произнеснн обншь въ чнстой любви.

Пошомъ зашъли:

Конецъ борбъ настанешъ скоро,
Мннешъ спрадальческнй швой бѣтъ,
Тебѣ готовъ — успокоенъя брегъ!

Ему казалось, что все прихожане шолько для него и пѣли снн священннн слова. Онъ погрузился въ самого себя и взоръ его зашмился слезами.

Проповѣди онъ советѣмъ почши не слушалъ. Ошшнлн и Фридолина безпрерывно его занимали. Объ сидѣли въ равномъ ошъ него разспоаннн, но ни одна не помышляла, какое глубокое впечашлннне произведено ею въ сердце юноши, и какнн сравненнн между обнмн дѣлающн въ умъ его. Впрочемъ Ошшнлн не рѣдко на него посмашривала, и, казалось, взоръ ея все спановился пасмурннне. Фридолина же не бросила ни одного взгляда вокругъ себя.

Такое суровое благочестіе почти больше оскорбляло его, нежели сколько льстила ему внимательность Опшиліи. „Не удостоишь ни однимъ взглядомъ, тогда какъ знаешь она, что я здѣсь — пусть не видно ничего и дружескаго!“

Онъ спарался увѣрить себя, что весьма къ ней равнодушенъ; что даже ненавидишь ея за такіе странные поступки. Принуждая себя смотрѣть только на Опшилію, онъ извинялъ ея живость, находилъ ее любезнѣе Фридолины, и попомъ — смотрѣлъ опять на Фридолину, и какъ горько было ему, что все таки ни разу не взглянешь она.

Когда кончилось Богослуженіе, Тереза обратилась къ нему съ усмѣшкой, говори: „Не бѣхся ли твое сердце? — Опшилія вѣдь здѣсь въ церкви.“

20.

Этого еще недоставало. „Такъ это она?“ вскричалъ Людвигъ и въ то же время увидѣлъ, что блондинка поднялась и, вмѣстѣ со своими, намѣрена оставить церковь. Любопытство, любовь, надежда, а можешь бышь и маленькое мщеніе Фридолинѣ, подспрекнули его дожидаться незнакомки въ дверяхъ церкви.

Онъ пошелъ туда и вмѣшался въ толпу народа, спѣсившагося въ дверяхъ. Близъ него стояла женщина съ накиннутымъ на лице чернымъ покрываломъ. Черны этого лица скрывались за флеромъ и по недоспащку свѣта опъ огромныхъ столбовъ и сводовъ. Но незнакомка смотрѣла на него. Онъ почувствовалъ, что какая-то пѣвненькая ручка взяла его руку; почувствовалъ легкое пожатіе, пожалъ самъ, и не помнилъ уже ни о чемъ въ свѣтѣ.

„Возможно ли?“ думалъ онъ: „Это она! Она узнала меня еще въ церкви — такъ вошь опъ чего ея радость, ея безпокойство, ея живость. Но какъ же она узнала меня? Мое имя здѣсь неизвѣстно. Развѣ Тереза...?“

Тутъ выбрались они изъ толпы на партеръ. Онъ все еще держалъ маленькую мягкую ручку. Кареша ожидала ихъ. Боже мой! какой злой обманъ! Подъ роковымъ флеромъ скрывалась не блондинка, а г-жа Саръ. Онъ повелъ ее къ карешѣ, въ смущеніи, которое возрасло еще больше, когда увидѣлъ онъ идущую сзади Фридолину, и когда принужденъ былъ и самъ състѣ вмѣстѣ съ ними, волею или неволею — разсуждать было нѣкогда.

Довольнѣ всѣхъ казалась г-жа Саръ. Фридолина, съ полупоникшимъ, пасмурнымъ

взоромъ, сидѣла прошивъ врага своего, кошорый, въ своемъ замѣшательствѣ, спалъ дѣлать самыя опривисныя вопросы и получалъ отвѣты, еще болѣе опривисныя.

Г-жа Сарь нѣсколько времени поглядывала на нихъ съ насмѣшливою улыбкою. „Теперь вижу, друзья мои“ — сказала она: „что вы между собою большіе враги. — Боже мой! какіе ужасные взгляды бросаете вы другъ другу! мнѣ даже спрашно за васъ въ шакомъ нѣсномъ мѣсѣ. Поберегите свой гнѣвъ хошь до нѣхъ поръ, когда мы выйдемъ на свободу.“

— „Не знаю, сударыня“ — лепешала Людвигъ: „съ чего кажешся вамъ, что я... можете бытъ дѣвица Бернекъ... въ шакомъ случаѣ... не моя вина...“

„Извольте посмотрѣть, какая невинность! Не вы ли покраснѣли съ досады, когда увидѣли Фридолину? Не должна ли я была, по вашимъ движеніямъ въ дверяхъ церкви, заключить, что вы готовы съѣсть ее передъ глазами всѣхъ прихожанъ? Не приуждена ли я была держать васъ?“

— „Неужели и у васъ такія же обо мнѣ мысли?“ спросилъ Людвигъ Фридолину.

„Развѣ не знаете вы, что г-жа Сарь любитъ шумить?“ отвѣчала Фридолина строго и пошучила глаза.

Кареша оспановилась. Людвигъ, выгадавъ, долженъ былъ проводить ихъ въ комнаты и оспанѣться самъ на минушу. Г-жа Сарь, будно бы опозванная домашними дѣлами, вышла, и Людвигъ остался наединѣ съ Фридолиною.

Послѣдняя почувствовала злобный умыселъ своей пріятельницы и снова нѣмъ оскорбилась. Людвигъ потерялъ всю бодрость. Никогда не чувствовалъ онъ такъ живо, сколь мила спала для него эпа дѣвушка. Уже ясно предсѣвилось ему, что она любима имъ болѣе, нежели Ошпилия.

„Такъ и вы были въ церкви?“ спросила наконецъ Фридолина, чтобы спросить что нибудь.

— „Вы не видали меня? Вы не хотѣли меня видѣть — едва и шеперь меня замѣтили. Что жъ такое сдѣлалъ я вамъ?“

„Ничего — совершенно.“

— „Такъ безъ причины вы ненавидите меня?“

„Напрасно вы это думаете. И кто могъ вамъ сказать это?“

— „Вы сами, хоши и не на словахъ. Ахъ, Фридолина — если я смѣю называть васъ еще эшимъ прекраснымъ, дружескимъ именемъ — спало бытъ, почно было дурное предзнаменованіе, когда рассыпалась роза и

ми оспались шипы! — Но и они берегутся у меня, как драгоценнѣйшее сокровище.“

„Г. Гогенгеймъ, вспомните о вашихъ отношеніяхъ, — вамъ нельзя такъ говорить. У васъ есть другая, лучшая подруга, копорая готовишь вамъ розы — что жъ вамъ заботиться о шипахъ иного рода?“

— „Для меня нѣтъ болѣе розъ. Фридолина, нынче для насъ послѣдній день; позвольте мнѣ только сегодня быть ошкровленнымъ — ахъ, я очень несчастливъ...“

„Избави Богъ! Но, если не теперь, то послѣ вы будете счастливы. Забудьте, что мы имѣли свою минушу слабости. Ваше сердце принадлежало другой. Сегодня послѣдній вечеръ проведемъ мы вмѣстѣ. Пошараемся же испребишь пошомъ всякое воспоминаніе другъ о другѣ. Ошавимъ пуштую мечшательность! Бросьте шипы — у меня и розы ваши не уцѣляли: онѣ мнѣ и не принадлежали.“

Все это сказано было не сурово, но строго. Людвигъ шрепешалъ пришепыженный. Онѣ напечаталъ жаркій поцѣлуй на руку Фридолины, повернулся и оставил ее.

21.

Послѣ такого объясненія Людвигу не оставалось болѣе радостей въ мирѣ. Съ ра-

спроеннымъ лицомъ возвращался онѣ домой, заперся въ своей комнашѣ и не вышелъ къ обѣду.

„Я люблю ее“ воскликнулъ онѣ: „и одну ее! Какой пагубный призракъ воображенія привлекалъ меня къ этой Ошпилии, копорой я не зналъ. Съ Фридолиною былъ бы я счастливъ, но я пожершвовалъ своимъ спокойствіемъ пушной швни — ахъ, что я говорю я, швни? — жалкимъ, ребяческимъ грезамъ, глупымъ причудамъ. И шакъ должно ошказаться онѣ небесъ, къ копорымъ раскрывались мнѣ двери? Уже не могу ожидать я другаго на землѣ счастья, кромѣ шого, что мало по малу кровавыя раны мои будущъ приближашъ меня ко гробу. Уже не буду я счастливъ любовью, пошому что только одна надежда доддается ей сердце. Только одна весна бываешъ въ жизни — все прочее ушоминштельное льшо, которое болѣе шревожитъ, нежели подкрвляешъ! — Ошпилия! я кляса шевъ въ вѣчной дружбѣ: пожершвую собою этой дерзкой кляшвѣ. Я швой — чѣмъ кшо несчастивѣ, шѣмъ ошониѣ шараешся онѣ дѣлать счастливыми другихъ.“

Вскорѣ послѣ обѣда собрались у Совѣшницы госпи. Одна Фридолина явилась поздно. Она занималась укладкою вещей своихъ

для опъзда; покрайней мѣрѣ шакова была опговорка, копорюу она воспользовалась, чшобъ сократишь горькіе часы эпого веча. Людвигъ поже не выходиль. Тщешны были спаранія хозяйки, чшобъ его вызвашь. Онъ боялся свиданія съ Фридолиной, — бо-
 лаяся минушы разлуки.

22.

Оба явились наконецъ почти въ одно время. На лицахъ обоихъ написано было уныніе, пишавшее ихъ души. Они спарались бышь какъ можно далье другъ опъ друга; но мысли ихъ вспрѣчались вездѣ. Украдкою стремились ихъ взоры, чрезъ всю шолпу собранія, другъ къ другу.

Подали свѣчи. Тереза и г-жа Сарь были шакъ веселы, чшо одушевили собою все собрание, и всѣ ликовали съ ними. Только Людвигъ и Фридолина осшавались нѣмы, какъ будшо совсѣмъ не принадлежали къ эпому веселому обществу.

Совѣшница поведла наконецъ браша своего къ форшепяно. „Если не хочешь говоришь“ сказала она: „шо дай по крайней мѣрѣ хощь иначе себя слушашь.“

„Такъ вы играешь на форшепяно!“ вскричала г-жа Сарь. „Ну, какъ же вы умѣ-

еще скрываеть свои паланшы! прошу, безъ околичностей. Мы хощимъ васъ слушашь; мы приказываемъ. Вы сегодня очень невѣжливы, и пошому васъ надобно взять въ руки.“

Людвигъ съль за форшепяно. „И Фридолина шебя слушаешь — можешь бышь игра швоя привлечешь ее поближе!“ — шепшала ему любовь, шщеславие и надежда.

Онъ фаншазировалъ самыми унылыми и мрачными шонами. Госши обшупили его; шолько Фридолина оставалась въ ошдаленіи, непривлеченная игрою.

Въ печальномъ расположеніи духа напалъ онъ невольню на нѣкопорыя мѣсна изъ своей *жертвы смерти*, посредшвомъ копорой познакомился съ Опшиліею. Пошомъ всю эпоу музыку повшориль онъ еще, сопровождая своимъ голосомъ. Сердце его издывалось свободно въ прогашельныхъ жалобахъ, смягчаемыхъ религіозными чувшвами.

Торжешвенная шишина въ залѣ свидѣтельшествовала, съ какимъ вниманіемъ и участиемъ его слушающь. Игра и пѣніе Людвига опзывались въ сердць каждаго. Тихое уныніе служило приготошвленіемъ къ послѣдовавшей вскорѣ всеобщей горешши.

Но никшо не чувшвовалъ сильнѣе Фридольны. Она вдругъ зарыдала и шихонько удалилась изъ залы.

Это не помѣшало пѣвцу, но другое обстоятельство встревожило его до крайности. Уже онъ кончилъ пѣніе, кошорое сопровождалось еще нѣсколькими исчезающими звуками. Вдругъ является Амось и пропѣвая къ нему чрезъ толпу окружающихъ его слушателей.

„Письмо изъ Исландіи!“ закричалъ онъ своему барину.

— „Опять Исландское письмо!“ сказала, смѣючись, г-жа Сарь.

„Какъ? изъ Исландіи?“ заговорилъ съ удивленіемъ все общешство.

„И адресъ написанъ по Исландски же?“ спросилъ одинъ Профессоръ и заглядывалъ на письмо черезъ плечо Амоса.

Людвигъ пренепалъ, самъ не зная, опъ чего. „Но вѣдь нынче не почтовый день. Откуда же письмо, Амось?“

— „Его принесли сюда въ домъ!“ опъ вѣчалъ Амось: „А что оно изъ Исландіи, шо я гошовъ голову свою прозакладовашъ. Ужъ памощнія письма я очень знаю!“

Людвигъ взялъ письмо, оно было опъ Опшиліи. На конвертѣ не сполало никакого почтамтскаго знака; адресовано было оно въ Копенгагенъ.

Тереза опведала браша своего въ спору. „Твои Исландскія письма“ — сказала

она: „рѣдко располагаюшь себя къ веселости. Поди же въ кабинетъ, чпобъ никто не увидѣлъ по крайней мѣрѣ швоего пасмурнаго лица.“

Съ сими словами, шушя, полкала она его въ боковую комнату. Тамъ было темно-вашо. Одна полка свѣча горѣла на столѣ передъ зеркаломъ. Дрожащею рукою распечаталъ онъ пакешъ, и увидѣлъ давно знакомый почерткъ Опшиліи. Въ письмѣ прочиталъ онъ слѣдующее:

„Я въ резиденціи, любезный Теодоръ, и завпра опять изъ оной уѣзжаю. Сюда пріѣхала я за тѣмъ, чпобъ узнать что нибудъ о тебѣ и познакомишься съ швоею сеспрою. Одна изъ подругъ моего дѣшства взялась предшавить меня ей подъ чужимъ именемъ, для того, чпобъ сеспра шволя не опкрыла того тебѣ. Теперь я сама тебѣ опкрываюшь, и не хочу ничего опъ тебѣ сокрышь. Тебя не хочу я никогда обманывашъ, даже и самымъ невиннымъ образомъ. Требую же чпобъ и ты былъ ко мнѣ великодушень.“

„Я несчастлива, любезный Теодоръ. Попробую дашь тебѣ опченъ въ моихъ чувстввахъ. Не осуждай меня, пока не прочтешъ нѣсколько разъ, съ полнымъ хладнокровіемъ и разсудительностію сихъ спрокъ, писанныхъ въ большомъ волненіи духа.“

„Не шебъ, но себъ самой поклялась я, не давашь руки своей никому изъ мужчинъ, пока не узнаю шебъ лично. Я поклялась ошдашь шебъ свою руку, если ты найдешь меня шого достойною. — Ты пошребоваль мой поршреть. Я послала шебъ чужой, чшобъ имѣшь удовольствіе узнать шебъ со временемъ, не бывъ узнанною. Признаюшь шебъ во всемъ, Теодоръ, — во всѣхъ невинныхъ моихъ хипросняхъ; — ахъ, мнѣ надбно признашьсь болѣе, нежели въ эпошь!

„Одинъ благородный молодой человекъ, уже помолвленнй съ другою, увидѣль меня здѣсь. Я слишкомъ поздно узнала о прежней любви его... онъ человекъ очень добрый. Я видѣла шайную борьбу его,.. онъ остался вѣренъ своей избранной; но сердце его уже не было вѣрно ему. Онъ даль мнѣ замѣшшь спрасшь свою. — Теодоръ, я увлеклась... да, Теодоръ, я полюбила его. Но онъ оспался вѣренъ своей невѣсшь, а я шебъ. Я сама во всемъ признаюшь шебъ... я сама... Ты вѣрно его знаешь. Онъ дальній швой родшвенникъ. Имя его Людвигъ Гогенгеймъ.

„Онъ знаешь меня подѣ вымышленнымъ именемъ Фридолины Бернекъ...“

Теодоръ не могъ чшашшь далѣе. „Боже мой, эпо Ошшилія!“ Пролепешаль онъ и упаль безъ чувсшь на полъ. Тереза и г-жа

Саръ, кошорья спояли у дверей кабинеша и шуда заглядывали, вдругъ закричали объ. Онъ бросились къ Теодору, — онъ лежалъ, весь помершвѣльй, лице — какъ полошно, глаза закашились.

Тереза, рыдая, кинулась на шручь своего брата. Всѣ гости спѣшшми на крикъ.

„Теодоръ! Теодоръ!“ кричала Тереза: „о, милый брашь мой!“

Ея крикъ возжегъ въ немъ искру жизни. Его подняли и нѣскольکو друзей держали на рукахъ своихъ. Тереза, на кольнахъ передъ нимъ, съ плачемъ и эпономъ швердила его имя.

Между шѣмъ Фридолина вошла въ опущѣлую залу. Одна шолько г-жа Саръ вспрѣшшла ее шамъ, ломая руки. Между шѣмъ и шуда доходили эпоны Терезы и безпреспаннй крикъ: „Теодоръ, милый брашь мой!“

Ужась овладѣль Фридолиною. „Ради Бога, скажише, чшо шакое?“ вскричала она, схавивъ съ жаромъ г-жу Саръ за руку.

„Ахъ, милая Ошшилія, эпо была шупка — неудачная, несчастная шупка — поди шуда! Ошшилія, вѣдь эпо брашь Терезы — вѣдь Гогенгеймъ — Теодоръ — —“

Болѣе г-жа Саръ не могла говорить. Она вошла опяшь въ кабинешъ. Тамъ го-

сти, беспорядочными группами, со свѣчами въ рукахъ, спояли вокругъ оживающаго брата Терезы. Уже на лица всѣхъ возвращалась радость. Только Тереза все еще плакала на груди его.

Ошведише меня къ Ошшиліи!« шепталь онъ едва внятно: „ошведише меня къ ней!“

Тереза вскочила и побѣжала въ залу. Тамъ стояла Фридолина, прислонясь уныло къ окну. „Ахъ!“ вскричала Тереза: „милая, милая Ошшилія! не покинь моего брата!“ и бросилась, рыдая, къ ней на шею.

Между тѣмъ изумленные, ничего непонимающіе госии ошстунили и дали дорогу Терезѣ, которая вела уже Ошшилію къ своему брату. Теодоръ узналъ свою возлюбленную. Онъ съ усиліемъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и пролепеталъ: „Я Теодоръ!“

„Ошшилія! не покинь моего брата!“ вскричала опять Тереза.

„О Теодоръ!“ сказала Фридолина измѣняющимъ ей голосомъ и, рыдая, бросилась въ объятія любезнаго. „Ошшилія! — Теодоръ!“ эшо были единственныя слова, произносимыя счастливыми. „Ты моя, Ошшилія?“ — „На вѣкъ!“ Они ушопали въ восторгъ.

Съ радостными слезами на глазахъ обняла Тереза г-жу Саръ: „впередъ будемъ шупитиъ умнѣ!“ сказала она.

„А я“ — примолвилъ вѣрный Амось, кошорый забопливо споялъ въ опдаленіи: „въ жизнь мою не принесу ему больше ни одного Исландскаго письма.“

II.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ УЧИЛИЩЪ.

(Продолженіе.)

Нѣтъ сомнѣній, что въ числѣ классическихкихъ сочиненій, ешь и такія, коихъ чшеніе пребуешъ разборчивости со спороны учащихся. Такъ напримѣръ благородный наставникъ изъ Горація и Капулла, можешъ опускаться разныя мѣста, а изъ Пешронія и Марціала, онъ предсавитиъ ученикамъ своимъ одни только извлеченія (с. 198 и 199). Иужели Учишель Закона Божія,

кошорый въ поже время естъ и нравоучи- шель, не успѣшь впечашльшь въ юношахъ чувствива благоправія и уваженія къ прави- ламъ, предписаннымъ Религіею? — Та добродѣшель, говоришь одинъ Англійскій Писа- шель, кошорая шребуешь непрерывнаго за собою надзора, конечно не споишь спере- женія (с. 199).

Сокрашь и Платонъ уже предчувство- вали нужду въ Св. Опкровеніи (с. 197). Да и много ли вообще такихъ древнихъ Пи- сашелей, коихъ полное чтеніе могло бы бышь опасно для юношества? напрошивъ сего въ Сокрашь и Платонъ, въ Цицеронъ и Сенекъ, въ Эпикшетъ и Маркъ Авреліи, сколько ушвшинельнаго для челоувѣчества! Свидѣшельствую о семъ, уже Эразмъ Рот- тердамскій говорилъ, что чтеніе класси- ческихъ Писашелей (особливо Цицерона) служило ему къ обузданію спрасней и къ душевному успокоенію (с. 201).

Истинное Христіанство ограждаешь классическое ученіе ошь несправедливыхъ нареканій, а Классики въ свою очередь спо- собствуюшь къ убѣжденію въ истиннъ Хри- стіанскаго ученія (с. 204 *). Даже въ шъхъ

(*) Сл. *Fr. Jacobi*, *Vermischte Schriften* Th. I, s. 44. Также *Jenaische Allg. literatur-Zeitung*, 1826, N. 209, с. 228.

случаяхъ, въ коихъ древніе Писашели не могушь вполне удовлетворить всемъ пошреб- носиямъ нравственнаго нашего бышія, они полезны, ибо заспавляютъ прибѣгнушь раз- судительныхъ чпшашелей къ успокоитель- нымъ доводамъ, предспавляемымъ Св. Оп- кровеніемъ. Словомъ, ученіе Закону Божию и древнимъ языкамъ, должны бышь нераздѣль- ными основами благоразумнаго воспитанія.

Но оспашеешь еще защишишь классиче- скихъ писашелей противъ полишическихъ обвиненій шъхъ, кошорые говоряшь: „Юно- ши, занимающіеся слишкомъ много класси- ческою Лпшерашурою, привыкають къ „республиканскому образу мыслей; они по- „лучають ошвращеніе ошь монархическаго „образа правленія и бывають недовольны „гражданскимъ бышомъ своего времени.“

Въ опроверженіе сего мнѣнія Г. Тиршь (с. 207, 210) замѣчаешь слѣдующее:

1. Коренное понятіе о монархическомъ правленіи оживошворено и развито въ обра- зъ мыслей и въ безмерныхъ швореніяхъ древнихъ Грековъ. Царь, по мнѣнію ихъ, по- спавляется самимъ Зевесомъ; власшь его, естъ власшь, дарованная ему ошь Бога; — подобно Юлиперу, и ему присвоенъ жель правосудія, скипетръ, а не мечъ.

2. Гражданское устройство разныхъ странъ Греціи было споль различно, чшо объ одномъ, какомъ бы шо ни было республиканскомъ правленіи, и говоришь нечего. Тамъ правленія Демократическія и Аристократическія, Олигархіи и Монархіи существовали въ одно и шо же время. Наконецъ

3. Классики постоянно швердятъ, чшо покорность существующимъ послановленіямъ, естъ первый долгъ каждаго гражданина. Греки ненавидѣли шолько шيرانовъ низкаго происхожденія, кошорые, присвоивъ себя противозаконную власть, могли поддерживать оную одними лишь прешупленіями.

И шакъ, можешь ли благоустроенное Правительство опасаться какаго либо вреда отъ Классиковъ, кошорые въ древней комедіи и въ рѣчахъ своихъ открывають юношамъ, всѣ недоспапки Республикъ; всѣ буйства Аѳинской Демократіи, и жестокость Спаршанскаго Аристократизма (с. 211)? Пагубно, когда всѣ хошашъ бытъ правителями; но вредно и шо, когда Государство по частямъ или, по разнымъ вѣшвамъ, опдаешся въ совершенную власть и на произволь немногимъ.

Ненавистники классическаго ученія, не сошлюшся ли на послѣдніа важнѣйшіа рево-

люціи въ Европѣ? Не укажутъ ли на Великобританію и Францію? — Въ Англіи Кромвель дѣйствовалъ не посредствомъ Классиковъ: онъ упошребилъ во зло слово Божіе, Вѣхій Завѣшъ; а за Рейномъ разныа подражанія древнимъ, существовали шолько по однимъ названіямъ. Тамъ образцы были заимствованы не отъ самихъ классиковъ, но отъ новѣйшихъ изуродовашелей оныхъ. И развѣ неизвѣстно, чшо шѣ самые велерѣчивые республиканцы, кошорые шщеславились наименованіями Брушовъ и Аришпидовъ, не знали по Лашши, а и шого менѣ по Гречески (*)?

Сего конечно довольно для убѣжденія, не шокмо въ безвредности, но и въ самой необходимости основашельнаго классическаго ученія. Къ чему однако, можешь бышь скажутъ нѣкошорые чшашели, къ чему познанія древнихъ Писашелей, съ конми мы разшаемся на всю жизнь, при выходѣ изъ Училища? Предлагающимъ сей вопросъ Г. Тиршъ ошвѣшшвуешь: справедливо ли по

(*) Подробнѣе о семъ говоришь одинъ изъ почтеннѣйшихъ знашюковъ древности Г. Ротъ (Friedr. Roth) въ книгѣ: Ueber die fortdauernde Abhängigkeit unserer Bildung von der classischen Gelehrsamkeit. Nürnberg, 1825, на с. 5.

себѣ всегда судишь и о другихъ? Если ваши наставники не умѣли внушить вамъ всегдѣшной приверженности къ предметамъ, которыми они васъ занимали, если изученіе древнихъ языковъ вами не доведено до той степени, чтобы вы и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, еще безъ труда могли читать произведенія Латинскихъ и Греческихъ Авторовъ; то ужели позволительно думать, что способа ученія, а съ нимъ и успѣховъ учащихся невозможно усовершенствовать? Успѣхи и плоды такого усовершенствованія поднесъ уже восхищающъ знающему. Уже существующъ и между нами люди, и въ зрѣлости лѣтъ съ удовольствіемъ обращающіеся къ друзьямъ своей юности. Подобно многимъ знаменитымъ Англичанамъ, и у насъ есть мужи Государственные вѣхъ разрядовъ и славные воины, которые, для отдохновенія оныхъ должностныхъ занятій, проводящъ часы свои съ отличнѣйшими Писателями временъ давнопрошедшихъ. И сіи-то мужи, — (обстоятельствомъ, которое заслуживаетъ особенное вниманіе) — сіи-то самые почитаемые Классиковъ, суть въ то же время и превосходнѣйшіе исполнители возлагаемыхъ на нихъ должностей!

О способѣ классическаго ученія.

Предоставляя другимъ любителямъ просвѣщенія, болѣе меня свободнымъ оныхъ различныхъ занятій, изложу соотечественникамъ нашимъ подробно содержаніе остальныхъ двухъ книжекъ сочиненія Г. Тирша, или же вполнѣ переведу оное на Россійскій языкъ, я не могу не коснуться хотя вкратцѣ содержанія оныхъ, не могу не упомянуть еще хотя о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ сего Автора, заслуживающихъ особенное уваженіе.

Говоря о томъ, какъ надлежало бы *распорядить классическое ученіе*, Г. Тиршъ раздѣляетъ все вообще Училища на *первоначальныя* (народныя, или домашнія).

Предварительныя (Vorbereitungsklassen, Bürgerschulen), въ коихъ дѣти могутъ находиться съ 8 до 12 или 13 лѣтняго возраста.

Нижнюю, изъ двухъ классовъ состоящую *Гимназію* (Das untere Gymnasium) и

Высшую Гимназію (Das obere Gymnasium).

Главнымъ руководствомъ всего ученія должно служить правило, чтобы ничему не учились поверхностно. Основательность пусть болѣе, нежели гдѣ-либо безусловна.

О первоначальномъ, домашнемъ, или народномъ ученіи, Сочинитель говоритъ между прочимъ, въ спашь о преподаваніи Закона Божія.

Во предварительныхъ Училищахъ, долженствующихъ бытъ во всѣхъ малыхъ городахъ, обучаетъ одинъ Учитель (с. 231 *); принимаешь въ оныя должно дѣшей никакъ не саръе 8 лѣтъ, если оныя еще вовсе не учились по-Лашыни. Учить Лашинскому языку наровъ съ ошечешвеннымъ. Не переводить въ Гимназію учениковъ, незнающихъ совершенно сокращенной Лашинской Грамматики, и неумѣющихъ безъ погрѣшностей прошить Синтаксиса переводить на Лашинскій языкъ, незнающихъ содержанія легчайшихъ жизнеописаній Корнелія Непоча, или хрисоматіи прозаической и піитической (с. 234). Четырехлѣтній курсъ въ сихъ Училищахъ, можешь бытъ раздѣленъ на произвольное число классовъ; удобнѣе всего однако раздѣлишь оный на чешыре. Когда же число учащихся въ каждомъ классѣ менѣе 20, тогда полезно соединяешь по два класса вмѣстѣ, а при меньшемъ еще числѣ, и всѣ чешыре слишь воедино (с. 237).

(*) *Одинъ*; — оная сходство съ мнѣніемъ Г. Брауншвейга.

Число Учителей, судя по словамъ Автора, нужно будетъ умножить только въ помѣслучаѣ, когда учениковъ будетъ слишкомъ много (с. 237). Лашинскому языку (вмѣстѣ съ ошечешвеннымъ) обучаетъ по два часа въ день, т. е. по 12 часовъ въ недѣлю (остальные часы, числомъ 14, по предположенію Автора, употребляетъ на изученіе другихъ предметовъ). Учителями въ сихъ предварительныхъ Училищахъ, могутъ бытъ опредѣляемы и такіе люди, которые сами не успѣли довершить курса ученія въ Университетѣ. Но предметы Гимназическіе, хотя нѣкоторыхъ классовъ оныхъ, должны имъ бытъ совершенно извѣсны. Полезно бы было, чпобы къ способу преподаванія, они предварительно навывали въ качествѣ Учительскаго помощника (с. 229).

Авторъ, между прочимъ, весьма похваляетъ въ семь отношеніи устройство подобныхъ городовыхъ, или уездныхъ Училищъ (Praesepiorschulen) въ Виртембергскихъ владѣніяхъ. Весьма полезны, по его мнѣнію, производимые ежегодно въ Шпупгартѣ испытанія тѣхъ учениковъ, которые назначаются для Богословскаго курса. Превосходнѣйшіе изъ нихъ, попомъ воспитываются на счетъ благотворныхъ спонсидій, въ пакъ называемыхъ Мопащырскихъ Учили-

цахъ (Klosterschulen, с. 231). При шаковомъ соревнованіи учащихся, а наипаче самихъ учащихся, 12 лѣтніе мальчики обыкновенно уже твердо знаютъ Лашинскую Грамматику, а 14 лѣтніе и Греческую, и даже Еврейскую (с. 232); и все это безъ излишняго напряженія, не ко вреду, но даже къ пользѣ тѣлесныхъ силъ (с. 232) (*).

О раздѣленіи *нижней Гимназій* на два класса, и о томъ, въ чемъ со строгостію долженъ быть испытываемъ каждый ученикъ, въ оную поступающій, упомянуто уже выше. Продолжая ученіе Лашинскому языку, пусть уже преподаются и Греческій. Учишель, неумѣющій въ одинъ годъ научить дѣшей правиламъ Грамматики и Синтаксиса, не способенъ для исполненія своей должности (с. 240) (**). Тутъ въ печеніи двухъ

(*) Кто при этомъ случаѣ не вспомнилъ о недавно дошедшемъ до насъ извѣстіи, что одинъ изъ Виртембергскихъ ученыхъ самъ изучилъ Россійскому языку, для того, чтобы заняться преподаваніемъ онаго юнымъ единосемцамъ своимъ, желающимъ со временемъ переселиться въ Россію?

(**) Уже выше Г. Тирша говоритъ, что онъ по переселеніи своемъ въ Мюнхенъ, желая показать, сколь не трудно изучить дѣшей Греческому языку, успѣлъ въ печеніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, довести 10 и 12 лѣтнихъ учениковъ до чтенія Одиссея.

дѣшь обучать должно еженедѣльно по 8 часовъ Лашинскому и по 6 часовъ Греческому языку. Для руководсва полезно издашь особья Хрисоматіи, о составѣ конхъ Авторъ нашъ говоритъ на с. 241 и 242.

Въ 1824 году опредѣлено, *чтобы ни въ какомъ классѣ Баварскихъ училищъ не было болѣе 40 учениковъ (с. 245). Число сіе, по мнѣнію Г. Тирша, дѣйствительно наиболѣе соотвѣтствуетъ предназначенію учебныхъ заведеній.* Но если явятся болѣе 40 учениковъ, ужели опказывать имъ въ пріемъ? Нѣтъ, это было бы несправедливо въ отношеніи къ частнымъ лицамъ и вредно для общесва. Для сего-то Авторъ нашъ предполагаетъ успроишь *Вспомогательные классы (Nebenklassen, с. 256).* Въ низшихъ (народныхъ) и пригошовишельныхъ училищахъ, при размѣщеніи учащихся въ главный и вспомогательный классы, смотрѣнь должно только на число оныхъ (и по разумѣтся тамъ только, гдѣ не введенъ способъ ученія Ланкастерскій). Въ Гимназій же въ главный классъ помѣщать лучшихъ по экзамену, а прочихъ въ классы вспомогательные (с. 257). Какъ однако Гимназическій, на сей случай составляемый Комитетъ испытаній (eine auf bestimmte Zeit zusammentretende Behörde, — Collegium, с. 258.)

же въ состояніи подвергать экзамену до бо-
учениковъ, для того только, чтобы узнать,
кого помѣстить въ главный и кого въ вспомо-
гательный классъ; но надлежитъ полага-
ться на свидѣтельства Учицелей приуго-
товительныхъ Училищъ, повѣряя токмо оное
вообще испытаніемъ, на сей-то конецъ учре-
ждаемымъ. При переходѣ въ каждый высшій
классъ, должно слѣдующаго свидѣтельства вспомо-
гательныхъ классовъ съ балами учениковъ
главнаго класса, дабы изъ всѣхъ вообще
учащихся избирать лучшихъ (с. 259). Та-
кимъ образомъ ученикъ, оставшій оныя по-
варницей своихъ въ главномъ классѣ, будетъ
перемѣненъ при слѣдующемъ переводѣ во
вспомогательный классъ (с. 260), а на мѣ-
сто его поступитъ уже другой принадлежнѣй-
шій.

Въ томъ же 1824 положено, чтобы ищю-
щіе учительскаго мѣста, по крайней мѣ-
рѣ въ продолженіе одного года приобрьтали
навыкъ, обучая при какомъ либо учебномъ
заведеніи. Ся-то Кандидаты, по надлежа-
щемъ испытаніи и одобреніи оныхъ, могли
бы учить во вспомогательныхъ классахъ
(с. 261), и то безвозмездно, или же по-
лучая весьма небольшое жалованье, которое
можно было бы составить изъ плашежа уче-
никовъ, посѣщающихъ оныя классы (с. 262).

Очевидно, что при такомъ устройствѣ
должно родиться полезное для училищъ со-
ревнованіе между настоящими Учицелями и
Кандидадами (с. 263), и между самими уче-
никами главныхъ и вспомогательныхъ клас-
совъ (с. 264). Тогда-то, когда въ классы
принимается будетъ не болѣе 40 учениковъ,
вовсе не нужны будутъ и домашніе учице-
ли (такъ называемые *Инструкторы*, — In-
structoren, с. 265 — 274). Вспомогатели сии,
при хорошемъ состояніи училищъ, даже
вредны; о безполезности же оныхъ свидѣ-
тельствуемъ наипаче городъ Нюренбергъ, гдѣ
до лучшаго устройства Гимназій, (кошорымъ
городъ сей обязанъ одному Виртембергско-
му Педагогу), издерживалось въ годъ до 30,000
гульденовъ на содержаніе такихъ домаш-
нихъ учителей. Нынѣ прежніе Инструкторы
сіи разсыпались; нѣкоторые же изъ нихъ,
по словамъ тамошняго Бургомистра, въ
самомъ Нюренбургѣ торгуютъ чернилами,
перьями, бумагою и ш. п. Существованіе
сихъ Учицелей можетъ имѣть только от-
носительную пользу (relativen, bedingten Nutzen)
тогда, когда Училища еще неблагоустрое-
ны, когда наприм. число учащихся въ клас-
сахъ не соразмѣрно велико, (*) или же ко-

(*) Тамъ, гдѣ Правительство само обезпечиваетъ
ученіе 40 учениковъ въ каждомъ классѣ, слѣдствен-

гда домашнее воспитание шаково, что оно могло бы в дѣняхъ испреблять все добро, выишаемое имъ въ самомъ классѣ. Въ шакомъ случаѣ конечно благообразованный домашній учитель, можешь принесть въкошорую пользу, служа, шакъ сказашь, опшодомъ нагубныхъ для юношества впечатлѣній. Къ социальнѣю однако худые примѣры праздныхъ родителей и пребываніе дѣшей въ полѣ невѣжесшвенныхъ слугъ, оставляющъ по себѣ шакіе слѣды, кошорые рѣдко совершенно изгладишь можно.

но по предположенію Г. Тирша, около 240 въ шешикласной Гимназіи, и до 160 въ четырех-классномъ пригошовишельномъ (Уѣздномъ) Училищѣ, — ужели шаъ, въ случаѣ великаго умноженія учениковъ (какъ наприм: въ Виленской Гимназіи, гдѣ нынѣ числишся оныхъ 642), достаточные родители не согласятся взносить ежегодно небольшую плату за ученіе дѣшей своихъ? При шаковой же платѣ и при пособіи со стороны Градской Думы, кажется, не трудно бы вмѣсто одного училища учредить шаковыхъ два и болѣе, смошра по мѣрѣ надобности. Тогда Кандидаты могли бы пособлять самимъ учителямъ, преподавая предметы ученія подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ. Должно при этомъ случаѣ обращить вниманіе и на то, что въ низшихъ училищахъ; для въкошорыхъ предметовъ, преподаваемыхъ по Ланкастерской методѣ, число учащихся можешь быть несравненно большее, нежели въ Гимназіяхъ-еихъ классахъ.

Читатели конечно помнятъ, что цѣлю воспитанія Г. Тиршъ почитаешь *людо-скость*, основанную на *знаніи*, *нравственности* и *вкусь*. Тѣ шокмо по испинѣ достойны названія доучившихся (ученыхъ), кошорые соединяющъ въ себѣ сіи при условія, совершенно благовоспитаннаго человека; шокмо они могутъ съ пользою для ошечества занимать важнѣйшія въ Государствѣ мѣста, приспособляя познанія свои къ практикѣ, или же передавая оныя попомощву для предбудущаго овещесшвошворенія.

По сему-шо юноши, гошовящіяся къ высшимъ должностямъ, или къ ученому какому либо званію, должны въ Гимназіяхъ довершать полный курсъ ученія, и изъ оныхъ уже переходить въ Университеты. Для сихъ-шо именно юношей учреждающъ высшія Гимназіи. Но въ гражданскомъ бышу, мы находимъ много и другихъ еще сосшояній, кошорыя не имьющъ нужды въ высшемъ классическомъ ученіи. Сюда принадлежашъ всѣ шѣ, кои со временемъ должны управлять большими заводами, фабриками или мануфактурами и шорговыми домами, шажѣ назначаемые для поспушенія въ военную службу, для сауженія по части Пушей Сообщенія, по Соляной, Горной, Почтовой и Таможенной; равношрцо будущіе домовод-

цы, и наконецъ всѣ шѣ, кои предназначены быть писцами и вообще гражданскими чиновниками низшаго разряда (с. 275).

Сии, для коихъ высшій познанія не могутъ быть необходимо нужны, присущившемъ своимъ въ высшихъ классахъ Гимназій, могли бы только обременять оную, между тѣмъ, какъ они сами имѣють нужду въ ученіи другаго рода.

Есть конечно и нынѣ еще люди, полагающіе, что дѣшею до тринадцати - дѣсятиго возраста должно бы приговаривать вообще только къ гражданскому быту, а съ 14 года уже тѣхъ, кои назначаются для ученыхъ званій, учить классическимъ языкамъ и ш. н. — Это другими словами значить почти то же, что „должно бы искоренить всю вообще ученость и высшее образование людей.“ Покойный Король Баварскій, который самъ пользовался классическимъ воспитаніемъ, и какъ онъ лично сказывалъ Г. Тиршу, уже на 8 году своего возраста, легко могъ читать Корнелія Непота, однажды, выслушавъ со снисходительностію, но вмѣстѣ и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, проектъ одного новаго систематика по часамъ воспитанія, который много говорилъ о преподаваніи Исторіи, Географіи, Наукъ Естественныхъ, умственныхъ,

вѣщественныхъ и ш. н. наконецъ спросилъ его: „Ну? а когда, же начнутъ они учиться Латинскому языку?“ Позже, отвѣщивъ оный Педагогъ, тогда, когда они уже достаточно ознакомятся съ предметами житейскими; году на 14^{мъ}. „Какъ, на четырнадцатомъ? шакъ ничему же они не научатся (— da werden sie einen Pfifferling lernen!) быть крошкѣй отвѣщъ Короля на предложеніе новаго учителя. И сии-то слова заслуживаютъ быть приговоромъ каждаго новаго плана ученія, въ коемъ шруднѣйшимъ предметамъ ученія предпочтѣются легчайшіе, наполняющіе дѣтскія головы безплодными для нихъ познаніями (с. 279).

(Продолженіе впрѣдъ.)

К Р И Т И К А

Отвѣтъ Сочинителю книги: Подарокъ Критику за статью, помѣщенную въ 5 и 6 Но Журнала: Сынъ Отечества, 1827 года, содержащую поддѣлки, утайки и другія метафорфозы текста книги: Военное Красноръчье.

Находясь въ обществѣ, нерѣдко принужденъ бываешь дѣлать то, чего бы самъ по себѣ, можешь быть, никогда не предпринялъ. Зная самолюбіе писателей, ни одного изъ нихъ не думалъ я охуждать предъ свѣдомъ за недоспашки, усмашриваемые въ ихъ сочиненіяхъ; и ваша книга: *Военное Красноръчье*, по самому множеству погрѣшностей, не возбудила бы во мнѣ желанія прослыть кришикомъ. Но одинъ изъ моихъ Начальниковъ желалъ знать о ней мое мнѣніе; и написалъ замѣчанія; они прочтены, сличены съ *Красноръчьемъ*, найдены основательными; мнѣ предложено издашь ихъ въ свѣтъ въ одномъ изъ Журналовъ; и это послѣднее желаніе Начальника исполнено.

Признаюсь предъ вами, что я, читая вашу книгу, дѣйствительно грустилъ; чи-

тая ваши возраженія, грустилъ вдвое болѣе, ибо видѣлъ изъ ихъ названія и содержанія, сколь много унижаеше вы себя оными въ глазахъ свѣща. При всемъ томъ право собственной защиты повелѣваете мнѣ еще разъ побесѣдовать съ вами, для оправданія себя во многихъ шаяжкихъ винахъ, весьма неосновательно приписываемыхъ мнѣ вами въ *Подаркѣ*. Будьте справедливы, Милостивый Государь! не слишкомъ къ сердцу принимайте мои сужденія о вашихъ словахъ и мысляхъ, и опѣшны на оныя, помня, что въ прекословіяхъ неизбѣжны охужденія съ прошивной намъ спороны. Прислушаемъ къ дѣлу.

Напрасно избрали вы заглавіемъ возраженій вашихъ на мои замѣчанія — *Подарокъ Критику*. Это названіе слишкомъ обнаруживаесть вашъ гнѣвъ прошиву меня; а ошъ гнѣва и *ненависти*, какъ говоришеса у шого же Саллюстія, изъ котораго заимствованъ вами эпитаграфъ (*) для возраженій вашихъ, — *всѣмъ людямъ, разсуждающимъ о дѣлахъ спорныхъ, надлежитъ воздерживаться; ибо, при владычествѣ оныхъ, умъ*

(*) Non placuit reticere: ne quis modestiam in conscientiam duceret. Sallust.

не удобно усматриваетъ истину (*). Сіе послѣднее дѣйствительно и случилось съ вами: не усмотрѣвъ истиннаго смысла моихъ суждений, вы представили замѣчанія мои *содержащими поддѣлки, утайки и другіе метаморфозы текста книги: Военное Красноръчіе*; и сами написали отвѣтъ, наполненный передѣлками, утайками и превращеніями какъ моихъ словъ, такъ и собственно вашихъ, выписываемыхъ вами изъ В. Красноръчія, отвѣтъ, въ которомъ, сверхъ того, забыта всякая пристойность, которой не столько оскорбительнъ для вашего Кришника, сколько предосудительнъ для васъ самихъ по смѣшной гордости, дерзкой прерочивости къ Кришнику, наконецъ по Дикшаторскому и вмѣстѣ шутовскому тону. Не требуйте отъ меня, чтобы я выписалъ изъ Подарка сряду все то, на что отвѣчать долженъ: я назначаю отвѣтъ мой, не для продажи по рублю за экземпляръ, но для помѣщенія въ Журналъ, гдѣ не годилось бы занять 72 страницы спорною спашьею.

Стр. 2 и 6 Подарка. Причины, побудившія васъ къ сочиненію правилъ В. Кра-

(**) Omnis homines, qui de rebus dubiis consultant, ab odio... ira... vacuos esse decet: haud facile animus verum providit, ubi illa officiant. Sallust. Рѣчь Ю. Кесаря.

сноръчія, нисколько не убѣдительны. Увѣренность ваша о томъ, что сіи правила могутъ и должны составлять, если не особую Науку Словесности, по крайней мѣрѣ особую вѣшь сей Науки, не имѣетъ прочнаго начала: ибо виды Красноръчія — Красноръчіе *Духовное, Народное (?) и Судебное, имѣющіе*, по вашимъ словамъ, *свои правила Риторики*, могутъ, равно какъ и В. Красноръчіе, смотря по ихъ содержанию, быть подводимы подъ общія правила родовъ: Писемнаго, Разговорнаго, Повѣствовательнаго, Догматическаго или Поучительнаго и Орашорскаго. Для объясненія особенностей каждаго, довольно нѣсколькихъ словъ; не требуются цѣлыя системы.

Вторая причина — надежда благодарности за правила В. Красноръчія отъ Училищей, наставляющихъ Словесности въ Военныхъ Училищахъ — уничтожается сама собою: потому что она есть слѣдствіе, какъ вы говорите сами, первой причины; къ тому же В. Красноръчіе, когда вы написали его, вѣрно, не могло внушить вамъ мысли, что оно составляетъ книгу, *какой еще*, по достоинству, *нѣтъ ни въ Россіи, ни въ другихъ странахъ Европы*.

Третья причина — *недостатокъ книги Военнаго слога въ Школѣ Гвардейскихъ*

Подпраспорщиковъ — не есть причина. Попросили бы начальство купить Рипорика или Никольскаго, или Мерзлякова, или сокращили бы *получше* свои правила Словесности, избравъ изъ нихъ, что есть собственно къ Рипорикъ относящагося.

Мнѣніе ваше, что *есть воспитательныя заведенія, имѣющія свои особыя цѣли, должны имѣть особыя учебныя книги* (спр. 3. под.), — едва ли можеть бышь принято въ полномъ смыслѣ. Никто не спаритъ съ вами, когда бы вы сказали сіе объ учебныхъ книгахъ, содержащихъ главные предметы того или другаго заведенія. Но и сіи книги должны различаться только большею подробностію въ изложеніи, а не плапомъ и началами, о которыхъ вы не упомянули ни слова. Умы людей, по своей природѣ, уклоняются одиной другаго даже и тогда, какъ стараются вести ихъ по одному пути и къ одной цѣли. Цѣль общественнаго воспитанія, между прочимъ, есть единомысліе и единодушіе; достигается она единствомъ въ наставленіи юношества. Мудрое Правительство печется объ этомъ; но пособимъ ли мы ему, вводя во всякомъ Училищѣ особыя системы по всѣмъ Наукамъ? — Въ Наукахъ вспомогательныхъ и общихъ для всѣхъ за-

веденій, каковы, между другими, Грамматики, Логика и Рипорика, — не должно быши ни малѣйшей разности: тогда менѣе будетъ разногласія въ мысляхъ, не рѣдко ведущаго ко враждѣ.

Преподавать въ военныхъ заведеніяхъ правила одного Военнаго слога, если и допустимъ возможность сего послѣдняго, не годилось бы и пошому, что юноши, ко вреду ихъ, были бы чрезмѣру ограничены познаніемъ сего слога. Кто изъ нихъ можеть сказать, что онъ до гроба оспанется воиномъ? Сколько обстоятельствъ, насильственною рукою влекущихъ нерѣдко самаго героя на другое поприще! Но, если кто и оспанется въ семъ званіи во всю свою жизнь, не имѣеть ли онъ нужды знать другіе слоги? — Безъ общихъ правилъ Краснорѣчія, зная только особую систему военнаго, онъ не успееть въ оныхъ.

Вы говорите далѣе, что должно примѣнять всю систему правилъ къ возрасту, къ понятіямъ и цѣли юношей, обучающихся Наукъ: безспорно, и это вездѣ такъ и дѣлается. Но правила Краснорѣчія вездѣ преподаются юношамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста, наставленнымъ уже во многихъ Наукахъ; ихъ не преподають дѣтямъ, ничему необученнымъ, даже и Грамматицкѣ;

и посему также Риторика должна быть одинаково во всех заведениях проходима и во всей полнотѣ; ильш надобности, шамь или здѣсь, ограничивашься однимъ родомъ, или даже однимъ видомъ слога.

Здѣсь (стр. 3 Подарка), безъ примѣш-пой, для нѣкоторыхъ читашелей вашего по-сланія ко мнѣ, связи — переходите вы къ *Начальнымъ основаніямъ Риторики и Поэ-зии, съ предварительными объясненіями нѣкоторыхъ логическихъ правилъ, собран-нымъ М. Талызинымъ, для 1 Кадетскаго Корпуса* и изданнымъ въ 1818 году. — Для убѣжденія сихъ читашелей, что вы не со-всѣмъ безъ основанія обращаетесь прямо къ сей книгѣ, вышедшей въ свѣтъ почти за десять лѣтъ и вздумали порицать ее, не смотря на ея давность, объявляю здѣсь, что Сочинитель этой книги есть вашъ *Критикъ*, какъ вы называете меня. *Вы са-ми* объ этомъ знали; и при всемъ томъ, придираясь къ моей книгѣ, употреблете маневръ (стр. 3, 4 и 5 Подарка), немало не-достойный Профессора Словесности. Мо-жно бѣ было это сдѣлать, и не прибѣгая къ приемамъ *кумушекъ*, которыя, въ поры-вахъ къ пересудамъ, указываютъ на жер-пцу своего языка, и не хотяшь назвать его по имени.

Но чѣмъ провинилась предъ вами книга Талызина? — „Кромѣ заглавія (вы хотѣли сказать — кромѣ словъ: *собранныя для 1 Кадетскаго Корпуса?*) ильш (въ ней) ни одного слова, собственно относящагося къ цѣли военнаго воспитанія юношества.“ — Не мое дѣло, Милосивый Государь, писать объ этомъ; есть особія книги Военныхъ Наукъ; есть безъ меня учителя Нравствен-ности, Вѣры, Военносуднаго Права; воспитанникамъ читается Военный Уставъ: а я наславляю по своей книгѣ законамъ мысли и слова; это видно и изъ ея заглавія и изъ содержанія. Она писана такъ, что можетъ быть употреблена во всякомъ заведеніи; это не есть порокъ, какъ вы думаете. Не имѣю надобности перемѣнять заглавія кни-ги, и даже словъ для 1 *Кадетскаго Корпу-са*, переходя въ другое заведеніе; поелику слова сіи значать по одно, что она печатана иждивеніемъ Корпуса. Подобныя при-писки находящяся на учебныхъ книгахъ Фи-зики, Химіи, Машемашики; но вѣрно сіи книги не состоятъ изъ особенно къ цѣли заведенія относящихся истинъ и правилъ.

Четвертая причина (стр. 6 Под.), по-будившая васъ написать Правила В. Кра-сноурѣчія, — есть, какъ вы сами выражае-тесь языкомъ, кошораго назвали не умю,

самонадеятельность; она, *ослапивъ умъ вашъ, шепнула вамъ, что книга нужна, что книги пить* (ваши собственыя слова). Благодарить ли васъ, какъ вы надѣялись того, читатели вашей книги и особенно учители, — не знаю; во мнѣ В. Краснорѣчіе произвело, не опрекаяюсъ, грусныя мысли о вредѣ, пропсѣкающемъ оупъ самонадеянности и вынудило извѣсныя замѣчанія. Они вамъ не нравятся: причиною того — *ваше самолюбіе, лукаго подольстившее самонадеятельности вашей* (спр. 6 Под.).

Моя чувствительность, шакъ раздражающая васъ, не происходитъ ни оупъ одного изъ шѣхъ шрехъ испочниковъ, кошорые (спр. 7 Под) вы опрыли въ Галлѣ, Малбраншѣ, Гораціи и Овидиі. — Ваше званіе не возбуждаешъ во мнѣ ни малой зависти; я знаю, что и въ моемъ собсвенномъ могу бышь полезенъ обществу. Сверхъ того мнѣ извѣсно, что званіе не дѣлаешъ человека ни болѣе умнымъ, ни болѣе благороднымъ. О выгодахъ, вами получаемыхъ, или, какъ выражаешъ вы словами Горація, *о козѣ, приносящей вамъ много молока*, никогда я не развѣдывалъ, ибо шруды мои доставляющъ мнѣ нескудный хлѣбъ. Ваши личныя достоинства, я знаю только по *Военному Краснорѣчію, Правиламъ Сло-*

весности, а шеперь и по *Подсрку*: оупъ чего же мнѣ *чашнуть*? Лично знающіе меня скажутъ вамъ, что я до сихъ поръ нимаю не похожъ на чахощаго; скажутъ вамъ шакже, что у меня и *сердце не змѣнное, не источникъ пороковъ* (Лашинское *alimenta* ближе къ слову *разсадникъ* или *змѣздилище*), а сердце просное, опкровенное, по движению кошораго хвалю доброе съ восшоргомъ и любовію, порицаю то, что нахожу несовершеннымъ, въ словахъ иногда довольно рѣзкихъ, но не выходя изъ предѣловъ присшойности, особенно, предъ свѣтомъ. Примынашъ къ частнымъ лицамъ суровыя слова писателей, каковы *змѣнное сердце, источникъ пороковъ*, можно только при увѣренности, что вы ихъ докажете. О предметахъ общихъ можемъ судить по произволу, хошя бы и не надлежало; но въ опшывахъ о ближнихъ согласуемъ съ ихъ родомъ жизни. Вы немилосердо журите меня за несогласіе съ вами во мнѣніяхъ, когда они оптверждающъя доводами: чтошъ бы *мнѣ* надлежало съ *вами* сдѣлать за осужденіе моей правшвенности, къ кошорому, не зная меня лично, вы не имѣете никакихъ поводовъ? — Но во мнѣ не змѣнное сердце; и я умѣю пренебрегать слова, почерпнушыя изъ Малбраншева испочника чувствительности.

Спр. 9 Подарка. Сказанное мною въ замѣчаніяхъ, что многіе опщы усстраиваютъ изъ системы наставленія дѣшей своихъ Логикѣ, по безпорядочному преподаванію сей Науки, не естъ ни вымысль, ни клевета: но, для убѣжденія васъ въ шомъ, надлежало бы называшь ихъ, а объ эшомъ надобно напередъ попросишь у нихъ позволенія.

Скажише лучше вы сами, что шакое — *Германско-Россійскія Логикѣ*? Почему съ такимъ пренебреженіемъ опшываетесь вы о Философіи Нѣмцевъ? Во всемъ ли проспанствѣ вы обияли ее? — *Для сужденія о предметѣ*, — вы часшо сами эшо повшоряете, — *надобно познать его совершенно*. Не пошому ли нападокъ, съ вашей спорны, на сію Философію, что она опшвлеченна? — Умы, довольшвующіеся одними предшавленіями чувшвенными, по естъ, основывающимися на чувшвенныхъ впечатлѣніяхъ, умы, обыкшіе все, даже невещшвенное, облекашъ въ грубый вещшвенный образъ, не перпяшъ опшвлеченношей, которыя пугаюшъ ихъ своею шокосшію. Но все наше познаніе основывается на опшвлеченіи; мы не могли бы мыслишь, ежели бы не имѣли силы опшвлекать; всѣ наши погршнности происпекаюшъ опъ неискуства въ семь дѣйствіи. Нѣмецкіе Философы опш-

скали надежнѣйшіе законы для сего искуства въ самой природѣ человѣческаго разума и въ природѣ вещей; указываюшъ всему свѣшу оныя, для руководшва въ умшвенной дѣштельности: а мы, вмѣшо шого, чтобы съ благодарношію принятии ихъ ученіе, не умѣя присшупишья къ нему, дерзко порицаемъ ихъ! Когда же мы дождемся усовершеншвованія по сему первому, послѣ Опкровенія, предмету, долженшвующему входишь въ наставленіе юношесшва, особенно принадлежащаго къ первымъ словіямъ общесшва? — И опъ чего сіе нападеніе? Опъ шого, что языкъ Философовъ чуждъ для уха нѣкошорыхъ, неумѣющихъ опшличишь *а* опъ *б*; винованъ ли сей языкъ разума, что не пригошвились понимашь его? Опъ крашкѣ Философіи Баумейстера, на которую, Г. Сочинишель Подарка, вы шакъ часто *миѣ* указываете, до Философіи Канша — проспанство необозримое; и стоя на одной черпѣ съ Баумейстеромъ, нельзя ясно видѣшь сошворенное опцемъ нынѣшней Германской Философіи, пересозданное и усовершенное послѣдовашельми его, или прошивниками, которыя все шакъ опдаюшъ ему справедливость. Вы нигдѣ не доказываете вашихъ мнѣній; у васъ одно доказательство — брань; ею оправдываете

вы и независъ къ Философіи; а вашему — *vis volo*, позволено недовѣрять, особенно послѣ Философіи, встрѣчающейся въ В. Красноръчій и въ Подаркѣ.

Но вы нападаете на Нѣмецкую Философію и на тѣхъ, кто ей послѣдуетъ, для того, что вамъ хотѣлось еще поругать *Логику Галызина*, безъ всякихъ доводовъ ея несовершенства. Докажите ея недоспашки, убѣдите свѣтъ, что она *никуда не годится*, что *не образуетъ, не усовершенствуетъ молодыхъ умовъ*, а *ослабляетъ головы* юношей (не дѣтей, какъ вы сказали, ибо Наука сія проходила мною въ высшихъ окончательныхъ классахъ); докажите сіе и предскажите лучшее; съ радостію приму оное, ибо я *не самозлюбивъ до ослѣпленія* и нахожу въ себѣ довольно силъ отстать отъ *привычнаго способа преподаванія*, что почтаете для меня невозможнымъ. Моя *Логика* давно уже исправлена и пополнена; вы вздумали охудать ее, пропустивъ девять лѣтъ, почему одному вамъ не должно было, при оправданіи себя, обращаться къ ней съ ругательствами. Но пишите о ней, прошу васъ. Чужія погрѣшности не заглаждаютъ нашихъ; защищая себя, не буду прибѣгать къ осужденію ни *Правилъ Слова*, ни *В. Красноръчія*; только не

оскорбляйте меня свидѣльствами изъ оныхъ.

На 10, 11 и 12 страницахъ Подарка, излагая содержаніе первыхъ шести главъ В. Красноръчія, вы все не доказывалие необходимои смѣшивашъ съ Риторикою Грамматику и Логику: изъ вашихъ словъ видна только необходимость употребленія въ Риторикѣ грамматическіе и логическіе термины, а ни чужь — опредѣлять и объявлять ихъ. И пакъ въ подтвержденіе сказаннаго мною въ замѣчаніяхъ и опровергаемаго вами въ Подаркѣ, скажу еще: Грамматика и Логика должны предшествовать Красноръчію; смѣшивать ихъ, вырывая изъ нихъ кое что, для помѣщенія въ Риторикѣ, не надобно. Если ученики ваши знаютъ Грамматику и Логику, не ошибайте у нихъ времени изучиваніемъ неправильныхъ или неполныхъ опредѣленій и безъ связи излагаемыхъ правилъ: ежели не знаютъ, — пройдите предварительно объ сіи Науки въ систематической связи, хотя и кратко; безъ того запускаете умы слушателей и ни чему не научите.

Спр. 13 Подарка. Опираясь отъ двойственнаго опредѣленія Риторики, вы указали мнѣ на прешіе, находящееся въ концѣ 1 главы В. Красноръчія: еще лучше, — поло-

жимъ, что сіе второе возможное опредѣленіе, въ первой главѣ помѣщенное, равно прешьему, во второй главѣ находящемуся; все таки вмѣстѣ съ первымъ выйдетъ два опредѣленія одной Науки, разной смысль имѣющія; вопросъ мой — *чему же обрѣтъ?* — все ошаченія умѣстнымъ; и въ немъ нѣтъ *пронирствъ мелкой Критики*, кошорыя ссылаась на Блера, заблагоразсудили вы мнѣ приписывашь.

Спр. 13 Подарка. Защищая опредѣленіе Грамматики, сдѣланное вами въ В. Красноръчій — „Грамматика содержишь правила, сосшавленныя изъ наблюдений, относящихся къ языку одного какого либо народа, или всего рода человѣческаго,“ (спр. 5, гл. III. В. К.), защищая сіе опредѣленіе, вы приводите, въ доказательство годности его, слова, взятыя не въ слѣдующемъ періодѣ, а въ прешьемъ; и слова сіи относящяся у васъ къ поясненію *частной Грамматики и Философской*, а не *Грамматики вообще*. И такъ вопросъ мой, — *но къ чему ведутъ сіи правила?* — опять у мѣста; и *пронирства мелкой Критики*, приписываемыя здѣсь мнѣ вами, еще разъ не мнѣ принадлежатъ. На страницѣ 35 Подарка, вѣрно по забвенію, что уже защищали ваше опредѣленіе Грамматики, вторично обращаетесь

къ моему вопросу; и, чтобы опорочить меня и злонамѣренностію и необдуманностію; прибавляете (спр. 36, страниця 4 Под.) къ шексту В. Красноръчія — „Грамматика содержишь правила, выводимыя и проч.“ — слово *языка*, (*правила языка*, выводимыя и проч.); и основываясь на этой *поддѣлкѣ*, довольно счастливо оправдываете себя. Кто же прибѣгаетъ къ *пронирствамъ*? Сочинишель замѣчаній, или Сочинишель Подарка?

Спр. 15 Подарка. Жалуете мнѣ имя Прокруста за то, что я взялъ одно содержаніе періода о пользѣ переводовъ, а сами, *двукратно* выписывая эшотъ періодъ изъ В. Красноръчія, — ошѣкаете предложеніе, — „вошь польза для Словесности, приобретаемая изъ иностранныхъ Писателей“ — (спр. 7, гл. Ч. В. Кр.), предложеніе, изъ кошората нѣсколько словъ находихся въ моемъ сокращеніи цѣлаго періода, и на кошоромъ основываю мой вопросъ. — *Какія же разныя свойства языка своего познаемъ изъ иностранныхъ Писателей?* — Вы ошавляете безъ вниманія эшотъ вопросъ, на кошорый и надлежало бы только ошвѣчать, привязываетесь къ словамъ — *свойства языка своего* (виновать!), дѣлаете самыя обидныя предположенія, распянушыя объяшенія пользы, проистекающей ошь сравне-

нія словъ иностранныхъ съ опечистивенными и проч. и проч. почти до 19 страницы подарка. М. Г.! имя Прокруста, по всей справедливости, не ко мнѣ, а къ вамъ самимъ отнести должно.

Стр. 18 до 20 Подарка. Въ разсужденіи корней словъ, я все таки осмѣюсь при своихъ мысляхъ, что корни сіи не могутъ состоять изъ одной или двухъ согласныхъ буквъ, напр. *мч*, *пр*, *пч*; ибо, повторяю сказанное мною въ замѣчаніяхъ и выброшенное вами (вѣрно также безъ умыслу?): — *слова корница* (или корни) *имѣютъ значеніе и творятся въ нуждь, именно для выраженія поваго понятія*. Звукоподражательныхъ словъ не много; они выражаютъ только дѣйствующее на слухъ; но есть много рѣченій, выражающихъ знаки не по звукоподражанію. Принимая для сихъ послѣднихъ за корень одну или нѣсколько согласныхъ, вы, славъ искавъ средства въ значеніи словъ производныхъ, почли бы имѣющими одинъ корень такіа, кои не выражаютъ никакого отношенія, никакой близости понятій. *Мыгать*, *мчатъ*, *примѣчать* будутъ имѣть, по вашему, одинъ корень: но какое отношеніе между понятіями, въ сихъ словахъ содержащимися? — Напронивъ, если будете производить слова отъ корня, со-

стоящаго изъ сочепанія гласныхъ и согласныхъ буквъ и имѣющаго значеніе; по, сколько бы ни было производныхъ, вы, при взаимномъ ихъ сличеніи, легко опыщете соотношеніе выражаемыхъ ими понятій и степенъ ихъ значенія; а въ эпимѣ, кажешся, и соспоишь польза ученія о корняхъ, другой я не вижу. Къ чему здѣсь указываете мнѣ на слова Сербовъ *крстъ*, *прстъ*? Мы найдемъ такихъ много въ нашихъ древнихъ рукописяхъ, напр. *вишь пакъ хрбръ вневъ грдѣ*. Что вы хотѣли доказать знаніемъ вашимъ Сербскаго языка? — У насъ дѣло идетъ о корняхъ словъ и о томъ, могутъ ли слова *быть произносимы* безъ гласныхъ; а вы указываете мнѣ на то, какъ нѣкопорыя слова *пишутся* у Сербовъ! — Прошу васъ произнести ихъ безъ гласной! — Прошу замѣнить при семъ *новую* съ вашей споры *утайку*, для *осужденія вшего Критика*; вы изъ словъ моихъ выкинули цѣлое предложеніе (стр. 83, 5 Но, С. Оп.), на которое вамъ и отвѣчашъ надлежало.

Стр. 20 и до 25 Под. Вы испощили здѣсь всю ученость свою, въ защиту опредѣленій прозаической и стихотворной Словесности; и все осталось неправы. *Изъясненіе* (выраженіе?) *мыслей и чувствованій*

есть знак общій и Прозъ и Стихотворной Словесности (Поэзіи); *ладное и неладное* расположение словъ, не составляющъ существенной разности между двумя родами Словесности: я имѣлъ причину замѣнить вамъ: *по крайней мѣрѣ, надлежало бы сказать, что сіи объясненія касаются одной наружной формы оныхъ.* Вы говорите (спр. 21 Под.), что не вами сдѣлано такое опредѣленіе произведеній Словесности стихотворныхъ и прозаическихъ: зачѣмъ же было и приводить его? Въ Науку входить только общее, всѣми принятое. Ваши лады найдены мною неумѣстными и невразумительными, не для меня, М. Г., а для учащихся, пошому, что вы вводите ихъ въ опредѣленіе вѣдуръ, не сказавши о нихъ ни слова. Напрасно вы для меня старались объяснять ихъ, указывая на древнихъ и новыхъ Писателей (Под. 23 и 24 спр.); вамъ должно было сдѣлать сіе въ В. Краснорѣчїи для вашихъ чинашелей учениковъ.

Спр. 25 и 26 Под. — Опять *коренныя слова!* Почему, Г. Сочинитель Подарка, вы не сдѣловали порядку ни моихъ замѣчаній, ни В. Краснорѣчїя, а бросались изъ одного мѣста въ другое безъ всякой связи? Кажется, не для того, чтобы лучше открыть *мои грѣхи*, а для того, чтобы упомянуть

чинашеля, отвлечь его отъ повѣрки и моихъ словъ и вашихъ, и шѣмъ легче убѣдись его, что вы правы. — Всякій видишь, что по вашему опредѣленію *кореннаго слова*, и всѣ *производныя*, отъ которыхъ непосредственно произошло хотя одно другое, будутъ также *коренными*. „*Коренное слово* есть то,“ говорите вы: „*отъ котораго произошли другія слова*“ чрезъ наращеніе или перемѣну окончанія.“ — II, поставленное въ замѣчаніяхъ вмѣсто *или*, почти не перемѣняетъ значенія цѣлой рѣчи; вниманіе обращается на слова: *отъ котораго произошли другія*. Не находя другаго оправданія, вы обратились къ эшопу, по истинѣ, неумышленной, хотя и маловажной, перемѣнѣ союзовъ; и порядочно пожурили меня (спр. 27 Под.).

Спр. 27 и 28 Подарка. Вы доказываете: поелику слово *способность* происходитъ отъ слова *способъ*, съ прибавленіемъ къ нему окончанія — *ость*; то *Словесность* нельзя назвать *способомъ* выраженія мыслей и чувствованій, а непременно должно называть *способностію* не иногда, но *всегда*. Образцовое умствование! Я виноватъ также и шѣмъ, что не видалъ *метонимїи* (спр. 29 и 30 Под.) въ рѣченіи *Словесность*, употребляемомъ вмѣсто — *Litteratura!*

Стр. 30 Под. Вопрос мой: что такое обыкновенная способность, неимлющая никаких отличительных качеств? (стр. 78, 5 Но С. О.) — оспается неръшленнымъ. Я спрашиваю васъ только объ эшой чудной способности; а вы, вмѣсто опыта, объясняете мнѣ три степени Словесности — положительную, сравнительную и превосходную (???)

Стр. 31 Под. Я спрашиваю въ замѣчаніяхъ (тамъ же): чѣмъ Словесность вообще отличается отъ Словесности въ обширномъ смыслѣ? — Вы божитесь и кляпешесь, что у васъ и нѣтъ Словесности вообще. Нѣтъ слова — вообще; такъ. Но смотрите главу первую В. Красноярчія, періодъ первый: „природная способность изъясняющъ мысли и чувствованія голосомъ членораздѣльнымъ называея Словесностію.“ Во второмъ періодъ Словесность раздѣляется на прозаическую и стихотворную, — вами или другими, все равно; эшого раздѣленія вы не отвергаете; оно таки и вѣрно; и всякій можете думать, что вы сами, упомянувъ о семь раздѣленіи, принимаете его вмѣстѣ съ прочими нѣкоторыми. Зная, что понятіе, раздѣляемое на виды, есть родовое или общее, я справедливо принялъ Словесность вашего первого періода, раздѣляемую во

второмъ періодѣ на два вида — прозаическую и стихотворную — за Словесность вообще. И такъ вашъ Криптикъ сражается не съ въпреными мельницами, а съ дѣйствительною вашею ошибкою: понятіе общее и понятіе въ обширномъ смыслѣ не суть одно и то же; а вы вашихъ Словесностей общей и въ обширномъ смыслѣ ничѣмъ не различаете. Чтобъ обвинить меня въ поддѣлкѣ, относите мой вопросъ къ вашему послѣдующему, не посмотрѣвъ на ваше же предъидущее. Ссылаюсь на всѣхъ, что не я — поддѣльватель, какъ вы изволите честишь меня здѣсь (стр. 32 Под.), указывая на спашью Подарка подъ лишерою γ (стр. 18), гдѣ эшо названіе мнѣ также пожаловано, и, какъ я доказалъ, также не мнѣ принадлежишь.

Стр. 32 Подарка. Пусть раздѣленіе Словесности на Словесность въ обширномъ смыслѣ, Красноярчье и Витійство, будетъ означать при грамматическія степени ея — положительную, сравнительную и превосходную; соглашаюсь; но все вы не разграничили областей Красноярчія и Витійства, назвавъ одно искусствомъ выражать мысли и чувствованія ясно и красиво, а другое — искусствомъ выражать оныя сильно и убѣдительно. Рѣчь не можетъ быть сильною

и убѣдительною, не будучи ясна и красива; и на оборотъ она неясна и не красива (по естѣ, не изящна, не прекрасна), ежели не имѣешь силы и не убѣждаетъ. Я наспоаяль (см. 5 Но Сына Оп. спр. 79) именно на это разграниченіе.

Страницы 37, 38 и 39 Подарка — содержатъ доказательство, что нѣтъ Философскаго познанія о единственныхъ предметахъ. Для подтвержденія сего мнѣнія, вы прибѣгли было къ Шеллингу (спр. 38); однако поскорѣе отъ него къ Баумейстеру, и вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ все таки ни чего не доказали. Вы думаете, что, при познаніи предмета единственнаго, непременно вспрѣчаются одни чувственные знаки? Я вамъ назову единственные предметы, напр. *Богъ, происхожденіе міра* и проч., которые ничего чувственнаго не имѣютъ; и познаніе о нихъ, вѣрно, не есть чувственное, а философское. Сущность вещей, которую содержатъ единство, гармонія всего въ мірѣ сущест्वующаго, различна по всемъ родамъ, видамъ и единственнымъ предметамъ или недѣлимымъ, какъ разнообразнымъ явленіямъ ея: мы должны опыскивать и по *сущное* (духомъ, разумомъ постигаемое), что находишься въ недѣлимыхъ и чего чувствами и умомъ (intellectu) постигнуть

не возможно. Познаніе сего есть познаніе Философское и по Баумейстерову опредѣленію, вами приведенному. Шеллингъ же не довольствуется односпорностію: онъ именно для Философскаго размашиванія великихъ и малыхъ явленій, подъ которыми разумѣются и единственные предметы, почитаетъ необходимымъ совокупное представленіе вещественнаго и невещественнаго. Но вы не жадуете Нѣмецкой Философіи; и, поругавшись надо мною по своей Философіи, спѣшите отъ нее опять къ Грамматикѣ.

Остановясь на сей послѣдней, и пожуривъ меня вашимъ манеромъ за слова: *трудно понять, что значатъ общая и частная Грамматика* и пр. (см. 5 Но С. Оп. спр. 81) выписываете *для меня объясненія изъ вашихъ старыхъ тетрадей!!* (спр. 40 Под.). Почему же не пославили сихъ объясненій, худы они или хороши, въ Военномъ Краснорѣчьи? Молодой читатель, не понявши васъ, не можешь прибѣгать къ *вашимъ старымъ тетрадямъ*; опытный поймешь васъ, но укоритъ за неполноту, за невразумительность, что мною и сдѣлано.

Спр. 41 — брань. О предположеніяхъ вашихъ касательно происхожденія частей рѣчи и еще кой о чемъ, я напишу вамъ

особую спашью; въ сихъ предположеніяхъ также довольно находишь превыспренней вашей Философін, ненавистницы отвлеченностей.

Спр. 42 и до 49 брань! Проходя ее мимо скажу на немногое по нѣскольку словъ. Нѣмецкое *Verstand*, не всегда можете вы переводить словомъ — *умъ* (*intellectus*). У *Киевлеттера*, на котораго ссылаешесь вы, защищая свое опредѣленіе *Логик*, разумѣется подъ симъ словомъ (*), какъ и мною сказано, вся сила мысленія со всѣми ея познавательными способностями, низшими и высшими, — *Verstand in weiterer Bedeutung*, а не одинъ умъ (*intellectus*), способность соспавлять понятія особенныя, частныя и общія.

На страницахъ 47 и 48 Подарка, вы подкушаете о словъ *невольно*, оспаривая свое опредѣленіе *понятія*; приводите въ свидѣтельство своего мнѣнія нѣсколько словъ изъ Канпа, совсѣмъ не къ мѣсту и не понявши его. Онъ говоритъ въ приведенномъ вами мѣстѣ о *познаніяхъ* а priori, а не о *понятіяхъ*; услышавъ о понятіяхъ а priori, приобретаемыхъ помощію ума (*intellectus*),

(*) Смолр. его *Logik zum Gebrauch für Schulen*, dritte Auflage. § 10.

а посему и опыта, онъ былъ бы очень изумленъ. Вы не поняли и Талызина: между словомъ — *невольно* и словами *не совсѣмъ свободно* большая разность; одно отрицаешь прямо, вполне; другія утверждають съ ограниченіемъ. Самый Баумейсперъ (спр. 46 Под.) не защищаетъ васъ; ибо говоритъ, что душа не властна не созивать ощущеній, коль скоро предметы вишніе поражаютъ органы чувствъ; о невольнo приобрящаемыхъ понятіяхъ у него здѣсь ни слова.

Объясняя свое опредѣленіе понятія (на спр. 49 Под.) вы сказали, что у васъ слово *возбуждаемое* равносильно слову *возобновляемое*, и сдѣлали опредѣленіе еще менѣе годнымъ: ибо слово *возобновляемое* не будетъ вязаться съ словами — *присутствіемъ предмета*. Выразимъ съ эшою перемѣною ваше опредѣленіе: „Умственное представленіе предмета, *возобновляемое* въ душѣ *присутствіемъ предмета*, или воспоминаніемъ онаго, называется понятіемъ (идеєю).“ — Поправьте еще какъ нибудь, получше!

Мое сужденіе объ *идеѣ* и самыя *идеи* вамъ не понравились. Причины? Аристотель не любилъ Платоновыхъ идей; Аристотель ближе къ практикѣ; теорія же безъ практики (вы ссылаешесь на мои слова) — вещь пустая; и пошому — прочь

идеи! — Это ли вы сказали первымъ периодомъ пятидесятой страницы Подарка? — Идеи не виноваты, что вы, чистая великихъ Писателей, часто выбираете изъ нихъ то, чего у нихъ нѣтъ, или то, что въ нихъ составляетъ недоспашокъ. Теорія безъ практики вещь пустая; это говорено было и до меня; но не справедливо нападать на нее, когда она съ пользою можешь быть приспособлена къ дѣлу. Держитесь, М. Государь, середины: идеи истинныя — не то, что ваши предположенія о происхожденіи частей рѣчи.

Спр. 50, 51, 52, 53 и 54 Подарка. Вашъ гнѣвъ на меня за то, что похулилъ опредѣленіе *вашего сужденія*, и доводы ваши противъ меня, опровергаю приспособленіемъ теоріи вашей къ практикѣ. Вы назвали *сужденіе — соединеніемъ или раздѣленіемъ понятій въ умъ*. Учащійся, по сему опредѣленію, судишь, — соединишь въ умъ — *камень и яблоко*, не прибавляя ничего другаго, и назовешь это соединеніе сужденіемъ; онъ раздѣлишь въ умъ понятія — *или рыбка, или дерево*, также не прибавляя ничего другаго, и это раздѣленіе назовешь сужденіемъ. Сіе пѣтъ легче можешь случиться, что въ подлежащее сужденія, объясняете словомъ *subiectum*, сказуемое — *praedicatum*; а связь

— словами *nexus* и *copula*. Но по опредѣленію сужденія, приводимаго мною (5 Но С. Оп. спр. 90) вамъ въ образецъ, впрочемъ не единственнѣй, этого не произойдетъ; особенно, ежели вразумительно будутъ опредѣлены подлежащее и сказуемое. И такъ напрасно вы оспариваете при своемъ опредѣленіи, и доказываєте, что оно равносильно приведенному мною.

Объясняя въ Подаркѣ (спр. 54, 55 и далѣе) ваше опредѣленіе *умствованія*, самымъ симъ объясненіемъ, котораго у васъ нѣтъ въ В. Красноурѣчьи, показываєте уже, что опредѣленіе сего дѣйствія мысли неполно; и, разбирая книгу, я имѣлъ причину сказать: „*какая самопроизвольность въ опредѣленіяхъ! Какое пренебреженіе точности!*“ — Кто изъ учащихся пойметъ васъ, когда вы скажете: „умствованіе есть извлеченіе одного сужденія изъ другаго, основанное на правилахъ логическихъ“ —; и когда ему не преподаны сіи правила? Всякій будешь представлять въ умствованіи два сужденія. Это опредѣленіе можешь посему быть ясно только для знающаго Логіку. Тридцатилѣтній вашъ навыкъ преподаванія (спр. 55) не даетъ вамъ права на самопроизвольность; учебная книга имѣетъ свои законы, онъ которыхъ, измѣняя формы из-

ложенія, въ сущности вы опсшупашъ не можете и не должны.

Послѣ суровыхъ словъ прошивъ нѣкопороыхъ Писателей, перепечатаывающихъ чужія книги (ср. 55 и 56), вы говорите мнѣ слѣдующее: „Знаете ли, м. г., какая теперь *самопроизвольность*, какое *небреженіе* точности приходить мнѣ въ голову? Теперь я думаю даже, въ угодность вашей кришкѣ, что *умствование* состоить не изъ *двухъ* сужденій, но изъ одного сужденія, и не только изъ одного сужденія, но изъ *одного* даже *понятія*. Послушайте; я докажу вамъ это: понятіе (идея) *развиваясь* и разлагаясь на свои составныя части (esse developpant) образуетъ *сужденіе*; *сужденіе* продолжая также развиваться и разлагаться на свои части, составляетъ *умствование*; слѣдовательно умствование состоить или заключается не только въ одномъ сужденіи, но въ одномъ даже понятіи: вопль вамъ и доказательство сказаннаго мною! Quod erat probandum.“ — Вижу, что вы слышали или читали что-то умное; но не пошрудились, какъ должно было, рассказать, и выразили здѣсь недоспашокъ умствования въ лицахъ. Милостивый государь! по моему, лучше бытъ скропщикомъ, но

размышляющимъ, нежели Сочинителемъ — и не размышлять.

Не гнѣвайшесь, Милостивый государь, за то, что, какъ явствуетъ изъ моего разсмотрѣнія Подарка, я оказываюсь правъ, не смотря на ваши усилія обвинить меня предъ свѣтомъ въ *поддѣлкахъ*, *утайкахъ* и *другихъ метаморфозахъ*, а посему въ зависти и злонамѣренности.

Если бы ваше *послѣсловіе* было написано мною; вы непременно обратились бы къ *Меринъ* Княжнина, и зная у нее слова, по вашему обычаю, спросили бы меня: „это, сударь, находишь часомъ на васъ; или вы ошь роду шаковы? — (Княж. Ком. Неуд. Прим. Дѣйсств. II, явл. III). — Меня это послѣсловіе изумляетъ: и я увѣренъ, что самый злѣйшій непріятель вашъ не могъ бы сшоль жестоко опозорить васъ предъ другими, какъ безславишь сіе послѣсловіе, въ кошоромъ особенно изъвѣляется такая презорчивость къ лицу, извѣстному вамъ только по слуху, въ кошоромъ забыли вы уваженіе къ себѣ самимъ и своему сану. Опшзвъ, сдѣланный о Подаркѣ въ Сѣверной Пчелѣ, доказалъ вамъ невыгодность шона, вами принятаго. Напрасно будете вы разсылать и разносить свой пасквиль на меня по всемъ учебнымъ заведеніямъ: вы ни

кого, по желанію, не вооружите имъ прошивъ меня; можешь бышь, кой-кто пошмѣтся, и едва ли не болѣе на вашу счешь, чѣмъ на мой. Ожидая обѣщаннаго продолженія Подарка; буду чашашъ его; но если и въ ономъ остаешься прежній шовъ, — избираю молчаніе: оно послужитъ мнѣ лучшимъ оправданіемъ.

М. Т.

Мая 26 дня, 1827 года.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Г Е Р М О Г Е Н Ъ.

Не черная шуча неслась надъ Москвою;
 Не грозный въ раскатахъ Перунъ завывалъ;
 Столбъ дымный, возникши до облакъ главою,
 Лазурь надъ столицей небесъ закрывалъ.
 Съ далекихъ предѣловъ Россійскаго края,
 Раздался звукъ бранной трубы;
 И мещью за тронъ, за свободу пылая —
 Возсшали опчизны сыны.

Господь правосуденъ и милосивъ въ казни!
 Свершилася мѣра несчастій и бѣдъ!
 „Возсманьше! вофликнулъ, на мещъ безъ боязни!
 Воспрянь, разразися, громъ Россіихъ побѣдъ!“
 Труба зазвучала; мечи загремѣли —
 Гиганшъ пробудился на брань!...
 И въ древней столицѣ враги оймѣли —
 И долу склонилась ихъ длань.

Въ цѣпяхъ за опчизну, за святость Престола,
 Великою жершвой коваршвъ и измѣнъ,
 Въ часъ гибели близкой, съ надеждой на Бога —
 Молмлся въ шемницѣ свяшый Гермогенъ.
 Горючія слезы кашились спруею
 Изъ мушновыхъ и вналыхъ очей;
 И въ нихъ отражалось величье съ шоскою;
 Невняшень звукъ шарца рѣчей.

Предъ нимъ неоспужно Сарматы стояли,
И съ ними вельможи, избвны сыны.

Къ предашельству мукой его принуждали —
Безумцы, на гибель родимой страны.

— Пиши, говорили, къ вождямъ и народу:

Царь Русской земли — Владиславъ;

И санъ свой получишь и власть и свободу —

Къ нимъ волю Царя написать! —

Взявъ харшю блдннй, дрожащей рукою,
Къ вождямъ и народу мужъ вѣрный писалъ:

„Мужайтесе въ брани кровавой рѣкою

Тронъ Русскій спасите! — Чась месни насталь!

Да будешь пошь прокляшь, кто въ сердцѣ при-
знаешь —

Сармата опчизны Царемъ!

Кшо Русской короной его увѣчаешь —

Проклятье попомства на немъ.

„О други! о брашья! гнѣвъ Бодій смягчился!

Воздайше злодѣямъ мечемъ по дѣламъ!

На милость разгнѣванный Богъ преклонился —

Днесъ гибель Сарматамъ! спасеніе вамъ!

Не вѣрше Боярамъ, предателямъ прона: —

Вамъ гибель гошовать они;

Очистишся кровью престоль и корона —

И въ прахъ исчезнушь враги!...

Лишь юноша — Ангель, ниспосланный Богомъ —

Возсядешъ со славой на тронъ ошцовъ,

Величье опчизны, по бѣдствіи долгомъ,

Возникнешъ изъ пепла Россійскихъ градовъ.

О други, мужайтесе! погибшимъ въ сраженьяхъ
Безсмертье гошовишь вѣнецъ!

Опчизнѣ избвнникъ погибнешъ въ мученьяхъ...

Громише! — вамъ помощь — Творецъ!“

Тренещушь Сарматы; блдннешъ избвна;

Угрозы во взорахъ и ужась въ сердцахъ: —

Но свѣшель, спокоенъ былъ взоръ Гермогена,

Чинная свой жребій въ сверкавшихъ очахъ.

— Злодѣй и предашелъ! — воскликнулъ сонмъ злоб-
ныхъ;

— Мученя и гибель тебѣ! —

„Мечъ Россовъ накажешъ убійцъ беззаконныхъ!

Покоршвую вѣчной судьбѣ!“

И палъ подъ ударами въ шяжкихъ мученьяхъ,
Опчизны блюспишель, свяшый Гермогенъ...

За родину падшимъ миръ въ горнихъ селеніяхъ —

И слава въ попомствѣ позднѣйшихъ временъ;

И лавръ ихъ священной обрызганный кровью —

Пошомокъ слезой окропишь;

Великій — дѣлами, къ опчизнѣ любовью —

И въ прахъ ошечесшу пишшь.

А. Шидловскій.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ.

Н о в ы я к н и г и.

1 8 2 7.

Ф и л о с о ф і я.

24. *Платоновы разговоры о законахъ. Переводъ В. Оболенскаго, съ Греческаго.* М. въ типогр. С. Селивановскаго, 1827. 555 стр. въ 8 д. л.

(Знакомство съ твореніями великихъ Писателей, древнихъ и новыхъ, распространяешь кругъ нашихъ свѣдѣній и ведешь къ истинному просвѣщенію. Сравнивая, что было писано въ разныхъ вѣкахъ, отъ самой древности до нашихъ временъ объ одномъ и томъ же предметѣ, мы видимъ постепенный ходъ ума человеческого, видимъ, какъ сей умъ мало по малу открывалъ или появлялъ разныя истины; но не менѣе того удивляемся, что важнѣйшія изъ сихъ истинъ не случайно открыты, а были постигнуты умомъ, такъ сказать, отъ самаго его дѣйства. Къ числу такихъ ис-

тинъ, принадлежить великая Наука Законовъ. Мы видимъ, что одинъ изъ знаменитѣйшихъ Философовъ древности, Платонъ, котораго можно назвашь *Поэтомъ Философіи*, мечтая о лучшемъ образѣ правленія и зная, что безъ хорошихъ законовъ существовашь оно не можешь — писалъ свои разговоры о законахъ; видимъ также, въ какую ясность приведено нынѣ то, о чемъ славный сей мечтатель или умствовалъ сбивчиво, или едва только догадывался. Чтеніе сей книги весьма должно быть любопытно и для любителя древности, и для Философа, и для Законовъдца. Г. Переводчикъ, совершившій свой трудъ хорошимъ, яснымъ Русскимъ слогомъ, имѣеть право на благодарность нашихъ соотечественниковъ, равно какъ и всѣхъ, которые ознакомливають ихъ съ лучшими твореніями древними и новыми, написанными на языкахъ чужеземныхъ.)

Теорія Изыщныхъ Искусствъ.

25. *Объ искусствѣ смотрѣть на Художества, по правиламъ Зульцера и Менеса, соч. Ф. Милици. Переводъ съ Италіанскаго Валеріана Лангера.* С.

П. 6. въ шипогр. Генеральнаго Штаба,
1827. 186 стр. въ 8.

(Сочиненіе сіе весьма полезно для Художниковъ и для любителей Изыщныхъ Искусствъ; ибо заключаешъ въ себѣ весьма ясныя и основательныя эстетическія разсужденія о сихъ искусствахъ. Переводчикъ, воспитанникъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, Г. Лангеръ, самъ, поспраши, отличный Художникъ, коего успѣхи въ ландшафтной Живописи уже извѣстны здѣшней публикѣ. Переводъ его написанъ хорошимъ слогомъ, и то, что въ подлинникѣ затруднило бы Переводчика, не столь знакомаго съ Искусствами, или Художника, не столь образованнаго, представлялось въ мысляхъ его и выливалось на бумагу съ самою удовлетворительною ясностію.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РАСКАЗЪ КАЗАНОВЫ

Объ уходъ его изъ Венеціанской Инквизиціонной тюрьмы, называемой: *Камеротти* (*).

Іюля 25 дня 1755 года, на разсвѣтъ, *Мессеръ-Гранде* (**) вошелъ въ мою комнату. Я проснулся, взглянулъ на него съ удивленіемъ и на вопросъ: „вы ли Якопо Казанова?“ отвѣчалъ, что я, — все это въ одно мгновеніе. Тогда онъ попросилъ моихъ бумагъ и велѣлъ мнѣ пригошовиться, чтобъ итти съ нимъ. Когда же я спросилъ, въ ка-

(*) I Camerotti, или i Piombi, т. е. *каморки* или *свинчатки*; такъ называлась тюрьма Государственной инквизиціи въ Венеціи, по тому, что каморки сіи были сдѣланы подъ свинцовою кровлею дворца Сан-Марко, и лѣтомъ для заключенниковъ были испилены разожженной печью. *Прим. Перев.*

(**) Названіе одного изъ Полицейскихъ чиновниковъ, бывшей республики Венеціанской.

кую силу онъ меня арестовалъ, то онъ отвѣчалъ: „Именемъ судилища Государственной Инквизиціи.“

Два или три полицейскихъ служителя, которыхъ онъ привелъ съ собою, мигомъ забрали письма и разныя бумаги, лежавшія въ моемъ бюро, и положили ихъ въ мѣшокъ. Мессеръ-Гранде велѣлъ мнѣ тогда выдать ему нѣкопорыя перепешенныя рукописи, кои по словамъ его должны были у меня находиться; шутъ только я догадался, кто былъ мой доносчикъ. Забрали также и мои книги, между коими было нѣсколько сочиненій кабалистическихъ, какъ напр. Clavicula Salomonis, Zecor-ben, Picatrix и ш. и. Тѣ, кои знали, что у меня были такія книги, должны были почестъ меня за колдуна, чѣмъ я былъ очень доволенъ. Между тѣмъ, какъ разбирали мои бумаги, я началъ одѣваться почти машинально, велѣлъ себя выбрить и причесать себѣ голову и надѣлъ шелковое плашье. Мессеръ-Гранде смотрѣлъ на меня, ни сколько тому не удивляясь.

Вышедъ изъ комнашы, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что конвой изъ сорока человекъ ждалъ меня на улицѣ. Такая излишняя предосторожность, выманила у меня улыбку.

Мессеръ-Гранде привелъ меня на гондолу и самъ сѣлъ подлѣ меня. Четыре чело-

вѣка оправились съ нами, прочихъ оппустили. Мы приплыли къ его кварширъ, гдѣ онъ попчивалъ меня кофеемъ, опъ кошораго я отказался, и заперъ меня на при четверти часа въ своей комнашѣ. По прошествіи сего времени, вошелъ начальникъ *Сбирова* и сказалъ мнѣ, что имѣетъ предписаніе опвеститъ меня въ *Камеротти*. Мы снова сѣли въ гондолу, и проплывъ нѣсколько перекрестныхъ каналовъ, причалили къ тюремной набережной. Меня ввели сперва въ комнашу, гдѣ находился какой-то человекъ въ одеждѣ пашриціа. Онъ взглянулъ на меня и сказалъ: „это точно онъ; посади-те его въ надежное мѣсто.“ Этомъ человекъ былъ Секретарь Государственной Инквизиціи, Доменико Кавалли.

Меня сдали на руки главному смошршелю надъ *Камеротти*, и онъ, въ сопровожденіи двухъ тюремныхъ служителей, повелъ меня черезъ множество лѣшницъ и галлерей въ какой-то грязный и темный чердакъ. Сквозь продушину въ кровлѣ только шуда свѣсъ и входилъ. Я заключилъ по этому, что здѣсь мнѣ назначено было сидѣть, однако жъ ошибся. Тюремщикъ схватилъ огромный ключъ и опперъ желѣзную дверь, фуша въ при вышиною. Въ срединѣ этой двери, продѣлано было оконце съ рѣшеткою.

Войдя туда, я съ любопытством посмотрѣлъ на желѣзную машину, приближую къ стѣнѣ. Проводникъ мой замѣшилъ это, и сказалъ мнѣ, смѣясь: „Если хотите узнать употребленіе этой машины, то я вамъ объясню его. Когда по приговору высокородныхъ Гг. Инквизишоровъ, какой нибудь заключенникъ осужденъ на смерть, то его сажаютъ на эшапъ спуль, спиною къ стѣнѣ, а на шею ему возлагаютъ до половины эшапъ желѣзный ошейникъ. Вокругъ его обвиваютъ шелковую веревку, которою оба конца проходятъ сквозь стѣну этими прещинами, и прикрѣплены къ рукоянкѣ, которую до тѣхъ поръ вертятъ, пока страдалецъ отдастъ Богу душу. Но духовникъ оставляетъ его не прежде, какъ онъ уже совсѣмъ онойдеши.“

— „Очень замысловатая выдумка!“ сказала я: „и вѣрно на васъ налагается почешная обязанность — вертѣть эту рукоянку?“ Но достойный мой проводникъ ничего не отвѣчалъ. Какъ скоро я вошелъ въ желѣзную дверь, она захлопнулась за мною, и уже сквозь оконце тюремщикъ спросилъ у меня, чего я хочу себѣ повѣсть? — „Покамѣстъ ничего, отвѣчалъ я.“ Тогда онъ меня оставилъ и я слышала, какъ онъ запи-

ралъ одну за другою всѣ двери, ведшія въ мою пюрьму.

Въ пѣсной пюрьмѣ моей не было вовсе никакой мебели. Жаръ въ ней былъ несстерпимый, и я не иначе могъ дышать, какъ прислонясь къ оконцу двери. Сквозь него я видѣлъ пребольшихъ крысъ, которыя разгуливали по чердаку, составлявшему стѣни моей пюрьмы. Эти физически гадкія твари, безъ малѣйшаго страха подходили къ моей рѣшешкѣ, и я принужденъ былъ зашкнуться сею ошверстіею, чтобы не допустить ихъ войти ко мнѣ. Тогда я остался въ шемношѣ и погрузился въ мрачныя мои мысли.

Когда я увидѣлъ, что день проходитъ, а тюремщикъ мой не возвращается, тогда началъ безпокоиться. У меня не было ни пищи, ни постели, ни даже на чемъ сѣсть. Во рпу я чувствовалъ такую горечь, какой никогда еще въ немъ не бывало. Я все надеялся, что кто нибудь придетъ еще до ночи; но когда часы пробили полночь, тогда отчаяніе мое дошло до изступленія. Я ревелъ, бился ошъ злосши, стучалъ въ дверь изо всей силы и дѣлалъ столько шума, сколько могъ; но никто его не слышалъ и никто не пришелъ. Эти напрасныя усилія меня истощили; наконецъ я распянулся на полу.

Тщепно я спарался опгадать, по какому доносу, за какую пляжку вну меня заключили съ шакою спрогосіію? Сіе нераднїе о доспавленїи мнѣ самаго необходїмѣйшаго въ жизни, казалось мнѣ неизъяснїмо. Однако жъ, ни волненїе мыслей, ни жесткій полъ, на кошоромъ я лежалъ, не помъшали мнѣ заснуть крѣпкимъ сномъ.

Ночный колоколь дворца Санъ - Марко, пробудилъ меня послѣ прехъ - часоваго сна. Ужасно пробужденїе, когда съ нимъ мы видимъ вокругъ себя печальную существенность въ замѣнъ сонныхъ мечтанїй. Лежа на лѣвомъ боку, я просянулъ правую руку, чшобы взять свой плашокъ, смушно вспоминая, что положилъ его подлѣ себя; каковъ же былъ мой ужасъ, когда мнѣ попалась рука, холодная, какъ мраморъ! Спрахъ оцѣпенилъ меня съ головы до ногъ, и пашь минушь лежалъ я безъ движенїя. Мнѣ пришло на мысль, что подлѣ меня положили мершвѣй шрупъ во время моего сна; ибо я швердо былъ увѣренъ, что на эшомъ мѣстѣ не было ничего, когда я ложился. Я рѣшилъ ся убѣдїться въ шомъ новою попышкой, и на эшошь разъ почувствовала, что холодная рука слегка двигалась. Наконецъ я дошелъ до истины: эша рука была просто моя собшвенная, но совершенно онѣмълая,

по причинѣ положенїя, въ какомъ я уснулъ. Эшо открьшїе, само по себѣ довольно смѣшное, внушило мнѣ самыя мрачныя размышленїя. Я видѣлъ, что въ уныломъ мѣстѣ, гдѣ меня заперли, разсудокъ шеряешь власть свою, воображенїе доспаешся въ добычу щщеннымъ мечшамъ или ужаснымъ призракамъ, и въ смяшенїи моемъ, почши начиналъ сомнѣваться въ существенности всего, что меня окружало. Я неперпѣливо ждалъ наступленїя дня, и меня занимали разныя думы.

Немного спустиа по восходѣ солнца, ключи въ замкѣхъ защелкали и шюремщїкъ мой пришелъ у меня спросить: надумался ли я, чего хочу къ обѣду? Я ошнюдь не расположенъ былъ шушшъ, и сказалъ ему въ корошкихъ словахъ, чего мнѣ желалось. По его же настоянїю, я сдѣлалъ записку мебелямъ и вещамъ, кои мнѣ были нужны и кои должно было взять у меня изъ дому; но когда я прочелъ ему эшу записку, шо онъ сказалъ, что я долженъ изъ нея вычеркнушь книги, бумагу, чернила и перья, шакже зеркало и бришвы, какъ вещи запрещенныя въ шюрѣмахъ.

Въ полдень, шюремщїкъ ошянь вошелъ ко мнѣ въ сопровожденїи пяши человекъ, приспавленныхъ для прислуги Государшвеннымъ престулникамъ, ибо въ семь каче-

спивъ и меня заперли. Люди сіи принесли мнѣ постелю, нѣсколько мебели и обѣдъ. Я принужденъ былъ ѣсть косяною ложкой, пошому, что ножи и вилки строга было запрещено давань заключеннымъ.

Тюремщикъ спросилъ, какого кушанья хочу я на завшре? Пошому, что онъ не могъ входить ко мнѣ больше одного раза въ день, и по ушромъ пораньше. Онъ прибавилъ, что Его Превосходительство Секретарь Инквизиціи, вызвался прислать мнѣ книгъ, коихъ чтеніе приличіе въ моемъ положеніи, нежели шѣхъ, копорыхъ я шребовалъ, и въ кошорыхъ онъ мнѣ ошказалъ. „Засвидѣтельсвиуйше ему,“ ошвѣчалъ я, „благодарность мою за сію милость, шакъ какъ и за шо, что онъ далъ мнѣ особую комнату.“ — „Я выполню эшо, если вамъ угодно; шолько не совѣшую вамъ шупишь съ нимъ.“ — Я совѣшь не шучу, а чувствую въ полной мѣрѣ благосклонность, оказанную мнѣ шѣмъ, что меня помѣстили одного, а не съ кѣмъ нибудь изъ негодаевъ, запершихъ въ здѣшнихъ шюрмахъ.“ — „Что за негодяи, сударь? Нѣшь, у насъ здѣсь шолько порядочные люди и содержащяся по причинамъ, кои извѣстны шолько Высокороднымъ Господамъ нашимъ Инквизиторамъ. Одиночество заключенника счи-

паешся за наказаніе строгае, и вы первый за эшо благодарите.“

Эшотъ человекъ былъ правъ; я очень живо почувствовалъ сіе чрезъ нѣсколько дней послѣ. Одиночество въ шюрмѣ, ешь настоящая казнь, и никшо не можете, не извѣдавъ, знаншь, каково сидѣть долго одному въ заперши, въ мрачной шюрмѣ и безъ всякаго занятія.

На другой день, шюремщикъ принесъ книги, присланныя мнѣ Секретаремъ. Я попросилъ у него пройтись по чердаку, но онъ мнѣ въ шомъ ошказалъ. По уходѣ шюремщика, я жадно хвашилъ за книги. Оба сіи сочиненія, были наполнены идеями изсшупленными. Начишавшись въ цѣлую недѣлю сихъ швореній, я почувствовалъ, что они начали сильно дѣйствовать на мое воображеніе. Вечеромъ, когда я ложился спать, у меня было великое разспройство въ мысляхъ: я и шеперь еще не могу безъ улыбки вспомнить чудовищныхъ моихъ грѣзь. Если бы мнѣ шогда позволено было писать, шо книга, кошорую бы я объ нихъ сочинилъ, была бы по крайней мѣрѣ спраннаго содержания.

Чтеніе сіе шѣмъ больше производило во мнѣ впечатлѣнія, что разумъ мой ослаблъ ошь бессонницы. Я слышалъ звонъ

Сан-Маркского колокола, как будто бы он был в самой шюрмь моей, и звонь сей всегда пробуждалъ меня середь ночи. Возня моихъ сосѣдокъ, крысъ, шо же мѣшала мнѣ спать; наконецъ безчисленное множество всякой мелкой гадины безъ пощады на меня нападало и причиняло мнѣ почти судороги.

Въ немногіе дни, я испрашилъ на пищу всѣ деньги, которыя взялъ съ собою; и судилище опредѣлило мнѣ 50 сольдовъ (*) въ день на содержаніе; этого было слишкомъ для меня доспадночно.

Наспупало самое жаркое время года; лучи солнечныя, падая во весь день на свинцовую кровлю моей шюрмы, нажаривали ее такъ, какъ парную баню. Попѣ лиль ручьями изъ всего моего пѣла, и частое круженье головы, предвѣщало мнѣ близкую лихорадку. Я принужденъ былъ лежать въ постели. Черезъ три дня, Лоренцо, видя, что я ничего не ѣлъ, понялъ, что я больнъ и привелъ ко мнѣ лекаря. Сей нашель во мнѣ сильный лихорадочный припадокъ и спалъ меня спрашивашъ; но я не хотѣлъ ему отвѣчать при Лоренцѣ, котораго присушше мнѣ опрошивъло. Какъ шюремщикъ

(*) *Солдо*, шо же, что су Французск.

не хотѣлъ удалиться, шо докторъ вышелъ съ нимъ, и черезъ нѣсколько часовъ пришелъ опять, оставя Лоренца за дверью. Я объяснилъ ему мою бользнь; онъ присовѣщовалъ мнѣ пить много лимонаду и ушелъ.

На другой день лекарь пришелъ ко мнѣ съ подлекаремъ, который пустилъ мнѣ кровь. Они выпросили мнѣ позволеніе спать на чердакъ, гдѣ жаръ не такъ былъ несносенъ; но я онъ того ошказался, боясь, что крысы шамъ будупъ меня шревожмшь. Лекарь жалѣлъ о моемъ положеніи; онъ предсавлялъ Секренарю о вредныхъ послѣствіяхъ книгъ, ко мнѣ присланныхъ, и выпросилъ у него позволеніе, принесши мнѣ шворенія *Босцил*.

Послѣ нѣсколькихъ посѣщеній лекаря, я началъ выздоравливашъ и снова почувшвовалъ позывъ къ ѣдѣ. Мнѣ позволено было по нѣскольку минушь прохаживашъ по чердаку, смежному съ моею шюрмою.

До 1 Октябрия, я жилъ въ надеждѣ, что въ сей день перемѣнмшя мое положеніе, ибо зналъ, что въ это время члены судилища должны были смѣниться. Я воображалъ, что они, бывъ убѣждены въ моей неповинности и спыдясъ своей несправедливости, держали меня въ шюрмѣ только для шого, чтообы, какъ говоримся, при-

крышь свои грѣхи, и намѣревались выпустить меня при концѣ срока своего управленія. Тѣмъ больше я въ помѣ убѣждался, что ко мнѣ никого не было прислано съ объявленіемъ о моей винѣ, и о сдѣланномъ надо мною въ свидѣніе того приговорѣ.

Все это казалось естественнымъ и вѣроятно; но я ошибался, думая, что такъ дѣлались въ Камерошши. Я не зналъ еще, что всякій гражданинъ становится виновнымъ по тому только, что на него былъ доносъ въ судилищѣ Инквизиціи.

Во всю ночь 30 Сентября, я не могъ сомкнуть глазъ: такъ непереносливо ждалъ я наступленія дня, который, по моему предположенію, долженъ былъ возвратити мнѣ свободу. Но, съ утра еще, Лоренцо, принесши мнѣ объѣзъ, не сказалъ мнѣ ни слова. Такъ прошло пять или шесть дней; смѣшеніе мое было неописанно и я началъ догадываться, что меня намѣрены были продолжать всю жизнь въ заключеніи. Тогда я рѣшился или уйти, или погибнуть въ сей попышкѣ. Это намѣреніе скоро сдѣлалось единственнымъ предметомъ моихъ мыслей. Особенное обстоятельство дало мнѣ выразумѣть, какъ глубоко эта мысль вѣздалась въ умъ моему. Въ день извѣстнаго землетрясенія, разрушившаго Лиссабонъ, я по-

чувствовалъ въ шюрмѣ моей сильное потрясеніе. Я мигомъ понялъ причину онаго, равно какъ и угрожающую мнѣ опасность; но единственнымъ моимъ тогда чувствованіемъ была радость оны мысли, что я, можешь быть, не буду болѣе узникомъ.

(Положеніе Казановы было поже до конца года. Обстоятельства не позволяли ему ни на что покуситься къ своему избавленію. Въ Ноябрь мѣсяцъ, къ нему попеременно приводили двухъ шоварищей заключенія. Одинъ былъ камердинеръ одного знашнаго Венеціанскаго вельможи, осужденнаго на пятилѣтнее заключеніе и на десятилѣтнее изгнаніе, за то, что дерзнулъ влюбиться въ дочь своего господина. Онъ проведъ только нѣсколько дней съ Казановою. Другой былъ ростовщикъ, обманувшій одного благороднаго Венеціанца; онъ высвободился шѣмъ, что заплашилъ за себя богатымъ выкупъ.)

Января 1, 1756 года, я былъ пріятно удивленъ, получа въ новый годъ подарокъ. Оный состоялъ въ халатѣ, подбитомъ мехомъ, въ шелковомъ одѣялѣ съ шерстяною подкладкою и въ медвѣжьемъ мѣху для согрѣванія ногъ; ибо моя шюрма была столь же холодна зимою, сколько жарка лѣтомъ. Вмѣстѣ съ симъ, извѣстили меня, что опи-

нынѣ могъ я спрашивать по шести цеккиновъ въ мѣсяцъ, и покупашъ на эти деньги книги и газетъ, какихъ мнѣ желалось. Сии подарки присланы мнѣ были другомъ моимъ и покровителемъ Памприциемъ Брагадино.

Надобно побывашъ въ подобномъ моему положеніи, чтобы вполне понять шо удвольшивше, какое мнѣ доставили сии знаки вниманія и доброхошества. Я почти гоповъ былъ опказаться опъ всѣхъ покушеній къ побѣгу и покориться моей судьбѣ: шакъ шо человекъ спановишся слабъ и шашокъ подъ вліаніемъ шяжкихъ бѣдешвій.

Совсѣмъ шѣмъ, эшо расположение духа было не долговременно. Я запримѣшиль, прохаживаясь по чердаку, нѣсколько спарыхъ мебели, сваленныхъ въ углу одиѣ на другія, и между ними я опыскала желѣзный засовъ, шириною въ дюймъ, и длиною въ полшора фуша; я нашель шакже кусокъ чернаго мрамора, шести дюймовъ длины, кошорый могъ служить вмѣсто почильнаго оселка.

Я схвашиль и шо и другое, въ намѣреніи превратишь желѣзный засовъ въ острое орудіе. Трудности, встрѣченныя мною въ исполненіи сего намѣренія, шолько болѣе подспрекали мое упорство. У меня не было инаго средешва къ доспигенію моей цѣ-

ли, кромѣ шого, чтобы спочишь желѣзо преніемъ объ камень. Я шрудился надъ симъ безъ усали цѣлыя двѣ недѣли, и по болшей часши въ совершенной шемношѣ. Смачиваль я камень слюною. Эшо было шяжкое испышаніе моего шерпѣвня. Руки мои всѣ были въ мозоляхъ, и шакъ напряжены, что я не могъ почти ихъ поворошишь; но я успѣль наконецъ сдѣлашь изъ засова осьмиугольный кинжалъ. Я гордился своею работою, хошя и не зналь еще, какое упошребленіе могу сдѣлашь изъ моего оружія. Въ ожиданіи благопріятной минушы, когда могу упошребишь его въ дѣло, я спряшалъ его въ солону, кошорою набишы были мои кресла, чтобы скрышь его опъ взоровъ Лоренца.

Послѣ нѣсколькихъ дней размышленія, ошановился я на мысли — прорѣзашъ опверснѣ въ помосшѣ моей шюрьмы. Я зналь, что подъ нею находилась зала судилища, въ кошорой я видѣль Секретаря Кавалли въ день моего задержанія. Я предполагаль, что когда опверснѣ будешъ сдѣлано, шо я спущусь ночью по проспнѣ въ эшу залу, спрячусь шамъ подъ судейскимъ споломъ и буду ждашь благопріятной минушы для ухода.

Но какъ попрепятствовашь, чтобы не мели моей комнаты во все то время, пока длится будешь моя работа, и не возбудишь подозрній? Я вздумалъ сказать Лоренцу, что пылъ, кошорую онъ поднималъ при мещеніи, причиняла мнѣ боль въ груди. Онъ общался впередь ее прибрязгивашь, но я также и этому прощивался, подь предлогомъ, будто бы онъ сырости я получу кровохарканіе. Однакожъ, чрезъ нѣсколько дней Лоренцо снова на шомъ настаивалъ, говоря, что назавтре онъ выметешь мою комнату. Я видѣлъ, что въ немъ пробудились подозрній, и поному распорядился слѣдующимъ образомъ.

Я занявшия кровью свой плашокъ, оцарапнувъ слегка себя руку, пономъ легъ въ постелю и дожидался прихода шюремщикова. Когда онъ вошелъ, по я сказалъ ему, что въ сильномъ кашлѣ порвалъ себя кровяной сосудецъ и просилъ Лоренца приехать ко мнѣ лекаря. Сей послѣдній дѣйствительно пришелъ, пустилъ мнѣ кровь и предписалъ лекаршва. Я приписывалъ свою болѣзнь пылу, кошорую поднимали, меня мою комнату, и положено было впередь этого не дѣлать.

Со всѣмъ шѣмъ не пришло еще время начинать мою работу. Холодъ былъ шакъ

силень, что я не могъ держать въ рукахъ желѣза; шемнопа долгихъ зимнихъ ночей мѣшала мнѣ работашь; ибо цѣлые 19 часовъ въ сушки было шемно. Лампа была предметомъ всѣхъ моихъ желаній. Чшобъ имѣть ее, началъ я шѣмъ, что удержалъ подь какимъ-то предлогомъ глиняную крипку, въ кошорой приносили мнѣ салатъ, пономъ каждый день опливалъ въ нее масло, даванное мнѣ для салата. Изъ мишкальнаго своего бѣлья надергалъ я нишей хлопчатой бумаги для свѣшленъ; выпросилъ себя кремень, какъ будто съ шѣмъ, чшобъ опускать его въ уксусъ, выдавая это за превосходное лекаршво онъ зубной боли, кошорую будто бы я спрадалъ. Поясная шальная пряжка служила мнѣ вмѣсто огнива, грецкая губка замѣнила пруть; недоставало мнѣ шолько сѣрныхъ спичекъ. Наконецъ, оказавшаяся, по счастью, на шѣлѣ у меня сынь, доставила мнѣ случай просить у лекаря, чшобъ онъ выписалъ мнѣ мазь, составленную изъ миндальнаго масла съ сѣрнымъ цвѣшомъ, и выпребовалъ оба сіи снадобья порознь. Напоследокъ, къ неизяснимому моему удовольствію, могъ я зажечь лампу и шѣмъ нарушишь одно изъ шрожайше соблюдаемыхъ пошановленій для шюремъ. Со всѣмъ шѣмъ, я опложилъ еще до перваго

дни поста исполненіе моего замысла, опасаясь, чтобы глупости и своеволие, в которыхъ всѣ жигели Венеціи вдаются, во время карнавала, не завели ко мнѣ въ шюръ-му какого нибудь новаго поварища.

Карнавалъ прошелъ безъ новыхъ заключеній, и я принялся за работу. Доски на помостѣ моей шюръмы, были шириною въ 16 дюймовъ; я выбралъ самое лучшее мѣсто, и началъ прорѣзывать ошъ одного паза до другаго. Я переславилъ свою кровать, засвѣщилъ лампу и легъ на полъ, чтобы удобнѣе работать. Выдалбливаемые мною щепы сперва были не толще хлѣбнаго зерна, но попомъ становились онѣ больше и больше. Я складывалъ ихъ въ салфетку, и послѣ выносилъ и высыпалъ за грудую старой мебели на чердакъ. Прорѣзавъ одну за другою при настилки досокъ, нашелъ я слой малыхъ кусковъ мрамора, связанныхъ между собою известкой, и надъ коими мое орудіе не могло дѣйствовать. Я вспомнилъ о способѣ, который Аннибалъ употребилъ при переходѣ чрезъ Альпы, и рѣшился извѣдать его въ семь случаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ, что укусъ, хотя и не размягчилъ мрамора, но доставилъ мнѣ удобство выпаскаться цеменшъ, коимъ связаны были куски онаго. Сіе новое препяшствие пре-

одолавъ я въ четыре дни, и нашелъ попомъ новую доску, которая долженствовала быть послѣднею; но мнѣ очень спрудно было ее прорѣзывать, ибо сдѣланная мною яма, была уже десяти дюймовъ глубиною.

(Къ Казановѣ привели новаго поварища заключенія; это былъ Графъ Фарарелла ди Брешиа; онъ пробывъ только недѣлю въ *Пиомби* или *свинчаткахъ*. Казанова открылъ ему свою шайну и продолжалъ работу.)

23 Августа, работа моя была кончена. Одно неблагопріятное обстоятельство нѣсколько ее замедлило. Прорѣзавъ послѣднюю доску, я увидѣлъ сквозь маленькую щрецину, что я точно ошгадалъ, и что зала инквизишоровъ была дѣйствительно подъ моею шюръмою. Но прорѣзанное мною ошверсіе пришлось ошчасши надъ полсною перекладиной, и это заславило меня прорѣзывать помостъ свой съ боку, чтобы расширить ошверсіе. Я залепилъ хлѣбомъ щрецинку, пробишую въ пополокъ залы, дабы свѣтъ моей лампы не измѣнилъ мнѣ, ибо я рѣшился ждать до дня Св. Августина. Я зналъ, что наканунѣ того дня собирался великій совѣщъ, и что слѣдовательно, комната, чрезъ которую я долженъ былъ уйти, будетъ тогда пуста.

Но 25 Августа, происшествіе, о которомъ одно воспоминаіе и теперь еще приводитъ меня въ трепень, разрушило все мои намѣренія. Послышался звукъ замковъ — и меня объѣлъ смертельный страхъ. Сердце мое сильно забилось, я упала на кресла почти безъ памяти. Лоренцо сказала мнѣ сквозь оконце, что принесъ мнѣ добрую вѣсть. Я думала, что вѣсть сія была о моей свободѣ, и считала себя погибшимъ; ибо, если бѣ открылось мое похищеніе, то я навѣкъ бы лишился надежды освободиться. Лоренцо вошла, и велѣла мнѣ итти за нимъ. Я хотѣла одѣваться, но онъ мнѣ сказалъ, что это напрасно и что дѣло состояло только въ томъ, чтобы покинуть гнусную шюрму мою и переѣхавшись въ хорошую комнату съ двумя окнами; что эта новая комната свѣтла, воздухъ въ ней чистъ и у меня передъ глазами будешь изъ нея видъ на цѣлую половину Венеціи. Я была внѣ себя, попросила уксусу, чтобы хотя мало очнуться, и сказала Лоренцу, чтобы онъ благодарилъ Секретаря; но просилъ бы его оставить меня на прежнемъ мѣстѣ. „Въ умѣ ли вы?“ вскричала Лоренцо: „вы отказываетесь отъ рая, чтобы оставаться въ адѣ.“ Вслѣдъ за тѣмъ, онъ подаль мнѣ руку и велѣлъ

людямъ перенести мои вещи. Видя, что всякое сопротивленіе было бы напрасно, я рѣшилась итти за нимъ и съ крайнимъ удовольствіемъ увидѣла, что за мною несли также и кресла, въ которыхъ былъ спрятанъ безцѣнный мой кинжалъ. О! если бы Небу угодно было, чтобы и работа моя, конченная съ такими заботами, могла пользоваться за мною въ новую мою келью!

Опершись на плечо Лоренцо, который спарался развеселить меня своими шуточками, скоро я пришелъ въ роковую комнату. Входъ въ нее былъ изъ коридора, въ двѣнадцать футовъ шириною и въ два длину; въ этомъ коридорѣ было два окна съ рѣшеткой, такъ, что сквозь оконце моей двери, я не только могъ пользоваться прекраснѣйшимъ видомъ на городъ, но и дышать свѣжимъ воздухомъ; а это было неогцненное благо для заключенника въ погдашнее время года! Но въ ту минуту, когда меня сюда ввели, я ни сколько не расположенъ былъ чувствовать цѣну всѣхъ сихъ выгодъ.

Лоренцо оставилъ меня, сказавъ, что пойдешь за моею кривашью. Новый страхъ объѣлъ меня при сихъ словахъ, ибо все должно было открыться. Я бросился въ кре-

сла съ ужасомъ и преданный горестнѣйшимъ опасеніямъ.

Я зналъ, что подъ Дожескимъ дворцомъ, гдѣ я сидѣлъ въ заключеніи, было девятнадцать подземныхъ мѣшковъ, куда забирали узниковъ, надъ кошорыми приговоръ къ смертной казни смягченъ былъ въ вѣчное заоченіе. Мѣшки сіи — суція могилы, въ кои морская вода прощачивается сквозь узкія отверстія, сдѣланныя для входа воздуха. Въ нихъ на два фупа соленой воды, кошорая всегда тамъ застаивается, и пошомупо ихъ назвали *колодезями* (i Pozzi). Узникъ, не хошящій весь день сидѣть въ водѣ, другаго средства не имѣешь, какъ польско взобратъ на подмоскки, служащія ему вмѣсто постели. Онъ долженъ бытъ въ безпреспанной войнѣ за свою пищу, съ превеликими морскими крысами, кошорыми наполнены сіи ужасныя гнѣздилища. И совѣшшьмъ, — повѣрять ли? нѣкошорые заоченики прожили долгія дѣша въ сихъ мѣшкахъ. Одинъ, родомъ Французъ, по имени Бегеленъ, обвиненный и осужденный за то, что играши роль шпіона республики, былъ подлинно шпіономъ враговъ ея, запершъ былъ въ *Почци* на сорокъ пятомъ году, и умеръ тамъ въ заоченіи на 82 году своей жизни. Туда-

по я ждалъ ежеминутно, что поведушь меня.

Черезъ два часа, я послышалъ снова шоропливые шаги Лоренца, кошорый казался крайне сердитымъ. Онъ вошелъ ко мнѣ въ изсупленіи бѣшенства, изрыгая хулы на Бога и Святыхъ Его, и пребовалъ, чтобъ я отдалъ ему шопоръ, кошорымъ я прорубилъ помость, и сказалъ бы ему, кто мнѣ его доставилъ. Онъ обыскалъ меня, прилѣжно осмошрѣлъ мою кровашъ, постелю и всѣ вещи — и однако жъ не ошыскалъ моего кинжала. „Такъ вы не хошите мнѣ ни въ чемъ признаться“, сказалъ онъ: „можешъ бытъ, другимъ вы дадите отвѣшь.“ — „Если узнаюшь“, отвѣчалъ я, „что я прорубилъ у себя въ шюръмъ полъ, и спанушь меня о шомъ допрашивашъ, то я скажу, что ошь себя получилъ нужные для шого инструмены, и что сего дня, отдалъ ихъ тебѣ обрашно.“ При сихъ словахъ, онъ заревѣлъ ошь бѣшенства и началъ бытъся головою объ стѣну, шакъ, что почши возбудилъ во мнѣ жалость. Подчиненные его перенесли ко мнѣ всѣ мои вещи, даже мою лампу и мраморную дощечку. Лоренцо велѣлъ пошомъ заперешъ окно въ коридорѣ, чтобъ ошнять у меня чистшй воздухъ; но я почипалъ себя счастливымъ, что шакъ

дешево отдѣлался, ибо кинжалъ мой ускользнулъ ошь всѣхъ розысковъ.

Принесенные мнѣ на другой день съѣстные припасы состояли въ кислую винъ, гнилой водѣ, пропсухломъ мясѣ и черсивомъ хлѣбѣ. Комнашы моей не мели, но ключникъ щпачательно осмощрѣлъ помощь, особливо у меня подѣ кровашью. Онъ забылъ однако жѣ взглянуть на пошолокъ, а шамъ-шо я надѣялся сдѣлать вторичную понышку къ побѣгу.

(Казанова склоняеть на свою спорону Лоренца, грозя объявить судилищу, что онъ способствоваль его намѣреніямъ уйши, и давъ ему денегъ. Спусти малое время, онъ вошелъ въ сношенія съ другимъ заключеникомъ, своимъ сосѣдомъ, съ которымъ онъ пересужался книгами, чрезъ посредство Лоренца. Сей узникъ имѣлъ способы писать, и переслалъ къ Казановѣ много писаныхъ листковъ, въ коихъ описаль ему свои приключенія, скрывая листки сн въ книги. То былъ Марино Бальби; поварищемъ заключенія въ его комнашѣ, былъ одинъ спарый Испаліанскій Графъ. Изъ этой переписки, Казанова уразумѣлъ, что имѣлъ дѣло съ человекомъ слабого характера, и долженъ былъ педовѣрять ему; но пошомъ призналъ, что ему пужна была помощь сего человека,

для приведенія въ дѣйство новыхъ своихъ покушеній къ уходу. Онъ написалъ къ нему о пошь карандашемъ, который Бальби переслалъ къ нему, запряшавъ въ книгу.)

Кинжалъ мой спалъ бесполезенъ у меня въ рукахъ, ибо надѣ всѣми моими пощупками спрого наблюдали, и каждый день осмощривали мою шюрму; въ сдѣдствие пого, я составилъ свой планъ. Я написалъ къ Бальби, что онъ долженъ былъ во всей точности сдѣдовать моимъ наспавленіямъ, если хочешь уйши вмѣстѣ со мною, и что если мнѣ удастся переслать къ нему кинжалъ, надобно, чтооь онъ прорѣзалъ спѣну, раздѣляющую насъ, что въ это опшверсіе, я пролѣзу въ его шпорму, и тогда опшвѣчаю за то, что опшо освобожу его и Графа.

Онъ опшисаль мнѣ, что даже и тогда, когда я успѣю пробраться въ его шпорму, я все шаки буду въ заключеніи, шакъ какъ и онъ. Я повшорилъ, чтообы онъ держался моихъ предписаній, а о прочемъ бы не заботился. Я присовѣщиваль ему шакке накупишь гравированныхъ каршинокъ и наклеишь ихъ на спѣив своей комнашы, дабы шѣмъ закрышь прорѣзываемое имъ опшверсіе.

Я скоро придумаль средство, какъ ему переслать мой кинжалъ. Я упросилъ Лорен-

ца, достать мнѣ полспую книгу въ листъ, надѣясь въ шылъ переплета ея запрястать желъзо, и шакъ пересласть его къ Бальби. Къ несчастію оказалось, что книга двумя дюймами была короче; должно было выискать еще вспомогательное средство.

Я сказалъ Лоренцу, что по случаю праздника Св. Михаила, мнѣ желашельно имѣть два блюда макароновъ, пригошовленныхъ съ масломъ и Пармскимъ сыромъ, чшобы послать одно изъ нихъ шому заключеннику, кошорый снабжалъ меня книгами. Онъ обѣщадъ мнѣ желаемое и вмѣстѣ извѣстилъ меня, что сосѣдъ мой просилъ у меня полсшаго моего фоліанша. Я ошвѣчалъ, что пошлю въ одинъ разъ и шо и другое, и подшвердилъ Лоренцу, чшобы онъ досталъ мнѣ блюдо, какъ можно больше, прибавя, что я самъ его приправлю. Между шѣмъ, какъ онъ ходилъ за блюдомъ, я завернулъ весьма спарашельно въ бумагу мой кинжалъ, и заложилъ его въ шылъ книги, думая, что когда спану ошдавалъ Лоренцу блюдо, посшавленное на книгу, шо онъ обратишь все свое вниманіе на шо, чшобы не рассыпашъ макароновъ, и не замѣшишь, что изъ книги на два дюйма выказываешся какал-шо вещь. Я извѣстилъ Бальби о мо-

ихъ намѣреніяхъ, и просилъ его, приняшь ошъ Лоренца блюдо съ книгой вмѣстѣ.

Въ Михайловъ день, Лоренцо пришелъ съ большею кошпрулей, полною макароновъ. Я шопчасъ разложилъ макароны на два блюда, приправя ихъ масломъ и шершымъ сыромъ. Въ шо блюдо, кошорое назначалъ я для монаха, налилъ я шопленого масла до самыхъ краевъ. Пошомъ, посшавилъ я блюдо на книгу, шакъ чшо совсѣмъ покрылъ имъ сію послѣднюю; ошдалъ все это Лоренцу и просилъ его ишши ошорожише, чшобы не пролишь масла на книгу. Онъ находилъ сіе шруднымъ и предлагалъ мнѣ сперва ошнести блюдо, а послѣ фоліаншъ. Но я ему сказалъ, что подарки мои будущъ имѣть больше цѣны, если доставяшся вмѣстѣ; онъ склонился на мои представленія и пошелъ съ сею двойною ношею. Я смолрѣлъ вслѣдъ за нимъ съ безпокойствомъ, и скоро, къ неописанному моему удовольствію, услышалъ, какъ Бальби подаль мнѣ условный знакъ, чшобы извѣстить меня объ успѣхъ моей выдумки.

Бальби упошребилъ слишкомъ недѣлю на прорѣзываніе ошверсіи, и во все это время, безпрешанно пересылался со мною записками, увѣдомляя о ходѣ своей работы, и сообщая мнѣ свои сомнѣнія на счетъ у-

спѣха нашего дѣла. Въ опѣвахъ моихъ, я изъяслялъ спокойствіе и увѣренность, которыхъ на самомъ дѣлѣ вовсе не чувствовалъ; но я упорно рѣшился вески дѣло до конца.

Октября 16 я услышала при ударахъ, сдѣланные въ перегородку моей комнаты, и опѣвчалъ тѣмъ же. Это былъ знакъ, условленный между мною и Бальби, чѣшобы удостовериться въ нашемъ взаимномъ положеніи. Бальби на другой день написалъ ко мнѣ, чѣшобы работа его кончена, но чѣшобы онъ до тѣхъ поръ не прорѣжетъ совсѣмъ опѣвствія, когда насъ начнешь рѣшишельная минуша, дабы не видно было прежде времени слѣдовъ его работы на перегородкѣ изъ моей комнаты.

Въ слѣдствіе сего, я назначилъ время нашего побѣга въ ночь на прѣшны сушики. Я думалъ, чѣшобы скоро я проберусь въ шюръму Бальби, чѣшобы могу прорѣзать крышу дворца, чѣшобы это можно было сдѣлать въ нѣсколько часовъ; чѣшобы мы выльземъ въ сіе опѣвствіе, и пошомъ спустимся, какъ съулземъ, на улицу.

(Въ день, назначенный Казановоу къ окончанію его намѣренія, къ нему привели новаго шоварища. Это былъ шпюнь самаго низкаго разряда, именемъ Сордаччи, лукавый

и суевѣрный невѣжда. Казанова успѣлъ обмануть его, воспользовавшись его легковѣріемъ и суевѣріемъ. Онъ увѣрилъ его, чѣшобы какой нибудь добрый духъ придетъ освободить ихъ, и для того разсѣчешь, въ шакомъ шо часу, спѣну ихъ шюръмы.)

Все сдѣлалось по моему желанію: 31 Октября, въ условномъ часу, Бальби вытолкнулъ въ мою комнату послѣднюю доску, насъ раздѣляющую, и пролезши самъ сквозь сіе опѣвствіе, бросился въ мои объятія. „Теперь,“ сказалъ я: „ваша работа кончена, а моя начнется.“ Я взялъ кинжалъ, прошелъ въ шу комнату, гдѣ былъ старый Графъ, сказавши напередъ Бальби, чѣшобы онъ присмащривалъ за Сордаччи, котораго я не хощу опѣвствіе одного. Я увидѣлъ, съ перваго взгляда, чѣшобы Графъ въ соспюяніи былъ за нами слѣдовашь въ опасномъ нашемъ предпріятіи. Едва изъяснилъ я ему нашъ планъ, какъ онъ мнѣ сказалъ, чѣшобы у него нѣшь крыльевъ, чѣшобы слѣпѣшь съ кровли, на которую мы хощемъ выльзѣшь, и чѣшобы онъ будетъ шолько молиться за насъ.

Не теряя времени, я подмощился къ пошолку и безъ дальняго шруда, началъ его прорѣзывать своимъ кинжаломъ. Меньше, нежели въ часъ, я сдѣлалъ въ немъ довольно

просторную вырѣзку. Пошомъ возвратился я въ свою комнашу, изрѣзала на-скоро проспыни свои, плашье и бѣлье въ полосы, связала ихъ на-крѣпко, однѣ съ другими, и сдѣлала изъ эшого нѣчто похожее на веревку, фушовъ во сто длиною. Пошомъ свернула вмѣстѣ остальное плашье, кошораго не поршила. Сордачки примѣшила тогда, что его обманули, но мы уговорили его воспользоваться случаемъ и уйши вмѣстѣ съ нами. Мнѣ, какъ будто спало легче, когда я сбросилъ личину лицебѣра, кошорую въ печеніе цѣлой недѣли, носилъ передъ эшимъ человѣкомъ. Графъ утѣрялъ его, что мы подвергнемся величайшимъ опасностямъ, и что гораздо благоразумнѣе не извѣдывать оныхъ.

Я скоро окончилъ прорѣзь въ кровль. Свинцовые листы, коими она покрыва, крѣпко были прибиты одни къ другимъ; но съ помощію Бальби и моего кинжала, я успѣлъ опорвать одинъ изъ нихъ и поднялъ его своимъ плечомъ. Тогда я съ сожалѣніемъ увидѣлъ, что ночь была лунная, и что должно было дождаться полуночи, когда луна зайдетъ; ибо пріятный вечеръ выманивала толпы прогуливавшихся на площадь Санъ-Марко, и они легко могли бы увидѣшь, что мы бродили по кровль дворцовой.

(Въ продолженіе шрехъ часовъ, кои Казанова еще провела въ своей шюрмѣ, ожидая заката луны, — онъ щепно спарался уговорить спараго Графа, дасть имъ въ заемъ сумму денегъ, кошора я нужна имъ была для побѣга; Графъ далъ имъ только два цеккина. Бальби укорялъ Казанову за то, что онъ вовлекъ его въ такую умыселъ, кошораго успѣхъ весьма сомнишелень; сей монахъ вовегъ лишился бодрости).

Время уже было убираться. Мы взяли свои узлы съ плашьемъ; не позабыли и веревокъ. Мы были легко одѣшы, чтобы свободнѣе бить въ своихъ движеніяхъ.

Я первый выльзь въ отверстіе и проплетнулъ руку къ Бальби, чтобы помочь и ему выльзшь. Мы находились на очень скользкой и покапистой поверхности; я полѣзь вверхъ съ великимъ шрудомъ; Бальби шацился за мною, уцѣплясь за мое плашье. Кинжалъ мой, кошорый я всовывала въ пазы, между свинцовыми листами, помогала мнѣ обдерживаться.

Когда мы были на половинѣ сей опасной дороги, Бальби просилъ меня на часъ остановишься, пошому что онъ уронилъ одинъ изъ своихъ узелковъ, кошорый, вѣроятно, скашился въ дождевой жолобъ. На пошъ мигъ, я чувъ было не ошправиль его вслѣдъ

за узломъ; но Небо дало мнѣ силу сдержашъ это первое движеніе гнѣва, и я уговаривалъ Бальби не горевать о пошерь вещей, лежавшихъ въ этомъ узлѣ. Мы все шакже ползли до самаго гребня кровли, а на сей послѣдній съѣли верхомъ. Прямо прошивъ насъ былъ куполь Св. Марка, сославляющій часть Дожескаго дворца, и гдѣ находишься домовая Дожева церковь, одна изъ великолѣпнѣйше украшенныхъ въ цѣлой Европѣ. Бальби положилъ наши веревки подъ себя, и хотѣвши снѣять шлангу, уронилъ ее на крышу, съ которой она упала въ канаву. Бальби почель это худымъ предвѣстіемъ; но я ему даль замѣшишь, что если бы шланга упала на другую сторону, то встрѣвожила бы часовыхъ, сподвѣшихъ у арсенала.

Окинувъ глазами вокругъ себя, я сказала Бальби, чтооь онъ оставался неподвижно на своемъ мѣстѣ, между шѣмъ какъ я пойду обозрѣшь кругомъ. Съ часъ я возилася по этой безмѣрной кровлѣ, въ напрасныхъ розыскахъ шакого мѣста, гдѣ бы удобнѣе было съ нея спуститься. Земля, окружающая дворець, почти вся была въ оградахъ, а мнѣ казалось едва ли возможнымъ пробраться по шу сторону церкви.

Я хотѣлъ однакожь понынашь; но сдѣлавъ двѣ шрени дороги, замѣшилъ я слу-

ховое окно, сквозь кошорое, по моимъ мыслямъ, намъ можно было пробраться во дворець, а пошомъ вышши изъ него, когда двери и вороша будутъ опворены на разсвѣтъ. Окно сіе снаружи было съ рѣшеткой, а извнушри со спеками. Рѣшетка была деревянная, и я пошчасъ вышибъ чешыре планки, сильно ударя въ нихъ моимъ кинжаломъ. То же сдѣлавъ и съ окномъ, не боявшись, что могъ изрѣзать себя пальцы. Я возвратился пошомъ къ моему шоварищу, кошорый прокліналъ долгое мое опшущствіе, и полагаа, что я опшунился и упалъ въ канаву, хотѣлъ возвратиться въ шюрьму свою. Онъ спросилъ, какія были мои намѣренія? „Узнаеше ихъ послѣ,“ опвѣчалъ я и велѣлъ ему слѣдовашъ за мною, неся на плечахъ связку веревокъ. Когда мы допоззли до слуховаго окна, шогда я сообщилъ ему свои намѣренія, и спросилъ его мнѣнія, какъ бы намъ лучше пробраться въ окно? Первый легко могъ сойти шуда, когда бы шоварищъ его спалъ держашъ веревку; но вшорый могъ изувѣчиться, спрыгнувъ внизъ, можешъ бышь, на большой тлубинѣ. Бальби пошчасъ вызвался первый спуститься, и я на это согласился. Я обвязалъ ему веревку около шѣла, и сѣвши верхомъ на сводѣ слуховаго окна, крѣпко держался за другой

конец веревки, размахивая его мало по малу, по мѣрѣ какъ Бальби спускался внизъ.

Онъ сошелъ безъ дальней опасности. Пришлянувъ къ себѣ назадъ веревку, я увидѣлъ, что высота, съ кошорой Бальби спустился, довольно значительна, и что мнѣ никакъ нельзя опсважиться соскокнущъ туда. Я удалился отъ слуховаго окна, безъ всякаго рѣшимельнаго предположенія, и дорогой, увидѣлъ на кровлѣ небольшой заломъ, заслоненный спавнемъ. Тамъ лежало нѣскольکو снарядовъ каменьщика, извешка и лѣстница. Я схватилъ сію послѣднюю, привязалъ ее къ моей веревкѣ и пошачилъ съ большимъ прудомъ къ окну. Усилія, кои упошреблялъ я, чшобы поставивъ лѣстницу сквозь окно въ верхнее жильѣ, причинили мнѣ сильную судорогу, и это заставило меня провести съ четверть часа въ бездѣйствіи. Это были самыя тяжкія минушы въ моей жизни. На послѣдокъ, я успѣлъ ввести лѣстницу въ окно; Бальби поставилъ ее концемъ на полъ, я бросилъ къ нему узлы наши съ одеждой и слѣзь самъ.

Спустившись внизъ, я ощупью обозначалъ мѣсто, гдѣ мы были запершы. Я опелеръ дверь и мы вошли въ большую залу, посреди кошорой сполалъ сполъ, а вокругъ него кресла. Я увидѣлъ окно, опворилъ его

и при свѣтѣ звѣздъ мѣрлялъ глазами ужасную высоту, съ кошорой мы не могли бы и подумать спуститься по веревкѣ. Я возвратился къ пому мѣсту, гдѣ оставались наши узлы, сѣлъ въ кресла и почувствовалъ такую сильную дремоту, что хотя бы эшошь сонъ стоилъ мнѣ жизни — я все бы уснулъ. Вся силы природы были во мнѣ опощены необыкновенными моими усилиями въ эту ночь. Бальби разбудилъ меня чрезъ полчаса; онъ не могъ понять, какъ можно было спать въ такую минушу? Эшошь кратковременный опдыхъ возвратилъ мнѣ силы.

Какъ скоро я вспалъ, по началъ искалъ выхода изъ эшой комнапы. Я опыскала большую желѣзную дверь, а на противоположной стѣнѣ другую, поменѣе. Я засунулъ кинжалъ свой въ замѣкъ и симъ способомъ опворилъ его. Чрезъ сію дверь, вошли мы въ небольшую комнапу; по серединѣ сполалъ сполъ, на кошоромъ я нашель ключъ. Симъ ключемъ опворилъ я другую дверь, кошорая привела насъ въ залу, заключавшую въ себѣ архивъ Республики. Мы вошли пошомъ на нѣскольکو ступенекъ, и толкнувъ стеклянную дверь, вошли въ Дожескую Канцелярію. Тогда я догадался, гдѣ мы были. Я взялъ инструменшь, кошорымъ

прокалывали пергамень для приложенія къ нему печати, опдалъ его Бальби, чшобъ онъ помогъ мнѣ двлашь прорѣзь въ двери, кошорую началъ я прорѣзывать кинжаломъ. Мы скоро прорѣзали довольно просторное ошверстіе; но оспрые концы, выдававшіеся кругомъ эшого прорѣза, грозилн намъ занозншь шѣло и осаднншь кожу, когда мы начнемъ пышашься пролѣзшь въ него; къ помужь, ошверстіе было фуповъ на пяшь выше помосна, ибо мы прорѣзали его шамъ, гдѣ доски были поше. Со всемъ шѣмъ, я подшавилъ шуль своему шоварищу, онъ просунуль голову и руки сквозь ошверстіе, а я вышолкнуль его вонъ. Пошомъ я самъ пролѣзь до половины шуда же, и просилъ Бальби шашншь меня изо всей силы, не забощась, чшо шѣмъ обдерешъ мнѣ кожу. Конча сіе, мы поспѣшно сошли по двумъ перемычкамъ лѣшннцы, и добрались до перехода, ведущаго къ шакъ называемой Королевской лѣшннцѣ; но здѣсь чешыре прешодешья двери, надъ коими все наши попышки были безуспѣшны, остановили наше шешствіе. Я сѣлъ подлѣ Бальби и сказалъ: „Я сдѣлалъ все, чшо шолько могъ; оспальнаго должно надѣяться онъ Провидннн. Сего дня и завпра прнзднчнне дни, и сюда можешъ бышь ннкшо не прндетъ.

Если же прндушь, я пробьюсь силою, и вы прндетеш вслѣдъ за мною; а если нншь, — шо мы умремъ съ голоду, ибо я не знаю больше ннкакого средсва.“

Бальби былъ въ ошчаяннн; онъ осыпалъ меня упреками, на кошорые я не ошвѣчалъ. Въ эшо время, я занимался поправленіемъ моего наряда. Бальби одѣшь былъ простолуднномъ, но его плашье не было изорвано и зацнпнано кровью, шакъ какъ мое. Снявъ чулки, я увидѣль, чшо у меня на обнхъ ногахъ по большой ранѣ; я изодралъ носовой плашокъ свой и перевязалъ сіи рапы. Пошомъ надѣль я шелковые чулки, рубашку съ кружевными манжешами, поправилъ себѣ волосы и наряднлся въ шегольское шелковое плашье. Въ шакомъ убранствѣ, я могъ казашься молодымъ повѣсою, возвращающнмъ съ ночной пнрушки. Я подошелъ къ окну — и, какъ я узналъ о шомъ чрезъ два года послѣ, въ Парнжѣ, — какой-шо прзднлюбець, прохажнвавшнйся по площади, замѣпнлъ меня, и сказалъ о шомъ шпорожу. Сей послѣдннй, думая, чшо заперъ кого ннбудь въ эшнхъ комнашахъ, спѣшнлъ насъ выпуспншь. Услыша, чшо идушь по большой лѣшннцѣ, я посмошрѣль сквозь замочную щелку и увидѣль, чшо шо былъ одннъ человѣкъ съ связкою ключей. Я подалъ знакъ

Бальби, чтобъ онъ молчалъ и дѣлалъ по, что я спану дѣлашь, самъ же спалъ подлѣ самаго выхода въ дверь, спряхавъ мой кинжалъ подѣ плашье. Дверь отворилась, и спорожь крайне удивился, нашедши насъ шущь. Мы поспѣшно прошли мимо его, не сказавъ ни слова, сошли внизъ по большой лѣшницѣ, и шакимъ образомъ, безъ помѣхи, вышли изъ дворца. Видно, спорожь шакъ былъ изумленъ нашимъ появленіемъ, что ему и въ мысль не пришло гнашься за нами.

Я никакъ не могъ ждаль безопасности въ спѣнахъ Венеціи: должно было пробрашься за границу. Я прошелъ Пьецешпу, не шеря времени и безъ оглядки. Прибывъ къ каналу, я бросился въ первую попавшуюся мнѣ гондолу и сказалъ гондольщику: „Еще одного гребца и вези насъ въ Фузину.“ Я безпечно раскинулся на средней скамьѣ, Бальби сѣлъ подлѣ меня и мы опшравились. Какъ скоро мы проплыли шаможенную зашпану, я спросилъ у гондольщика: во сколько времени можемъ мы доплышь въ Местре? — „Въ Местре?“ опвѣчалъ онъ: „вы ведѣли везти себя въ Фузину.“ — „Такъ я ошибся; намъ надобно плышь въ Местре.“ Гондольщики не сдѣлали болѣе никакого возра-

женія и сказали, что мы можемъ доплышь шуда въ при чешверши часа.

Я часшо оглядывался назадъ и не видѣлъ за собою никакой погони. Солнце начинало шогда показывашься на небѣ, и я съ восшоргомъ смошрѣлъ на сіе зрѣлище. Размышляя о произшествіяхъ минувшей ночи, о спеченіи обстоятельствъ, способшванныхъ нашему побѣгу, я възчувшвовалъ шеплую благодарношь ко Всевышнему, Который спасъ насъ Своимъ покровительствомъ. Наконецъ, во мнѣ спѣснилось шолько много живѣйшихъ опущеній, что я заплакалъ радостными слезами.

(Въ заключеніе довольно сказашь, что послѣ нѣкошорыхъ затрудненій, Казанова успѣлъ совершенно обезопасишь себя опъ преслѣдованій Венеціанскаго Правительштва).

Съ Франц.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ УЧИЛИЩЪ.

(Продолженіе.)

Довершивъ ученіе во 2 классъ Гимназіи (въ низшей Гимназіи), ученики посему могутъ и должны бы бытъ раздѣляемы на два разряда, одни поступающіе въ высшую Гимназію, прочіе же въ другое заведеніе, соединенное съ самою Гимназіею, подъ названіемъ: *Высшаго Гражданскаго (Мѣщанскаго) или Политехническаго Училища* (Höhere Bürgerschule, Realschule, Polytechnische Schule, с. 279). Уже въ Нюрнбергѣ устроено такое Училище, въ которое поступають юноши, посвящающіе себя торговлѣ и промышленности; а для подобныхъ же учебныхъ заведеній въ Минхенѣ и другихъ первенствующихъ городахъ Королевства Баварскаго, Государственные чины (die Stände) уже назначили потребныя суммы (с. 280). Ученики, довершившіе курсъ ученія, во 2 классъ Гимназіи бу-

дутъ совершенно уже приготовлены къ поступленію во все прочія учебныя заведенія, по части военной, или пушей сообщенія, горныхъ дѣлъ и ш. п.

Обращаемся къ *Высшимъ Гимназіямъ*, собственно *ученымъ школамъ*, главному предмету сочиненія нашего Автора, описаннаго и заимствованнаго заглавіе его книги: *Ueber gelehrte Schulen*. Она-то назначена для образованія достойныхъ хранителей Наукъ, Государственного устройства и самой Церкви.

Предметы ученія, впрочемъ подчиненные всегда чтенію и изысканію классиковъ, суть: Пoesія, Землеописаніе, Мифологія, Исторія, Риторика и Философія (с. 232); по главнымъ Наукамъ, четыре класса Высшей Гимназіи можно назвать: *Питическимъ, Историческимъ, Риторическимъ и Философическимъ* (с. 283) (*).

(*). Ниже на с. 332, упоминають о томъ, что первые два класса Гимназіи, составляющіе низшую Гимназію, могутъ бытъ названы Синтаксическими, и изложивъ причины, побудившія его предпочесть сіи, впрочемъ, не первыя уже наименованія классовъ, всѣмъ прочимъ, напримъ: prima, secunda — sexta, Авторъ нашъ говоритъ: „Das alles aber sind Formen, wel-

Поспешность сія основана на природѣ чловѣка, ибо *Поэзія*, болѣе всего привлекательна для юношей; она же и всюду предшествуетъ развитію умственныхъ способностей (какъ въ частныхъ лицахъ, такъ и въ цѣлыхъ обществахъ); она пробуждаетъ охоту къ *Исторіи*, сія же открываетъ намъ сиду *Краснорѣчія*, невольнымъ образомъ сближающаго насъ съ *Философією*. И не шо ли самое поспешное развитіе, подтверждаешь намъ и *Исторія* Греческой Литературы? За Гомеромъ и Гезіодомъ послѣдовали Геродотъ и Ксенофонтъ; за сими Исократъ и Демосеенъ, и наконецъ уже Платонъ и Аристотель (с. 284).

Но какъ успѣшь въ помъ, чшобы дѣши принимали истинное, усердное участіе въ преподаваемыхъ имъ предметахъ, безъ коего все будетъ только временнымъ дѣломъ памяти (*). Для сего нужно преимущесвен-

che durch den Geist der Wissenschaft und die Wärme des Eifers erst, wie von einem lebendigen Hauche müssen durchdrungen werden, um sich in ihrer Zweckmässigkeit und Bedeutsamkeit zu zeigen und zu bewähren.“

(*) Въ Минхенѣ ученики одного Учителя, намѣре-
вавшася оплошши испытаніе ихъ още на недѣлю,

но устранишь всякое неумѣстное развлеченіе, столь пагубное для учащихся. Развлеченіе сіе однако происходитъ не опъ однихъ шокмо забавъ и бездѣйствія; излишнее число предметовъ ученія, и частая мѣна оныхъ, также служатъ поводомъ къ разсѣянью юношества (*). Должно сколько можно

объявили ему, что они такъ долго не могутъ по-
мнить выученныхъ ими предметовъ („Ja Herr Pro-
fessor, so lange können wir das nicht merken, с. 286).
Случается и у насъ, что учащійся иногда говоритъ
наспавнику своему, гошовающемуся выслушать задан-
ный ему урокъ: „vite, vite, Mr. avant que je l'ou-
bliasse!“

(*) И въ семь случаевъ опять Г. Брауншвейгъ со-
вершенно согласенъ съ Г. Тиршемъ. Въ рѣчи своей:
„Welchen Einfluss hat die Zerstreuungssucht auf den
Jüngling, der sich den Wissenschaften widmet?“ онъ
(на с. 3) говоритъ: „Du sollst die Zeit nicht steh-
len.“ Man stiehlt aber die Zeit nicht bloss durch völ-
ligen Müssigang, durch Carnichtstun, sondern schon
wenn man sie den Gegenständen entzieht, denen sie
eigentlich bestimmt war. Dieses Entziehen der Zeit
dem einmal bestimmten Zweck findet schon statt,
wenn man sich mit mehrere Dingen, meist von un-
gleicher Wichtigkeit, zu einer und derselben Zeit
beschäftigt. — Далѣе же на с. 9: Die Zerstreuungssucht
macht jede ächte Bildung des Geistes unmög-
lich. *Aechte Bildung des Geistes ist — der Stand-*

ранѣ доводитьъ учениковъ до того, чтобы они сами, и охотно въ классѣ, занимались учениемъ.

Именуемые Г. Тиршемъ Авторы, кои въ чтеніемъ и изъясненіемъ въ продолженіе всего четырехлѣтняго курса, должно бы занимать учениковъ Высшей Гимназіи, соотвѣтствующую самому названію каждаго класса оной. Впрочемъ, говоритъ онъ, составленіе плана для преподаванія каждой Науки, въ теченіе года, есть дѣло Директора, совокупно со всеми Учительскими въѣреннаго ему заведенія (с. 292).

То что Авторъ говоритъ о способѣ (методѣ) классическаго ученія, конечно заслуживаетъ полное вниманіе; но оно почти не подлежитъ извлеченію, и къ тому же не совсѣмъ входитъ въ планъ предсказываемаго мною (сколько можно краткаго) объявленія. Видаешь въ слова нашего Сочинителя, дол-

punkt wahrer Humanität, die Quelle reiner Tugend и пр. Временное уединеніе, постоянно въ занятіяхъ и неразрывный съ онымъ порядокъ въ упражненіяхъ, для достиженія и поддержанія коего весьма полезны дневные записки учащихся (*Diarium*), суть, по словамъ Г. Брауншвейга, благонадежныя, испытанныя въ Митавской Гимназіи средства къ предопращенію и искорененію развѣянности.

жны предпочтительно самые преподаватели, которые понинѣ иногда не ксмаши держаться исключительно одного изъ двухъ различныхъ способовъ читанія классиковъ (*cursorische und statarische Lesung*, с. 293). Случаешь даже и то, что проспой переводъ называютъ объясненіемъ древняго Писателя (с. 295). Но иъшь ничего вреднѣе, какъ заспавлять учащихся переводомъ Автора, не изъясняя затруднительныхъ оборотовъ рѣчи, или не совсѣмъ понявшихъ рѣченій. Это пагубный путь, удаляющій учениковъ отъ своего назначенія, превращающій способъ, обращающій ученіе въ дѣло чистой памяти, и подавляющій всѣ зародыши будущихъ успѣховъ (с. 296).

Упомянувъ о томъ, сколь часто уже невѣжество вооружалось противъ просвѣщенія, и всячески оное поносило спаралось (с. 299), Г. Тиршъ показываетъ, что и Филологія, въ свою очередь, не избѣгла неосновательной клеветы, со стороны людей, непоспигающихъ цѣли и достоинства сей науки (с. 304).

Кришика, продолжаетъ Авторъ, неуѣстная въ низшихъ классахъ, необходима въ высшихъ, при разборѣ древнихъ Писателей. Она-то преимущественно, приу-

часть юношей къ осмопрительности, къ точности и основательности (с. 307 и 308).

Въ заключеніе 3 книжки своего сочиненія Г. Тиршъ опредѣляетъ предметы, подлежащія войши въ составъ ученія чешырехъ высшихъ классовъ Гимназіи: Пилпическаго, Историческаго, Риторическаго и Философскаго.

Въ *классъ Поэзіи*, правила Стихотворства излагаются согласно съ цѣмъ, какъ, по его мнѣнію, должны читаться и самыя Авторы. Сперва надлежитъ говорить объ эпическихъ стихотвореніяхъ, потомъ объ элегическихъ и лирическихъ, и наконецъ о драматическихъ (с. 284 и 309). Разсматривается же Поэзія Греческая, Латинская и отечественная, съ опредѣленіемъ отличительныхъ свойствъ каждой изъ нихъ.

Читая какъ въ семь, такъ и въ слѣдующемъ (Историческомъ) классѣ Гомера и Виргилія, Ксенофонша и Ливія (с. 240, 241 и 311).

Въ *Историческомъ классѣ*, при чтеніи упомянутыхъ классическихъ дѣписателей, преподавать Исторію, *которую бесполезно было бы распространять на всѣ вообще классы*. Въ Гимназіи лучше заставлять дѣшей выучивать наизусть цѣлый Латинскій словарь, нежели одни названія

Фригійскихъ, Сирійскихъ, Португальскихъ или Польскихъ Королей, говоритъ Авторъ (на с. 310). Въ 4-хъ классахъ приготовительнаго (п. е. Узднаго) Училища, должно познакомить учащихся съ новѣйшимъ Землеописаніемъ вообще. Въ двухъ классахъ низшей Гимназіи, присовокупить къ сему, для сравненія, и древнюю Географію и Этнографію. Преподаваніе Исторіи начнется въ классѣ Поэзіи, слѣдственно когда мальчикамъ будетъ уже 14 лѣтъ (*), и довершится въ классѣ историческомъ.

При семь руководствоваться должно бы синхронистическими таблицами, такъ однако, чтобы онѣ почитались не единственныиъ пособіемъ при преподаваніи Исторіи. Съ Древнею Исторіею, юноши знакомятся уже при чтеніи Геродота, Ксенофонша, Плутарха и Ливія, и даже при обращеніи съ стихотворцами. Хронологическимъ порядкомъ имъ излагать должно важнѣйшія происшествія (эпохи), знакомя ихъ съ характерами великихъ мужей. Такимъ только способомъ, можно въ учащихся возбудить нѣкоторую охоту къ дѣписаніямъ. Труднѣе сего изученіе новѣйшей Исторіи. По недосташку классическихъ Писателей, по

(*) Такъ и по мнѣнію Г. Брауншвейга.

сей части, должно учредить небольшую, изъ нѣсколькихъ частей состоящую, библіотеку отечественной Исторіи, кою ору, вмѣсто многа чшенія, давать учащимся. Чшеніе въ самомъ классѣ учебной книги Исторіи, развлекало бы учениковъ (с. 313 и д.). Къ сему-то чшенію отечественныхъ Историковъ, относится упомянутое уже выше приложеніе Г. Рота, объ употребленіи древнихъ Нѣмецкихъ источниковъ, для преподаванія отечественной Исторіи въ Училищахъ Германіи (*).

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, должно стараться о развитіи въ дѣтяхъ способности, излагать свои мысли ясно, точно и вразумительно. Для сего, съ 9 года уже они должны привыкать къ произношенію небольшихъ избранныхъ мѣстъ, сперва на отечественномъ языкѣ, а потомъ и на языкахъ древнихъ. Способность сія однако усовершенствуется преимущественно въ *Риторическомъ классѣ*, въ коемъ учащіеся произносятъ или небольшія рѣчи, ими самими на сей конецъ сочиненныя, или же и безъ

(*) Слова Г. Рота еще болѣе отнести можно къ нашему отечеству. Сколь богата древними источниками Россія! и сколько выписокъ изъ лѣтописей можно и должно бы было предсавлять учащимся!

всякаго къ тому приговоренія (с. 318). Просвѣщенный наставникъ въ классѣ будешь руководствоваться наиболее пвореніями Аристошеля, Цицерона и Квинтиліана. Сложены для разныхъ рѣчей, заимствованные изъ Греческой, Римской и отечественной (Нѣмецкой) Исторіи Г. Тиршъ предлагаетъ на с. 319 и 320, совѣту избирать подобныя же и изъ Липерашуры.

Въ *Философскомъ классѣ*, Учитель не станеть преподавать полного курса Философіи. Подобно Историческимъ Наукамъ, и Философскія принадлежатъ къ кругу Университетскихъ занятій. Въ Гимназіи должно только стараться о показаніи, до какой степени Древніе достигли по части Философскихъ изслѣдованій (с. 321).

Духъ нашъ, пробуждаясь къ самодѣятельности, щитается познавать природу вещей и мысленія. Сіе-то умственное стремленіе именуется Философією. Ничто не можетъ быть протививе свойству сей Науки, какъ простое затвержденіе наизустъ правилъ оной.

Не систематическое преподаваніе Философіи, но приговореніе къ постиженію разныхъ системъ, и постоянное писаніе Философскаго любознѣштва, а съ нимъ вмѣстѣ и усовершенствованіе умственныхъ

способностей, — вошь въ чемъ должна состоять цѣль Гимназическаго курса Философіи. Къ счастью для учащихся, естественное и поспешенное развитіе Философіи, ошь первыѣ началъ оной, никакъ лучше усмотрѣшь нельзя, какъ читая и соображая между собою Греческихъ Любомудрцевъ, ошь Фалеса до Платона и Аристотеля (с. 323).

Начиная съ положеній Ионической школы, наставникъ сперва переходить къ учению Элеатовъ, пошомъ къ системамъ Дорійцевъ, и наконецъ къ Афинской Философіи и предшествовавшимъ Платону Софистамъ, распространяя ученіе до времени Аристотеля. Послѣ сего уже слѣдующіе ученые, (Академики, Перипатетики, Стоики и Эпикурейцы), представляли шокмо въ разныхъ видахъ Философскія преданія великихъ своихъ предшественниковъ (с. 323—327). Ознакомившись, хотя сокращенно, съ Исторіею Философскихъ системъ, юноша, навывкшій къ собственному разсмаприванію, но вспуленіи въ Университетъ, уже не можешь сдѣлаться рабскимъ послѣдователемъ любаго, предполагаемаго ему ученія. Ошь самъ судишь, сличаешь и избираешь, — вошь прямой, вошь единственный путь къ Философіи, кошорой конечно при таковыхъ обстоятельствахъ, никакой просвѣщенный

мужъ уже бояшься не спанешъ. Учебная книга, излагающая сперва съ величайшею ясношю поспешенный ходъ Философіи ошь Фалеса до Аристотеля, а въ слѣдъ за симъ Логикку и Психологію, по руководству послѣдняго изъ сихъ Авшоровъ, была бы драгоценнымъ подаркомъ для Училищъ. Въ ней главныя положенія каждаго Любомудра, во всякомъ случаѣ, должно бы предлагашъ въ самомъ подлинникъ (с. 328).

Философія довершаешь курсъ Гимназическихъ упражненій; но въ числѣ предметовъ ученія, опущены опечешвенный (Нѣмецкій) языкъ и Математика, кошмъ Г. Тиршъ посвящаешь особья главы въ 4 книжкѣ своего сочиненія.

О преподаваніи отечественнаго языка.

Сужденія Г. Тирша о способѣ преподаванія Нѣмецкаго языка, такъ естественны и шоль легко могушь бышь приспособлены къ ученію Россійскаго языка, что изложенію оныхъ нельзя не посвящашъ здѣсь нѣсколькихъ спрокъ.

Мы знаемъ худо языкъ свой, говоришь Авшоръ, худо владѣемъ онымъ, какъ въ грамматическомъ, такъ и въ логическомъ опношеніи. Но слогъ зависишь ошь печенія

мыслей. Кто самъ ясно понимаетъ предметъ своей рѣчи, тотъ конечно безъ труда и съ точностію можешь изложить оный и словесно и письменно. Слѣдственно совершенство слога зависить отъ совершеннаго познанія предметова, отъ правильнаго мышленія, а сіе отъ развитія умственныхъ способностей; отъ основательнаго ученія (с. 338). Посему-то улучшение учебныхъ заведеній служить надежнѣйшимъ путемъ и къ усовершенствованію слога (с. 339). Учишь въ низшихъ классахъ сухой Грамматикъ живаго отечественнаго языка, есть прудъ безплодный; чишаешь же въ высшихъ классахъ по цѣлымъ часамъ и въ определенное время отечественныхъ Авторовъ, значить занимаешь юношей въ классахъ нѣмъ, чѣмъ бы они должны заниматься дома, въ часы отдохновенія. Сначала вниманіе ихъ ослабѣваетъ, потомъ они скучаютъ и наконецъ предаются сну (нравственному или физическому), или зашѣваюшь жалости (с. 340). Посему-то, и установленное въ 1816 году въ Баваріи изобильное преподаваніе Нѣмецкаго языка въ высшихъ классахъ, признано неумѣстнымъ и отменено уже въ 1824 году.

Но какъ же научишься по-Нѣмецки? спросяшь нѣкоторые патриоты. Ошѣвствуемъ словами Виланда: „*Читая Цице-*

рона.“ Цицеронъ же самъ, а съ нимъ и славный Вишій Лициній Крассъ, (L. Licinius Crassus) свидѣтельствуютъ о томъ, что они Латинскому языку научились отъ Грековъ (с. 345). Кто симъ еще не довольствуется, тотъ пусть вспомнить, что Латинскій языкъ на письмѣ образовался преимущественно послѣ вѣроятной Пунической войны, когда появились великіе Римскіе Трагики и Комики. И что же говоришь самъ о себѣ Плавтій? — Что онъ только изложилъ по варварски (vertit barbare) то, что Демосиломъ было написано на Греческомъ (с. 347). Ошлщившіе Поэты, подобно другимъ знаменитымъ мужамъ, образуются по великимъ примѣрамъ (*).

Первенствующіе въ народѣ Писатели могутъ служить *пособіями*, но не *средствомъ* къ совершенному изученію отечественнаго языка или къ усовершенствованію слога (с. 349). Клопштокъ, Лессингъ,

(*) Мы въ свою очередь вспомнимъ о Нѣмецкихъ примѣрахъ, коими пользовался В. А. Жуковский и самъ Ломоносовъ; о Французскихъ, которые служили образцами для Крылова и Башушкова и ш. д. Если подражанія иногда превосходятъ самый образцовый подлинникъ; то *тѣмъ большаа гестъ и слава шворческому генію подрашателей!*

Винкельманъ и Гердеръ, говорилъ Авторъ, не обучались Нѣмецкой Граммашикъ (*), но они имѣли случай познать основательно классиковъ. Такимъ-то образомъ, и наше юношество должно учиться правиламъ Нѣмецкаго языка, слѣдуча формы онаго постоянно съ формами древнихъ языковъ (**). Должно, однако же непрерывно упражнять юношество въ правописаніи, при чемъ для справокъ съ пользою могутъ быть употребляемы Граммашика или словопроизводный Словарь (с. 350). Совсѣмъ иное дѣло, обученіе Французскому языку; для него Граммашика необходима. Нѣмецкій языкъ, есть языкъ живой (lebende Sprache); онъ пишется такъ, какъ говорится; Французскій же, касательно Граммашики, существуетъ только по преданію (überlieferte Sprache). Совершенное познаніе онаго и въ самой Франціи,

(*) Кому, въ семь отношеніи, по крайней мѣрѣ по слухамъ, неизвѣстны слабости и первенствующаго въ числѣ Русскихъ Лириковъ?

(**) Кто знаетъ, какъ у насъ составились сперва Славянскія, а въ слѣдъ за ними и самыя Россійскія Граммашики, по примѣрамъ Греческимъ; пошъ найдеть, что таковыя сличенія для Русскихъ еще удобнѣе и важнѣе, нежели для прочихъ народовъ.

пребуетъ долговременнаго упражненія въ Граммашикъ (*).

Полезно было бы составить для юношей, обучающихся въ приугошовишельномъ классѣ, небольшую библіотеку, или Анедотію, изъ сочиненій удобовразумительнѣйшихъ Поэтовъ (какъ-то: Геллерта, Пфелфеля, Уца, Якоби, Штолберга, Гельши и проч.) и Прозаиковъ: (Лессинга, Гердера и Гебеля). Чтеніе Авторовъ, могущее служить только къ развлеченію, слѣдственно ко вреду учениковъ высшихъ классовъ, въ низшихъ классахъ (именно въ пригошовишельномъ, или уездномъ Училищѣ) можетъ быть полезно къ оживленію ученія. Не должно бы только назначать для сего опредѣленныхъ часовъ, а предославлять такое занятіе собственному усмотрѣнію благоразумныхъ Учителей, которые могутъ пребывать, чтобы дѣши вышверживали наизустъ лучшія чинанья имъ мѣста (с. 352 и д.).

Каждый часъ, посвящаемый классическому ученію, есть въ то же время и лек-

(*) Мы, кажется, въ семь отношеніи, болѣе сходствуемъ съ Нѣмцами. Желательно только, чтобы мы еще болѣе сообразовали наше правописаніе съ обыкновенною рѣчью, дабы не сдѣлашь изъ языка живаго, языкъ въ отношеніи къ правописанію только условный.

ція, способствующая къ совершеннѣйшему познанію языка отечественнаго (с. 353). Изложенный выше способъ упражненія классическими языками, служилъ и къ опредѣленію того, какимъ образомъ занимать должно учащихся отечественною Словесностію. Отъ эпическихъ пвореній, должно бы перейти къ лирическимъ, а отъ сихъ уже къ драматическимъ произведеніямъ, шакъ однако, чшобы изъ послѣднихъ предлагать въ высшемъ классѣ Гимназіи одни только отрывки, предославляя учащимся употреблять свободное отъ ученія время, для чтенія оныхъ вполнѣ. Равномѣрно, должно бы давать учащимся для чтенія въ свободное время, и лучшія прозаическія сочиненія, преимущественно книги въ родѣ писемъ Ив. Мюллера къ Боншешпену, Герена пвореніе о древнихъ народахъ, Лессинговъ Лаокоонъ и его же Археологическія письма (Antiquarische Briefe), разныя сочиненія Винкельманна, Гердера и п. п.

Гимназиста должно занять и древними памятниками своего отечественнаго языка. Для сего-то нужно ознакомить его съ Грамматикою кореннаго языка въ помѣ видѣ, въ коемъ оный существовалъ въ X и XI вѣкѣ (с. 355). Къ хорошей Грамматицѣ дол-

жно бы присоединить для нужныхъ справокъ и порядочный Словарь (*).

(*) Не по ли и у насъ нужно бы сдѣлать, въ отпущеніи къ языку Славянскому? — Безъ сомнѣнія, — и для насъ это еще несравненно нужнѣе, нежели для иностранцевъ, по той причинѣ, что всѣ Священныя книги Грегороссійскія Церкви издаются на языкѣ Славянскомъ. Если посему для Нѣмца доспашочно познакомиться только слегка, или предварительно, съ сочиненіями, извѣстными у нихъ подъ названіями: die Nibelungen, der Titurell u. Perseval, то у насъ, кажется, можно бы требовать, чшобы древнимъ памятникамъ Славянской письменности, было посвящаемо доспашочное вниманіе и время. Если не Пѣснь о походѣ Игоря, по крайней мѣрѣ, другіе образцы Славянской письменности, должны бы быть разбираемы въ классѣ. Тутъ же полезно будетъ познакомить учащихся (какъ съ піиическимъ изображеніемъ Куликовой битвы, шакъ и съ похвалою Димитрію Донскому, изъ конхъ отрывки напечатаны въ 428 и 429 примѣч. къ V тому Исторіи Н. М. Карамзина. Учитель Закона Божія уже доспашочно облегчить уроками своими трудъ учителя Славянскаго языка. Иногда, (только не всегда), можеть быть, не худо бы поручать и самому Священнику преподаваніе Славянскаго языка. Слѣдуя системѣ Г. Тирша, послѣ поученія Владиміра Мономаха, можно бы (въ историческомъ классѣ) читать другія спашья изъ лѣтописей и грамматъ, пощомъ (въ риторическомъ) древнія рѣчи (наприм. слова Кирилла Епископа Туровскаго), и наконецъ (въ фи-

Нельзя требовать отъ чловѣка того, чего онъ и самъ не имѣешь. По сему-то безразсудно было бы заставлятъ малолѣтнихъ еще дѣшней сочинять рѣчи и ш. п. Должно сперва обогатить учащихся мыслями, и попомъ уже побуждашь ихъ къ изложенію оныхъ. Доколь же развитіе умственныхъ способностей въ юношахъ не достигло еще надлежащей зрѣлости, дополь, и даже тогда еще, — должно занимать ихъ пе-

лософскомъ) сочиненія Философскія, а по недостатку въ оныхъ, древнѣйшіе переводы швореній Св. Опцевъ (напр. Григорія Богослова, о коемъ см. Библиографич. листовъ 1825 г. с. 85 и д.). Сличеніе сихъ переводовъ съ Греческими подлинниками ихъ, какую пользу могло бы принести для изученія древняго языка! Опышній наставникъ, предпочитаая, въ отношеніи чисто филологическомъ, древнее новѣйшему, не упустишь случая показатъ учащимся разность въ языкѣ древнихъ памятниковъ, происходящую отъ вѣка и мѣста ихъ написанія. — Но всего бы лучше, на сей конецъ составишь хоша небольшую Славянскую Хрисоматию, съ присовокупленіемъ къ ней крашкаго, нужнаго для выразумнія оной Славянскаго Словаря. Учащійся, получивъ въ Гимназіи понятіе о ходѣ древняго Славянскаго языка, легко распространитъ и упрочитъ сіе познаніе въ Университетѣ, гдѣ нужно будетъ обратитъ его вниманіе и на Лихерашуру другихъ Славянскихъ народовъ.

реводами и подражаніями лучшимъ Писателямъ (с. 359), или же изложеніемъ того, что было уже чипано въ классѣ. Въ шже время, полезно отъ низшаго до высшаго класса заставлятъ учащихся декламировать разные отрывки на языкахъ Латинскомъ и опечешвенномъ. Въ Историческомъ классѣ занимать наиболѣе историческими сочиненіями; въ Риторическомъ, сочиненіемъ рѣчей. Философскаго же класса Учитель, долженъ обратитъ вниманіе и на то, что диалектика есть главнѣйшее орудіе Философіи (с. 366).

Къ сей же главѣ, о способѣ преподаванія Нѣмецкаго языка, принадлежатъ второе прибавленіе къ книгѣ Г. Тирша. Это спашья Г. Шмеллера, извѣснаго Сочинителя Грамматики нарѣчій Южной Германіи. Авторъ оной, говоря объ отношеніи опечешвеннаго нарѣчія къ языкамъ древнимъ, классическимъ, замѣчаетъ, что послѣдніе, по крайней мѣрѣ въ низшихъ классахъ, разсмащриваются, какъ предметы довольно отдаленные отъ глазъ нашихъ, для надлежащаго ихъ созерцанія; опечешвенный же языкъ подобенъ стеклу, сквозь которое мы на оные смощримъ. Дабы разглядѣть самое стекло сіе, должно отдалитъ оно отъ глазъ нашихъ (с. 488). Посему-то полезно позна-

вашъ языкъ пошь, ошь коего происходишь упопреляемая нами рѣчь. Перехода ошь сего корня къ принадлежащей намъ въшви, мы наилучшимъ образомъ видимъ, какъ языки образуются и измѣняюща въ послѣдствіи вѣковъ. Впрочемъ преподаваніе сего предмета, Г. Шмеллеръ совѣщуетъ ошнестъ шокмо къ одному или двумъ окончательнымъ классамъ высшей Гимназіи, или даже и не вносишь въ курсъ ученія, но преподавашъ шокмо въ видѣ отдѣльныхъ, независимыхъ ошь онаго лекцій (с. 489), что можешъ бышь въ ошпошеніи къ древнему Нѣмецкому языку и досташочно. Учишьа же оному полезно и необходимо, говоришь Авторъ, исчисливъ вкращцѣ достопримѣчательные для Филологовъ памяшники Нѣмецкой письменности съ X вѣка до новѣйшихъ временъ.

О преподаваніи Математики.

Послѣдній предметъ ученія, о коемъ разсуждаешъ Г. Тиршь есть Машематика. Усомнишьа ли кто-либо въ пользу оной? Нѣшь; но въ *угеныхъ школахъ* обучашъ сей *Наукъ* должно не пошому шодько, что она полезна, а собшвенно для развитія умшвенныхъ способностей, для шочнѣйшаго поня-

шя о различныхъ взаимныхъ ошпошеніяхъ, словомъ для образованія челошва.

Ариематика, кошорой отдѣльные части преподаются пошепенно въ пригошовительномъ Училищѣ, въ низшей Гимназіи уже должна бышь преподаваема въ полной связи и въ видѣ Науки (с. 371).

За симъ непосредшвенно въ первомъ классѣ высшей Гимназіи слѣдуетъ преподаваніе Алгебры, кошорая очевидно доказывашъ, сколь вообще полезны и необходимы для челошва познанія отвлеченныа (с. 370).

Геометрія научашъ насъ, шакъ сказашь, мыслишь посредшвомъ глазъ, между шѣмъ, какъ Грамматика дѣйствуетъ на насъ помощію слуха (с. 377).

Прошедши Алгебру до кубическихъ уравненій, не должно обременяшь учащиха алгебранческими выкладками для исчисления, но части Геометрія, въ кошорую надлежитъ включишь и кошическія сѣченія.

Вообще наставнику полезно бы было руководшвовашъа Эвклидомъ, Архимедомъ и Апполоніемъ Пержскимъ (с. 874 и 379).

Полный курсъ ученія.

Взглянемъ шеперь на весь курсъ, преподагаемаго Г. Тиршемъ ученія. Исчислимъ

главныя, по мнѣнію его, предметы, и по-смотримъ, что онъ говоритъ о вспомо-гательныхъ (или побочныхъ) лекціяхъ.

Къ главнымъ предметамъ принадлежатъ:

1. Языки Латинскій, Греческій и оше-щественный (со включеніемъ кореннаго).

2. Законъ Божій и

3. Математика.

Предметы сіи преподаются въ продол-женіе всего курса ученія, отъ низшаго при-гошовиельнаго до высшаго гимназическа-го класса. Дѣти и юноши обучающаея онымъ, въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, съ 9 года до конца 18.

Сверхъ сего попеременно, или лучше сказашъ, поспешенно, преподаются: Геогра-фія (какъ новѣйшая, такъ и древняя), Есте-ствословіе, Поэзія, Исторія, Риторика и Логика.

Вошь все, что, по усмотрѣнію Г. Тир-ша, можешъ входить въ составъ полнаго гимназическаго курса. Новѣйшіе языки и ис-куства (даже рисованіе и музыку), по мнѣнію его, полезно бы было предоспавить обученію внѣ казеннаго училища, на иждивеніе самихъ родителей. А дабы дѣти имѣли время за-няншаея симъ посторонними для училищъ предметами, предполагашъ, чтообы по

средамъ и субботамаъ по полудни въ шко-лахъ не было ученія (*).

(*) Кажешъ, что не бесполезно было бы оста-вить при Гимназіяхъ, на прежнемъ основаніи, препо-даваніе рисованія и двухъ новѣйшихъ языковъ, предоспавивъ впрочемъ учащимся право учиться одно-му изъ нихъ или же и обоимъ. Нужно бы шолько, чтобы лекціи сіи не были тѣсно соединены съ опре-дѣленными классами, такъ напр. чтобы ученикъ высшей Гимназіи могъ учиться новѣйшему иностран-ному языку и въ Узднскомъ Училищѣ, и на оборотъ, смотри по сдѣланнымъ имъ уже успѣхамъ. — Суще-ствуетъ однако языкъ другаго рода, языкъ выс-шей и общій всѣмъ чувствительнымъ существамъ, кошорый, по вліянію своему на нравы, заслуживаетъ особенное уваженіе Правительства. Это *Музыка*, служащая утѣшеніемъ въ горестяхъ и возвышающая самыя радости человѣка. Она-шо кажешъ, должна бы входить въ составъ предметовъ ученія низшихъ (Узднскихъ) училищъ. Уже Г. Брауншвейгъ замѣнилъ, (въ книгѣ *Organisation d. Gymnasien*) что изощре-ніе слуха, по сіе время, слишкомъ мало обращало на себя вниманіе. Въ элементарныхъ (первоначальныхъ) классахъ, говоритъ онъ, должно не только наблюдать за правильнымъ произношеніемъ звуковъ, — явствен-нымъ чтеніемъ какъ прозы такъ и стиховъ, — но и самой музыкѣ, особливо пѣнію, слѣдовало бы на-значить особые часы. — Еще не задолго предъ симъ въ Харьковѣ существовалъ особый, учрежденный въ 1773 г. классъ инструментальной и вокальной му-зыки, на содержаніе коего производилось въ годъ, изъ остаточныхъ суммъ по 1000 рублей. Классъ сей упраздненъ въ 1805 году, въ то самое время, когда уничтоженъ сборъ съ Дворянскихъ дѣтей при по-ступленіи ихъ въ Гимназію. Сумма, на содержаніе онаго опущкавшася, была предназначена на другіе предметы. — Нужно ли на казенномъ иждивеніи со-держашъ особыхъ учителей музыки при высшихъ

Слѣдующая таблица, составленная на основаніи словъ Г. Тирша, въ семь отно-

Училищахъ (напр. при Университетѣ), это вопросъ другого рода; но при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, преподаваніе музыки безъ сомнѣнія весьма было бы полезно. Въ округахъ Дерптскаго и Виленскаго Университетовъ, музыка не оставлена безъ вниманія. При Виленскомъ Университетѣ, а именно: при Шамошней Семинаріи для образованія приходскихъ Учителей, существуетъ школа Органистовъ (Журн. Депар. Народн. Просв. ч. I. с. 446 и д.), а по Высочайше утвержденному 4 Юня 1820 года. Уставу учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ И. Дерптскому Университету (§ 17), при каждой Гимназіи Дерптскаго Округа, имѣешь бышь учитель музыки и пѣнія. По утвержденному же въ 5 день Ноября 1804 года Уставу учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ прочимъ Университетамъ (§ 8), Гимназіямъ дозволено содержать учителей шанцованія, *музыки* и шѣлесныхъ упражненій (Гимнастики), если шо позволятъ доходы оныхъ. — То же самое подтверждено Главнымъ Правленіемъ Училищъ 27 Марта 1819 г. въ Расписаніи учебныхъ предметовъ для Гимназій, Уездныхъ и Приходскихъ Училищъ (см. Журн. Депар. Народн. Просв. ч. I, стр. 315). — Кто при семь случаѣхъ, не вспомнишь съ чувствомъ признательности о благихъ видахъ покойнаго Государя Императора Александра Павловича, кошорый вполнѣ умѣлъ цѣнить пользу музыки, особливо для людей удаленныхъ отъ общества, отъ друзей своихъ и родственниковъ? Сохраненное намъ А. К. Шторхомъ въ превосходномъ повременномъ изданіи его *Russland unter Alexander dem Ersten* (No XII. с. 369 и д.) извѣстіе о томъ, что Государь, по собственному побужденію повелѣлъ, обучать музыкѣ въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ, служишь памятникомъ великаго вниманія Его ко всѣмъ состояніямъ своихъ подданныхъ, и въ шо же время прекраснѣйшою чер-

шеніи, съ большею ясностію, познакомишь чинашелей съ предполагаемымъ имъ расположеніемъ курса ученія:

пою возвышеннаго его характера. „Der Kaiser hat befohlen, (сказано тумъ) dass diese Kunst ein Gegenstand des öffentlichen Unterrichts im Bergkadettenkorps seyn soll, „damit die jungen Leute, die grössten theils bestimmt sind ihr Leben einsam in entlegenen Hüttwerken zu verleben, in ihr einen Trost und Zeitvertreib finden könnten.“ — И кто не согласится на шо, что музыка со временемъ съ пользою могла бы замѣнить игру въ карты и другія подобныя упражненія праздныхъ людей? Еще кажется полезно бы было учащимся, довершающимъ гимназическій курсъ, въ послѣднемъ годѣ ихъ пребыванія въ училищѣ, дать понятіе о полномъ кругѣ человѣческихъ познаній. Надлежало бы показати имъ вкратцѣ сущность каждой Науки и взаимную связь между собою всѣхъ нашихъ познаній. Такимъ образомъ юноша, поступая въ Университетъ, имѣлъ бы уже пѣкопное предварительное понятіе о цѣли и предназначеніи сего высшаго разсадика Наукъ. Такое приговореніе къ университетскому курсу, кажется, столько же необходимо, какъ и предварительное понятіе о постепенномъ развитіи древнихъ философскихъ системъ, какъ и познанія въ Логикѣ и въ эмпирической Психологіи. — Оно нужно для того, чтобы юноша послѣ перехода отъ Поэтовъ къ Историкамъ, отъ сихъ къ Випіянямъ и Философамъ, былъ предаренъ о новомъ для него родѣ знаній, — о систематическомъ упражненіи въ Наукахъ. Тутъ въ Университетѣ и самыя классики уже разсматриваются въ высшемъ философическомъ отношеніи; ибо Философія, какъ замѣчаешь и Г. Тиршъ (на с. 384), относитсѣ къ классическому ученію, какъ Богословіе къ преподаванію Закона Божія.

	НАРОДНОЕ ИЛИ ДОМАШ- НЕЕ Учили- ще.
Классы	
Возрасть	Отъ 5 до 8 лѣтъ.
1. Законъ Божій: Капихизисъ и пр. Чтеніе Св. Опцевъ Церковная Исторія	— — —
2. Языки: отечественный Латинскій Греческій	— — —
3. Математика: Арифметика Алгебра Геометрія	— — —
4. Естественная Исторія	—
5. Землеописаніе: Новѣйшее Древнее	— —
6. Поэзія	—
7. Исторія	—
8. Риторика	—
9. Философія	—
Число часовъ въ недѣлю .	—

ПРИГОТОВИТЕЛЬНОЕ Училище.				НИЗШАЯ Гимназ.		ВЫСШАЯ ГИМНАЗІЯ.			
1	2	3	4	Синтак- сическіе классы.		Клас. Позн. зн.	Клас. Испо- ри.	Клас. Рито- рики.	Клас. Фило- софіи.
				1	2	1	2	3	4
Отъ 8 до 9 л.	—10	—11	—12	—13	—14	—15	—16	—17	—18
4	4	4	4	4	4	4	—	3	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
12	12	12	12	14	14	14	14	14	14
4	4	4	4	4	4	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	4	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	4	4	4
2	2	2	2	—	—	—	—	—	—
4	4	4	4	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	4	4	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	3	1	—
—	—	—	—	—	—	—	1	3	—
—	—	—	—	—	—	—	—	4	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
26	26	26	26	26	26	26	25	25	25

Примѣчаніе. Новѣйшіе иностранные языки и Искусства, какъ уже сказано выше, суть предметы, по предположенію Г. Тирша, не входящіе въ составъ курса гимназическаго ученія. Имъ должно обучаться въ свободные часы, для чего по Средамъ и Субботамъ по полудни не полагается никакихъ лекцій.

Такимъ образомъ учащіеся, занимаясь въ классъ еженедѣльно по 26 часовъ, т. е. по три часа по утру и по два послѣ обѣда (кроме Среды и Субботы), будучи имѣвши достаточное время для приготовленія себя къ слѣдующимъ урокамъ и для изученія сверхъ сего какого либо языка, или Искусства (*). Благоразумію самихъ наставниковъ предоставляется наблюдать за тѣмъ, чтобы дѣти не оспягались чрезмѣрнымъ единообразіемъ ученія, и при переходѣ отъ одной лекціи къ другой, пользовались нѣкоторымъ, впрочемъ весьма краткимъ отдыхомъ (с. 383).

(*) Въ отношеніи къ тому, съ какого именно часа утра начинаешь ученіе, полезно бы было, кажется, сообразоваться съ Уставомъ учебныхъ заведеній, подъдомыхъ И. Дерпшскому Университету (§ 40), коимъ сіе предоставлено на усмотрѣніе Директора Училищъ и Учителей.

Теперь однако спрашивается: сколько въ какомъ Училищѣ или классѣ должно быть Учителей?

Благоустройство Училищъ пребуешь; чтобы въ *каждомъ классѣ* было *сколько можно меньше* Учителей. Преподаваніе языковъ отечественнаго, Латинскаго и Греческаго, непременно должно быть поручаемо одному лишь Учителю. Отъ шаковаго соединенія сихъ трехъ предметовъ преимущественно зависишь успѣхъ во всѣхъ оныхъ. Сей-то наставникъ, преподавая въ какомъ либо опредѣленномъ классѣ Училища, есть собственно, такъ называемый *классный Учитель* (*). Онъ обязанъ сверхъ сего преподавать въ высшихъ классахъ Гимназіи

(*) Судя по нынѣшнему устройству Педагогическихъ Инстититутовъ, конечно не вездѣ еще удастся отыскать шакихъ Учителей. Но приготовишь оныхъ безъ сомнѣнія *можно*. Если одинъ Учитель могъ преподавать Философію, Извѣстныя Науки и Политическую Экономію; то ужели нельзя приготовишь людей къ тому, чтобы они могли учить языкамъ отечественному, Латинскому и Греческому? И сколь великая польза и облегченіе отъ того произошли бы для преподаванія Грамматики вообще, при постоянномъ сличеніи между собою грамматическихъ формъ сихъ трехъ языковъ?

главный предметъ своего класса, т. е. Поэзію, Исторію, Риторіку или Философію.

Въ приготоительныхъ классахъ, гдѣ опытному наставнику почти не нужно приготоляться къ лекціямъ, всѣ предметы ученія преподаешь одинъ только Учитель (*).

Таковой Учитель долженъ бы учить по 26 часовъ въ недѣлю; или по 22 часа, коль скоро Законъ Божій преподаешь другою особю.

Въ низшей и высшей Гимназіи, класный Учитель будешь учить только по 18 часовъ въ недѣлю; онъ же у себя на кварширѣ будешь размашривать представленныя ему учениками упражненія. Сверхъ шести, шакъ называемыхъ класныхъ Учителей при Гимназіи, должны находиться еще два Учителя,

(*) При немъ конечно не худо бы имѣть сотрудника или помощника (Collaborator). Сн, болъшею частію молодые люди, гошоващіеся къ учительскому званію, въ отсутствіе Учителя занимають его мѣсто, или же обучають дѣшей, явно отстающихъ въ ученіи отъ соучениковъ своихъ. Сотрудники сн, по мнѣнію Г. Брауншвейга (Organisation d. Gymn., с. 39 и 48), обучають шакже мальчиковъ, за какою либо вину на время удаленныхъ изъ класса. Они же могутъ бышь опредѣляемы Вибліотекарями, Смотрителями при коллекціяхъ, и даже писцами при Директорѣ, или Смотрителѣ Училищъ.

одинъ преподающій Законъ Божій, а другой Машемашіку. Первому досталось бы обучать не болѣе 21, а послѣднему по 24 часа въ недѣлю (*).

Оспиаешь замѣшишь, что преподаваніе Естествословія Г. Тиршемъ ошнесено шокмо къ приготоительнымъ (Узднымъ) Училищамъ. Впрочемъ, говоришь онъ (с. 389), бышь можешь, что въ высшихъ классахъ Гимназіи ошкроется еще случай съ пользою возобновишь сіе ученіе (**).

(Продолженіе въпредъ.)

(*) Когда бы низшая, изъ двухъ классовъ состоящая Гимназія, была переименована въ высшее Уздное Училище, тогда Учителю Машемашіки въ Гимназіи, надлежало бы обучать въ недѣлю не болѣе 16 часовъ. Между тѣмъ же, Учитель Машемашіки въ высшемъ Уздномъ Училищѣ, могъ бы преподавать онуъ въ болъшихъ городахъ въ двухъ разныхъ Уздныхъ Училищяхъ, или же обучать Машемашікѣ и въ мѣщанскомъ или Политехническомъ Училищѣ (Realschule).

(**) Къ сему уже способствуешь уменьшеніе часовъ, назначенныхъ для преподаванія Закона Божія. Довольствуясь на сей конецъ въ послѣднемъ классѣ Гимназіи двумя часами въ недѣлю, можно бы ошальше два часа, посвящаяшь основаніямъ Физики.

III. К Р И Т И К А

О Россійской Грамматикѣ.

Въ шрехъ нумерахъ Русскаго Инвалида нынѣшняго года (104, 105 и 106) напечатано объявленіе, что Императорская Россійская Академія, по предложенію почтеннаго своего Президента, Его Высокопревосходительства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Адмирала Александра Семеновича Шишкова, занялась составленіемъ новой Пространной Россійской Грамматики, и что Крашкая Россійская Грамматика составляется Членомъ оной Академіи, А. Х. Воспоковымъ. Извѣстіе пріятное и важное! Мы давно чувствуемъ необходимость въ хорошей учебной книгѣ ошечешвеннаго языка, и кому если не Членамъ сего именишаго Сословія предлежитъ слава совершенія сего великаго и ошечешвеннаго подвига? Желая показашь ошечешвенной публикѣ, сколь великъ и важенъ сей трудъ, и сколь необходимая нужда насноишь въ скоромъ и успѣшномъ исполненіи онаго, разберемъ одну *Россійскую Грамматику*, изданную въ 1826 году шестымъ изданіемъ, и, за недоспашкомъ луч-

шею, упошребляемую во многихъ нашихъ Училищахъ. Благодаря почтеннымъ Членамъ Академіи, и папріошическому рвенію знаменитшаго Предсѣдателя оной, и сія книжка, вмѣстѣ съ многими другими, будетъ замѣнена руководствами, основанными на истинныхъ правилахъ громкаго и величешвеннаго языка Славяно Россійскаго! Приступаемъ къ дѣлу.

1. Грамматика сія расположена безъ всякаго порядка; въ ней не наблюдается должной постепенности; во многихъ мѣстахъ говорится о предметахъ необъясненныхъ выше, и ш. п. Такъ, напримѣръ, на стр. 5^а говорится о шворительномъ падежѣ единшвеннаго числа, а падежи и числа и счислены попредѣлены на страницѣ 9^а. Ученикъ выучишь 5^ю страницу, не пойметъ ея, и вся Грамматика вскорѣ наскучишь ему. — Такимъ шочно образомъ, на страницѣ 68^а помѣщены правила произведенія причашій, а на 70^а найдешся ихъ опредѣленіе; на 69^а произведение дѣепричашій, а на 71^а опредѣленіе оныхъ. На стр. 75^а, въ опредѣленіи союза, говорится о періодахъ, копорые опредѣлены не прежде 113^а. И въ семъ самомъ опредѣленіи шолвующъ о логическихъ предложеніяхъ, копоры къ сей Грамматикѣ *нигдѣ* не опредѣлены.

На сгр. 31^я говорихся о грамматическихъ лицахъ, а опредѣлены оныя на страницахъ 38 и 39^я.

2. Многія опредѣненія въ сей книгѣ недоспашочны и даже совершенно ложны. Такъ, напримѣръ, на сгр. 11 говорихся, что *имя* естъ часшь рѣчи. Такой часши рѣчи нѣтъ, а естъ имя существительное, прилагательное и числительное. Сгр. 7. „Простое слово состоитъ изъ одного какого нибудь слова, ш. е. простое слово естъ простое слово. — Сгр. 9. „Число показываешь одну или много вещей, шакже дѣйствіе одной или многихъ вещей.“ А названія *качествъ* развъ не полагаюхся во множественномъ числѣ? Сгр. 11. „Склоненіе естъ измѣненіе конечной буквы какого-либо слова.“ Нѣтъ! иногда перемѣняюхся двѣ и при конечныя буквы; напр. *гражданинъ, граждане, чернѣй, чернаго*, и ш. п. Сгр. 13. „Собирательное имя естъ общее названіе многимъ лицамъ или вещамъ одного рода. Наричательное принадлежишь многимъ лицамъ, вещамъ одинакаго рода.“ Какая жѣ между ими разность? — Сгр. 11. „Слово лице означаешь существо одушевленное.“ Нѣтъ! Это недоспашочно. Лице собственно означаешь челоуѣка. Имена существительныя: *слонъ, конь, песь*, означаюшь су-

щества одушевленныя, но не лица. — Сгр. 31. „Мѣстоименіе естъ часшь рѣчи склоняемая.“ Это не нужно въ опредѣленіи: склоненіе не естъ существенное свойство мѣстоименія. Сгр. 35. „Глаголы (между прочимъ) показываюшь *страданіе вещи*.“ Любопышно знашь, поймешь ли ученикъ, что значишь *страданіе вещи*. — Сгр. 72. „Нарѣчіе естъ часшь рѣчи неизмѣняемая.“ Это несправедливо, ибо здѣсь же, на сгр. 74^я сказано, что нарѣчія упоиребляюхся въ сравнительной степеніи. Сверхъ того говорихся о нарѣчіи: „Оно поставляеиъ при глаголахъ и при именахъ прилагательныхъ для показанія обстоятельствъ, къ состоянію или дѣйствію чего отношительныхъ.“ Что значишь: „обстоятельства, къ состоянію или дѣйствію чего отношительныя?“ Не понимаемъ. — Сгр. 74. „Предлогъ естъ часшь рѣчи несклоняемая; сгр. 75, союзъ естъ часшь рѣчи несклоняемая; сгр. 76, междометіе естъ часшь рѣчи несклоняемая!“ Къ чему все это, когда, на сгр. 8^я, уже сказано, что сіи часши рѣчи въ окончаніи своемъ никогда не измѣняюхся?

3. Въ сей книгѣ помѣщены недоспашочныя и многія невѣрныя правила, какъ напримѣръ, на сгр. 7^я, говорихся, будто слова: *бѣленькій, красенькій*, озна-

чаюшь недоспапокъ въ качествѣ: неужели ббленькая бумажка значить несовершенно бблая? — На стр. 14^я, въ исчисленіи именъ мужскаго рода, кончащихся на ъ, помещены *борть* и *лань*, имена женскаго рода; *пастырь*, *писарь*, означающіи мужчинъ, и опредѣленные выше, а пропущено множество словъ, какъ напимърь: *вексель*, *вензель*, *вепрь*, *волдырь*, *глухарь*, *голубь*, *грифель*, *деготь*, *дождь*, *журавль*, *карась*, *киль*, *коготь*, *куколь*, *курень*, *ларь*, *локоть*, *лосось*, *нетопырь*, *ноготь*, *окунь*, *олень*, *пластырь*, *плетень*, *рубль*, *слепень*, *стержень*, *сухарь*, *трутень*, *угорь*, *уровень*, *фитиль*, *червь*, *шелудь* и пр. Таблица склоненій весьма недоспапочна и сбивчива. Въ именительномъ падежѣ 1го склоненія, кромѣ *а*, *я* и *іа*, показаны еще окончанія *уй*, *ей*. Къ чему это? Если хошѣли симъ показашь, что сіи слова въ родим. падежѣ множеств. ч. имѣюшь *уй*, *ей* (*стстуй*, *шей*), то для чего пропущены окончанія *аа*, *оа*, *ыа* (*свая*, *портюмоя*, *выа*), имѣющіи также *ай*, *ой*, *ый* въ родительномъ падежѣ множественнаго числа? — Въ именительномъ падежѣ сего 1го склоненія поставлено *пять* окончаній, а въ родительномъ *два*: кошорое изъ пяти принимашь первое или послѣднее, не показано; ша же сбивчивость встрѣчается и въ

другихъ графахъ сей паблицы. Въ 3^{мъ} склоненіи показано вовсе неупопробительное въ Русскомъ языкѣ окончаніе *я* (*теля*, *ягня*); на 22^я стр. говоримся, что сіи имена оканчиваюшся на *окъ* (ш. е. на *енокъ*), а на 23^я показано склоненіе: *ягня*, *ягнати*. На 16^я стр., въ примѣрь 1го склоненія, приведены слова *вода* и *слуга*. Первое склоняешь правильно, но послѣднее въ род. падежѣ имѣешь исключеніе, о коемъ упоминаешь послѣ. — На стр. 19, сказано, что имена *Алексѣй*, *Юлій*, *водолей* склоняюшся какъ *соловей*; слѣдственно: *Алексья*, *Юлья*, *водоля* и пр.? На той же страницѣ прилагательное *Орловъ* наименовано существительнымъ, и показано невозможное склоненіе собственнаго имени *Азовъ* во множественномъ числѣ. — На стр. 21, сказано, что имя *палецъ* склоняешь, какъ *кузнецъ*, *льстецъ* и пр., ш. е. *палеца*, *палецу*, а не *пальца*, *пальцу*. На стр. 25, показано неупопробительное окончаніе прилагательныхъ: *синей*, *прежней*. Усвѣченныя окончанія шолько показаны, но ни чѣмъ не опредѣлены. — На стр. 27, утверждаешь, будто: *преизящный*, *препохвальный*, *весьма* и *очень уменьъ*, есть превосходная степень. Въ склоненіяхъ именъ прилагательныхъ вовсе выпущены приращательныя: *Божій*,

человѣчій, слововій, отцевъ, дочеринъ, и ш. п. Ученикъ щещно будешь искашь ихъ. На сгр. 28, упомянуто, что *Божій* склоняется по общей таблицѣ, слѣдственно: *Божого, Божему*, мн. ч. *Божіе*. Равномѣрно не показано склоненіе числительныхъ: *третій, двое, трое, пятеро* и пр. Сказано, на сгр. 30, что кончащаяся на *ѣ* склоняющаяся по 2му склоненію, слѣдственно: *одинъ домъ, одина дома, одну дому?* — На сгр. 33, сказано, что *чей* склоняется какъ *сей*, ш. е. *чего, чему, чин, чихъ*, а не *чьего, чьему, чьи, чьихъ?* Спряженій еще сбивчивѣе склоненій: время въ глаголахъ на сгр. 37^я показано *восемь*, а на 55^я прибавлено къ нимъ, безъ всякаго опредѣленія, еще *пять*, и по-го *тринадцать!* Авторъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на *виды* глаголовъ. Съ 42^я сграницы начинающіяся *примѣры* спряженій, а шолько съ 60^я показаны *правила* оныхъ. Послѣ примѣра *мѣрляю*, сгр. 45, говорившя, что также спрягается глаголь *бояться* (слѣдственно: *болюся, болюсья*); на сгр. 47, что *видѣть, глядѣть, терпѣть, вертѣть, сидѣть*, спрягаются какъ *грѣть* и *смотрѣть* (ш. е. *видѣю* или *видю, терпѣю* или *терплю, вертѣю* или *вертлю, сидѣю* или *сидю!*) Припомъ, въ сихъ примѣрахъ при проспомъ глаголь показанъ

происходящій отъ него сложный, какъ существенная часть проспаго. Авторъ не видѣлъ или не хошѣлъ видѣшь, что глаголы *смѣрять, сдвинуть, согрѣть, по-смотрѣть, построить, вымыть, уколоть, сдуть*, смысломъ своимъ совершенно удалились отъ простыхъ своихъ глаголовъ, и что наримѣръ въ глаголахъ *согрѣть, вымыть*, нашоющее время есть не *грѣю* и не *мою*, а *согрѣваю, вымываю*. На сгр. 54 сказано, что глаголь *запрещать* не имѣешь нашоющего времени, а *запрещаю?* На сгр. 56 говорившя, будто *взялъ*, есть прошедшее совершенное время глагола *брать!* слѣдственно *свѣлъ* есть прошедшее совершенное глагола *кушать*. На сгр. 59 является какой-то неизвѣстный глаголь *бѣчь*. Авторъ вѣроянно хошѣлъ назвашь глаголь *бѣгать*, кошорый имѣешь однокрапную форму *бѣгнуть*, употребляемую въ сложныхъ глаголахъ; наримѣръ *прибѣгнуть*, отъ коей, происходишь усѣченное прошедшее время *прибѣгъ*. Но *бѣчь!* На сгр. 60^я сказано, что глаголы въ неокончательномъ наклоненіи кончащяся на *ть* или *чь*; а *щѣ? влещѣ; а ти? итти, ползти*. Тамъ же, будто *досадить* и *обидѣть*, суть *простые* глаголы. — Съ 63^я сграницы, начинающіяся *правила* произвожденія времени: *ть* съ предъ-

дующею буквою *а*, *ѣ* или *я*, перемѣняется на ю; напримеръ *двигаю*, *двигаю*; *владѣть*, *владѣю*. Следственно, должно говорить: *кричаю*, *шумлю*, *плясаю*, *хохочу*, *казаю*, *хотлю*? Окончаніе *ытъ* перемѣняется на *ою*; напримеръ: *мытъ*, *мою*; *рытъ*, *рою*, но *слытъ* имѣешь *слысу*. И только-шо? а *бытъ*? а *плытъ*? а *тытъ*? *Итъ* съ предыдущею буквою *б*, *в*, *л*, *п* (почему нѣтъ *ф*?) перемѣняется на *лю*; напримеръ: *люблю* и пр.; но *пить* имѣешь *пью*.“ А *вить*, *бить*? Въ концѣ сихъ правилъ сказано: „что изъ оныхъ естъ нѣкошорыя исключенія, кошорыя для краткости здѣсь не упоминаются.“ Но сіи исключенія необходимо нужны; оныя были бы гораздо полезнѣе многихъ лишнѣхъ страницъ сей книжки; напр. правилъ о составленіи именъ съ глаголомъ, кои не ведутъ ни къ чему. На стр. 166 говорится о прошедшихъ временахъ, и что же? „Прошедшія времена производятся отъ неокончательныхъ наклоненій чрезъ перемѣну *тъ* на *лъ*; напр. *вергаты*, *вергалы* и проч.“ А *тергъ*? А *раслухгъ*? А *береггъ*? А *пряггъ*? На стр. 75 слова: *окрестъ*, *протлеу*, поставлены въ числѣ предлоговъ; на стр. 93^я сіи же слова помѣщены въ нарѣчійхъ, а на 94^я *окрестъ* является опять между предлогами. На стр. 74, сказано, будно нарѣчій, кончащіяся на *о*,

а особливо качество означающія, употребляются въ степеняхъ сравнительной и превосходной. Следственно: *именно*, *сколько*, *елико*, *столько*, *дволю*, имѣють сравнительную степень?

Словосочиненіе также недоспапочно, сбивчиво и ошибочно. Въ ономъ нѣтъ предварительнаго объясненія предложеній и частей онаго, кошорое опнесено въ замѣчаніе къ правиламъ о знакахъ преніянія. И самое Словосочиненіе начинается синтаксическою ошибкою: *два или многія имена* и пр. Нѣтъ правилъ постоянныхъ: вездѣ сбивчивые вопросы: *куда?* *гдѣ?* *когда?* и на каждый по нѣскольку разныхъ отвѣтовъ. Въ исчисленіи глаголовъ и именъ, шребующихъ различныхъ падежей, пропущена половина. Въ правилахъ о сочешаніи именъ числительныхъ, не сказано ни слова о сочешаніи съ оными именъ прилагательныхъ, напр. *три черныя кафтана*, или *три черныхъ кафтана*. На стр. 90, сказано: что глаголы *алкаты* и *блѣтъ*, кромѣ именительного, (ш. е. подлежащаго) никакихъ падежей не принимаютъ. Неужели? А: *алчеть славы*, *блѣднѣтъ отъ боязни*? — На стр. 92 приведенъ примѣръ: *Селирамида убита отъ сына своего Нинія*. Никшо такъ не пишешь и не говоришь. На стр. 94, въ числѣ

предлоговъ, шребующихъ шворительнаго падежа, пропущены: *надг*. На стр. 97 въ 5^й спрокъ, сказано, что междоменіе *о* шребуешь падежа *именительнаго*, а въ 12^й, что оноо принимаешь падежъ *звательный*. Чшо правда?

Правила *Правописанія* не лучше прежнихъ; настримъръ: на стр. 100 сказано, что въ именишльномъ падежѣ средняго рода единшвеннаго числа всѣ причасія и прилагательныя пишущся на *о* или *е*. Почему не сказано вообще, что въ склоненіи именъ прилагательныхъ положительной степени не бываетъ буквы *ь*? Въ § 197 сказано: „имена существительныя, въ окончаніи конхъ при выговорѣ слышншся звукъ буквы *е*, всегда писанъ должно чрезъ *е*, а не чрезъ *ь*, настримъръ: *лице, море, поле, сокровище* и пр. „А въ *лиць, въ морь, въ домь, въ водь*? И здѣсь въ окончаніи при выговорѣ слышншся *е*. На стр. 103 и 104 показано, что нарѣчія: *гдѣ, вездѣ, нынѣ, здѣсь* и глаголы *вельть, вертъть, вистъть* пишущся чрезъ *ь*, а не чрезъ *е*, и вслѣдъ за шѣмъ сіи же самыя слова (*гдѣ, нынѣ, здѣсь* и глаголы: *вельть, вертъть, видѣть, вистъть*), помѣщены въ списокъ словъ, на которыя нельзя подожишь правила! Въ семь списокъ нахо-

дяшся и другія слова лишнія: *имльнше, затъи, зръльый, медвьдь, пьвчій, пьсня, пьтухъ, стьмл*, на кон естъ общія правила, и нькошорыя, помѣщенныя вопреки правиламъ; настримъръ: *лѣчить, прѣнше, пишущся: лѣчить, пренше, онъ легчить, легчу, прать, пру*. На стр. 106 сказано, что послѣ *г, ж, к, ф, х, ч, ш, щ*, буква *ѣ* ни въ началѣ словъ, ни въ срединѣ не пишешся. А *кѣмъ и чѣмъ*? Если бѣ сказано было, что буква *е* въ собственшо Русскихъ словахъ послѣ *г, к, х* не пишешся, шо сіе было бы шраведливѣе. На стр. 108, слова: *Туригя и Машильда*, помѣщены въ числѣ *Греческихъ*.

4. Не спанемъ распрощраняшся въ замѣчаніяхъ о примѣрахъ: оноше преимущешвенно заимшсованы изъ напечатаннаго за 80 лѣшь предъ симъ *Житія Александра Великаго*; настримъръ: „уже варвары, когда Александръ ввелъ въ городъ фалангу, (спроевое Македонское войско) разбѣжались, куда кого боязнь загнала.“ „Славнѣйшую побѣду получаешь, кто побѣждаетъ себя.“ — „Александръ Великій вступилъ на престолъ двадцати, а умеръ шридцати лѣшь онъ роду.“ И эшо не правда: онъ умеръ на 33 году.

Въ заключеніе повшорю: честь и слава мужамъ, предпринимающимъ загладишь сей недоспашокъ! Они приобрьшущъ право на вѣчную благодарнось опечесва!

Р. Щ.

*бывшій Учитель Россійской
Словесности.*

Москва,

Іюня 3 дня 1827 года.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

С О Н Е Т Ъ.

Съ младенчества души безсмершьемъ вдохновенный,
Я не спрашусь грозы ужасной міра бѣдъ;
Но съ твердосью иду, куда меня ведешъ
Свѣшильникъ разума и Вѣры вождельный!

И пусть мнѣ грудь пѣснишь порокъ ожеспоченный;
Пусть всюду зло въ глазахъ, враги за мною въ слѣдъ:
Забошь мучительныхъ, желаній мрачныхъ нѣшь
Въ душѣ возвышенной, шерпшьемъ укрѣпленной.

Иду — и вошь весна на западъ моя;
А гордый духъ еще въ бореньѣ съ суешами...
Вошь моря бурнаго спрашней на брегъ я,
И море бурное спрашней глумишь волнами;
А — Сшюкъ разумомъ — я все пою: *Сілій,*
„Свѣтъ, о Вбра, жмъ безсмертія лугами!“

Алексій Чапликъ.

Мой уголокъ на Парнассѣ.

На высотѣ Парнасса благодатной,
 Гдѣ все цвѣтешъ, откуда къ небесамъ
 Невидимо спруишя еиміамъ
 Благоуханья аромашный;
 Гдѣ Музы пламенные встарь
 Съ богами шайныя бесѣды раздѣляли,
 И на увѣчаный ольвами алшарь
 Великіе земли для жершвы возлагаи
 Искусствъ возвышенныхъ нешльные труды:
 Тамъ, шамъ — у водъ прозрачной Ипокрены —
 Проложены мнѣ легкіе слѣды
 Къ безмершю Эагрскою Каменой! —
 Когда Ашропы мрачной власшь
 Существованья нишь мою разрушишь роковую,
 Мой духъ воспорженный шамъ будешъ посьщашъ
 Свою соцушницю свяшую.
 Тамъ буду я душою къ небесамъ
 Таинственно паришь въ пѣлншльномъ забвеньѣ
 И въ жершву приносишь богамъ
 Земное вдохновенье!

Н. Л.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ
 И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обо-
 зрѣніе происшествій 1826 года.

(Окончаніе.)

Австралія во многихъ отношеніяхъ
 можешъ бышь причислена къ Новому Свѣ-
 шу, ибо сія часшь Свѣша не только лежишь
 часшю на западномъ полушаріи и нова для
 насъ, какъ по времени своего открышя,
 шакъ и по удивительной своей природѣ; но
 сверхъ того здѣсь возникаешъ образован-
 носшь, кошорой, можешъ бышь, вскорѣ сна-
 нупъ подражашъ и Европа и Америка. Бысшрѣ
 прочихъ процвѣшашъ все болѣе и болѣе
 познаваемый великій материкъ Австраліи,
Новая Голландія, вмѣстѣ съ сосѣдственной
 съ нею *Фанг-Дименовою землею*; сношенія
 ея съ другими землями и вывозъ ея непре-
 рывно умножающяся; каждый мѣсяць отпра-
 вляешся ошсюда въ Англію большой корабль
 съ произведеніями страны сей, къ кошорымъ
 нынѣ принадлежишь и сахарный шпросп-
 никъ. Одно изъ важнѣйшихъ ея произведе-

ній, естъ опмѣнно шонкая овечья шерсть, и посему разбойническое нападеніе шуземцевъ, имѣвшее слѣдствіемъ разореніе нѣсколькихъ большихъ овечьихъ стадъ, было причиною справедливаго сожалѣнія. Между шѣмъ разбѣжавшіяся овцы еще болѣе распроспраняшся во внушренности сей спраны, кошорая, послѣ перехода Англичанъ чрезъ Синія горы, все болѣе спановишся извѣшною и поспешенно образуешся; говорять, что за сими горами ошкрышо челоувѣческое племя, бѣлаго цвѣша, имѣющее гораздо бблшія способности, чѣмъ доселѣ извѣшныя Новоголландцы. — Кишова лова на Южномъ морѣ доспавляеш богашійшую добычу, между шѣмъ, какъ въ Сѣверномъ Ледовишомъ морѣ она поспешенно уменьшаешся. Сандвичевы ошрова успокоились и признали молодаго и лѣшняго Короля своего, Карбіавли. Англичане основали колонію на ошровѣ *Мельвилль*, кошорая, какъ надѣюшся, будеш современемъ шпорымъ Сингапуромъ. Французы имѣюш намѣреніе учредитъ колоніи въ *Новой Гвинее*: и сіи шакже могуш сдѣлатьшя весьма важными. Англичане предупредили Голландцевъ въ основаніи новыхъ колоній на сѣверномъ берегу Новой Голландіи.

Положеніе *Азіятской Турціи* сдѣлалось въ семь году для Поршы еще опаснѣе, по безпреспанной боязни, чтобы не вспыхнуло мщеніе многочисленныхъ въ сей спранѣ Янычаръ. Курды продолжали обыкновенныя свои разбойническія нападенія и разбили Пашу Алеппскаго; а горные жители Ливана обезпакивали Дамасскій пашалыкъ. Мнѣжный Иманъ Гуссейнъ, въ Аравіи, покорень былъ Турецко-Египетскимъ оружіемъ, надъ коимъ Вехабишты снова одержали верхъ. Дикія племена *Туркоманскія* шакже взволновались: онѣ сдѣлали нападеніе на *Авганистанъ* или Воспачную Персію. Изъ Индіи получены нѣкошорыя новѣйшія извѣшія о необьяшной *Китайской Имперіи*. Въ ней находится 20 областей и 185 главныхъ городовъ. Подаши проспираюшся до 13,250,000 ф. сп., доходъ деньгами и произведеніями до 30 милліоновъ фуншовъ, а шаможенный сборъ въ одномъ Каншопѣ до милліона фуншовъ шерлинговъ. Число гражданскихъ чиновниковъ проспираешся до 9511, военныхъ офицеровъ до 7552 чел. Армія представляеш необразованное и невоинственное сомище въ 1,263,000 челоувѣкъ, изъ числа коихъ одна Татарская и Монгольская конница заслуживаеш нѣкошорое уваженіе. Вся извѣшія согласуюшся въ шомъ, что сія

огромная Монархія болѣе и болѣе приближается къ паденію, что Китайцы, съ болѣею досадою носятъ иго разслабленныхъ Монголовъ, и что сіе неудовольствіе причиняетъ частыя, опасныя безпокойства, преимущественно въ пограничныхъ областяхъ. Побѣдоносная война Англичанъ противъ Бирманскаго Государя весьма вспревозмогла Китайскаго Императора, попому что они теперь безпрестанно приближаются къ его владѣніямъ, и онъ почиаетъ Бирманскаго Монарха своимъ союзникомъ. Напрошивъ того пишушь, что *Кохинхина* приходишь въ цвѣтущее сословіе, ибо Французы распространяють тамъ ремесла, торговлю и образованность, и что даже Кохинхинскій фрегатъ отправился для открытій. Франція состоитъ постоянно въ дружественныхъ связяхъ съ сею Монархіею, и вступила съ нею въ весьма выгодныя для себя торговыя сношенія.

Остъ-Индская Компанія продолжала въ началѣ сего года опасную войну противъ *Бирмановъ*. Китайскій Императоръ и Сіамскій Король щещино старались примирить ихъ. Англичане, спрдавшіе отъ cholera morbus, часто были обезпокоиваемы Бирманами въ своихъ зимнихъ кварширахъ; неудовольствіе и опасеніе неудачнаго конца войны

сей дошли до того, что Г. Юмъ, хотя и безъ успѣха, предложилъ въ Парламентѣ смѣнить Генераль-Губернатора, приведшаго Индію въ столь опасное положеніе, которое еще умножено было моровою язвою въ Калькуштѣ, урожаемъ индига, раздорами и междоусобіями въ другихъ мѣстахъ Индіи. Храбрость и дисциплина Брипанскихъ войскъ вскорѣ принудили Бирмановъ къ перемирію и вступленію въ переговоры, при чемъ они согласились выдать Англичанамъ 2,000,000 ф. сп. въ вознагражденіе за пощери ихъ, и уступить имъ четыре важныя области, Рангуль, Пегу, Маршабанъ и Арраканъ. Однако же Король ихъ не хотѣлъ подписать сихъ условій: снова началась вражда, которая подала случай Англичанамъ, съевшимъ столицный городъ Уммературу, къ новымъ побѣдамъ; тогда Бирмань гонимы были къ заключенію еще выгоднѣйшихъ для Англичанъ мирныхъ условій, въ коихъ участвоваль и Король Сіамскій, и по которымъ они уступали имъ семь областей и соглашались, чтобы еще четырьмя другими управляли начальники, по выбору Компаніи; сверхъ того обязывались выплащать имъ 1,000,000 ф. сп., дать имъ свободу торговли, и снять пошлину съ Брипанскихъ кораблей, за что Англичане пре-

доставили шу же выгоду Бирманскимъ судамъ. Еще разъ надменность *латоногаго* Государя Бирманскаго возсала прошиву рашификации пракашта; онъ собралъ новое сильное войско, надъ коимъ однако же Англичане одержали 20 Января споль блистательную и рѣшительную побѣду, что ему оставалось только согласиться на вышепомянутыя условія, и 24 Февраля подписанъ былъ мирный договоръ, который не только обогатилъ Брижанскія владѣнія изобильнѣйшими областями, служащими для Калькушты вѣрнымъ оплономъ прошиву Бирманскихъ набѣговъ, но и доставилъ Англичанамъ такой же перевѣсъ въ верхней части Инди, каковымъ они пользуются въ нижней, и возможность вышѣннть изъ сей части Южной Азии всѣхъ соперниковъ своихъ, преимущественно же споль опасныхъ для нихъ Сѣверо-Американцевъ. Они немедленно спарались упопробить съ пользою ушупленные имъ области, и заложили на рѣкѣ Маршабалъ новый городъ Амгерешоунъ, который можеть сдѣлаться важнымъ торговымъ мѣстомъ. Тогда и Синкапурская колонія, посредствомъ которой они съ Юга присвоивають себѣ торговлю верхней Инди, и шѣмъ распространяють великое влияние свое на семь полуострововъ, получили

еще большую важность. Трудно найши колонію, которая въ столь короткое время, сдѣлала бы споль значительные успѣхи. Въ 1819 году, Синкапуръ былъ еще рыбацьею деревенькою, въ которой было 150 жителей, коихъ въ концѣ 1825 года считалось уже болѣе 50,000, и се число непрерывно увеличивается. Торговые обороты сей колоніи въ 1824 году уже проспирались до 20 милліоновъ фуншовъ сп. и умножились по шой же мѣрѣ, такъ, что Синкапуръ нынѣ принадлежитъ къ важнѣйшимъ торговымъ мѣстамъ на Земномъ шарѣ. Всѣ прочія распри также успѣшно были прекращены въ теченіе сего года. Компания поладила съ Персією и Раджею Лагорскимъ, и счастливо опразила нападеніе Пиндарійскихъ разбойниковъ на Кучскую область, а Лордъ Комбермиръ завоевалъ 18 Января Индѣйскій Гибралтаръ, важную крѣпость Буршпоръ. И такъ, подѣ управленіемъ Лорда Амгереша, прошивъ которой въ началѣ года возсало сполько непріятелей, одержаны были блистательнѣйшія побѣды, по сю и по шу сторону Ганга, а Брижанское владычество еще болѣе ушвердилось, распространилось чрезъ оба Индѣйскіе полуострова, и открыло новые торговые пуши для мѣнѣ Англійскихъ издѣлій на драгоценнѣйшія Азіатскія

произведения. — Незвѣстный дошоль испочникъ Буремпушера открышь былъ въ Ассамскомъ Государствѣ. Бришанская армія лишилась одного изъ храбрѣйшихъ и опытнѣйшихъ воиновъ своихъ, Сира Давида Охшерлонга, служившаго въ Индіи 47 лѣтъ.

Мы уже выше упомянули объ опасномъ возмущеніи въ восточной части *Явы*, противу Нидерландскаго владычества, которое прервало даже сообщеніе между Самарангомъ и Батавіею. Война продолжается, и пуда послано было подкрѣпленіе. Нидерландскія войска спрадаютъ ошъ cholera morbus. *Суматра* спокойна, но говорятъ, что на *Моллукскихъ* островахъ также начались безпокойства. Важная колонія, когорою Испанцы еще владѣють въ Полинезиі, состоитъ въ *Филиппинскихъ* островахъ; она по двумъ, вышедшимъ въ главномъ городѣ Манилѣ сочиненіямъ, имѣеть около 2 милліоновъ жителей, различныхъ племенъ и вѣроисповѣданій, и ежегодно плащеть податъ въ 1,500,000 піаспровъ; но и здѣсь въ послѣдніе годы произошли безпокойства, копорые дѣлають владычество Испаніи надъ сими островами сомнишельнымъ.

Изъ *Африканскихъ* Государствъ, *Египетъ* преимущественно обратилъ на себя вниманіе Европы, со времени вспугненія въ

управленіе Мегмета - Али. Сей Паша распроспранилъ предѣлы своихъ владѣній на югъ, воспокъ и западъ, вспугнилъ въ шорговья сношенія съ Европою, завель фабрики, и принялъ ревностное участіе въ войнѣ противу Грековъ; но благородные плоды образованности созрѣвають только подъ открытымъ небомъ, а не въ шеплицахъ малодушнаго корыстолюбія и восточнаго деспотизма. Египетъ обдѣль ошъ присвоенной Вице-Королемъ монополіи, шорговать хлѣбомъ и драгоценною хлопчатною бумагою; нѣсколько неудачныхъ спекуляцій, потеря значительныхъ суммъ при происшедшемъ въ Англіи великомъ недоспашкѣ въ деньгахъ, частые походы противу Грековъ и Вехабиновъ испощили казну его. Ошъ вздумалъ поправить свои финансы новыми припѣсненіями и налогами, копорые возбудили къ мятежу поселянъ въ окрестностяхъ Каира. Вехабины учинили снова впаденіе въ обласшь Юнху, и не встрѣщили сильнаго сопротивленія. Говорятъ, что Паша, успращенный угрозами Лорда Кокрена, поссорился съ Султаномъ, копорый возложилъ на него все бремя войны противу Грековъ. Фабричные работники, копорыхъ Вице-Король хошѣлъ подчинить Египетскимъ законамъ, оставили его землю, равно какъ

и нѣсколько Французскихъ и Италіянскихъ офицеровъ, которые, по прибытіи въ Марсель, представили въ весьма невыгодномъ видѣ характеръ и поступки Паши, положеніе Государства и войска его. Торговая полищика Франціи, безпрерывно обращающая вниманіе свое на Египетъ, подаде поводъ къ дружественнымъ сношеніямъ съ Вице-Королемъ. Сорокъ молодыхъ Египтянъ посланы были на воспитаніе въ Парижъ, и шамъ были ласково приняты. Египетскіе военные корабли сиротились въ Марсели, и Французскіе офицеры, находившіеся въ Египетской службѣ, не щерили мѣсть, занимаемыхъ ими въ ошечествѣ. Въ Каирѣ, кошорый даже намѣревающа освѣтитъ газомъ, выходитъ нѣтъ Газета на Арабскомъ и Италіянскомъ языкахъ. — *Варварійскія Государства* безпрерывно спавяшъ военныя суда для Турецкаго флота. *Алжирцы* враждующъ прошивъ Испаніи, и не только захватывающъ корабли ея, но и дѣлающъ высадки на ея берегахъ; подобныя поступки ихъ прошивъ Римскихъ кораблей, прекращены были угрозами Франціи. Въ *Мароккской Имперіи* свирѣпствовало ужасный моръ и голодъ; говорящъ, что Марокканцы вознамѣрились брань Ганзейскіе и Прусскіе корабли. Смѣлые путешественники, Маіоры

Леонгъ и Клаппершонъ, сдѣлали важныя открытія во *внутренности Африки*; первый прибылъ въ *Томбукту*, а послѣдній перешелъ чрезъ высокія горы, открылъ обширное Государство, существованіе коего доселѣ было неизвѣстно, находясь еще только на два дни вѣды отъ Нигера и казался увѣреннымъ, что сія рѣка изливается въ Бенинскій заливъ. Въ началѣ сего года утверждали, что Англія совершенно откажется отъ опаснаго владѣнія Капъ-Коспъ-Каспья на *Золотомъ берегу*, однако же Генераль Камбель былъ назначенъ Генераль-Губернаторомъ и отправился туда съ свѣжимъ войскомъ. Вскорѣ пономъ *Ашанти* напали на колонію шакъ сильно что Губернаторъ долженъ былъ призвать всѣхъ жителей къ оружію. Завязалось кровопролитное сраженіе, въ кошоромъ Ашантии лишились 5,000 человекъ а Король ихъ былъ тяжело раненъ, и умеръ 7 Августа. Англичане одержали сію побѣду не безъ значительной потери; съ ихъ стороны было 800 человекъ убитыхъ и 2,000 раненыхъ. Французы при *Сенегалѣ*, также должны были бороться прошиву возмутившихся Негровъ, коихъ шестипшисыачный корпусъ какъ говорящъ, нѣсколько разъ, разбивалъ Французскій гарнизонъ. — Всѣ усилія къ прекращенію

торга невольниками досель оставался щепными; въ одинъ городъ Рио-Жанейро въ печеніе года привезено ихъ 25,000. — Колоніи, учрежденныя на *Мысль Доброй Надежды*, не были обезпокоиваемы Кафрами, но шерпѣли отъ сильной засухи. Англійская экспедиція, опсправившаяся для опскрышій къ *Восточной Африкѣ* и *Мадагаскарѣ*, спаралась войши съ сими спранами въ шорговья связи. Наконецъ мы можемъ еще упомянуть о немаловажномъ слѣдствіи для плаванія въ Индію, проспекшемъ отъ пребыванія Наполеона, на лежащемъ между Спарымъ и Новымъ Свѣтомъ оспровѣ *Св. Елены*. Оно побудило обратишь особенное вниманіе на сосѣдственный, дополь необитаемый оспровѣ *Вознесенія* (Ascension); сію голую скалу покрыли землею, обрабатывали оную и шѣмъ превратили оспровѣ сей въ новую выгодную станцію для путешественниковъ въ Оспѣ-Индію.

Пер. М.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я к н и г и .

1 8 2 7 .

П о э з и я .

26. *Цыганы*. (Писано въ 1824 году). М. въ шипограф. Авг. Семена, 1827. 46 стр. въ 12 д. л.

(Года за при предъ симъ, оспрывокъ изъ сей Поэмы, заключающей въ себѣ картину кочевой жизни Цыгановъ, былъ помѣщенъ въ одномъ Альманахѣ; и тогда уже любители Русской Поэзіи неперпѣливо желали прочесть всю Поэму, предугадывая въ ней новыя, занимательныя положенія, отъ появления Алека, ушельца городовъ, въ кругу полудикихъ Цыгановъ. Догадки сіи оправданы самимъ Поэмомъ: раздражительное самолюбіе Алека не уживается съ просными нравами и раздольнымъ образомъ жизни Цыгановъ; мучимый ревностію, онъ подшергаетъ невѣрную подругу свою, Земфиру, и убиваетъ ее и сообщника ея измѣны. Такой

примѣръ неслыханныхъ дошолъ между Цыганами порывовъ спрасни, возмущаетъ робкую ихъ совѣсть: они изгоняють изъ шатора своего челоуѣка, гошоваго нарушить принятыя ими правила и жершвовашъ всѣмъ, даже жизни другихъ людей, въ угоду необузданной своей воли. — Вся сія Поэма написана какъ бы ошдѣльными карпинами, въ кошорыхъ живость изображеній и звучность, сладость стиховъ Пушкина, совокупляясь съ заманчивостію предмета, дѣйствуютъ на воображеніе чдшашеля шройнымъ очарованіемъ. Прочитавъ послѣднюю страницу, все еще не оспанавливаешься, не хочешь разспашся съ Повѣстію: все ждешь новыхъ событій, или ищешь въ душѣ своей новыхъ впечатлѣній. Такова сила истиннаго дарованія! ушаенное или недосказанное имъ, открываетъ передъ нами рядъ неясныхъ картинъ и пробуждаетъ шакія ощущенія, въ кошорыхъ мы сами себѣ не можемъ дать ошчеша.)

27. *Дивъ и Пери, Повѣсть въ стихахъ.*
Сочиненіе А. Подолинскаго. С. П. б.
въ шиногр. Главнаго Управленія Пушей
Сообщенія, 1827. 37 стр. въ 8.

(Молодой Поэшь, неизвѣстный доселѣ
чдшающей нашей публикѣ, предъявляетъ

сими стихотвореніемъ свое право гражданства на Парнасъ Русскомъ, и право неоспоримое. Стихи его плавны и звучны, языкъ чистъ и хорошъ, слогу приличенъ предмету и хорошо выдержанъ. Вымысль, конечно, не богатый; но вездѣ видно воображеніе пылкое, подчиненное правильному вкусу; видно шакже и то, что Поэшь имѣешь довольно основательныя понятія о Восточной Миеологіи. Какъ первое (по крайней мѣрѣ печатное) произведеніе новаго Поэша, стихотвореніе сіе заслуживаетъ полное вниманіе и ободреніе пѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, кои съ удовольствіемъ видятъ возникающіе таланты.)

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т О Т Р И Н А Д Ц А Т О Й Ч А С Т И .

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Жалобы мужа	3
2. Записки объ Англии	18
3. Исландскія письма	97
	(Оконч.) . 193
4. Расказъ Казановы	303
II. Иностранная Словесность.	
Характеристика Трагедій Шекспировыхъ .	45
III. Отечественная Словесность.	
Письма на Кавказъ, (Оконч.)	63
IV. Критика.	
1. Письма въ Крымъ	164
2. Опыты Сочинишело книги: Подарокъ Кришнику	266
3. О Русской Грамматицкь	374
V. Народное Просвѣщеніе.	
Объ устройствѣ Училищъ	131
	(Прод.) . . 249
	(Прод.) . . 342
VI. Современная Исторія и Политика.	
1. Обзорніе происшествій 1826 года. (Прод.)	81
	(Оконч.) . 389
2. Лордъ Кокренъ	183

VII. СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стран.
1. Эрнъ	95
2. Къ N.	94
3. Ода Анакреона	95
4. Гермогенъ	297
5. Сонеть	387
6. Мой уголокъ на Парнасѣ	388

VIII. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ

95
189
300
401.